

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Минский государственный лингвистический университет

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ**

Материалы
V Международной научной конференции

Минск, 24–25 мая 2016 г.

Минск МГЛУ
2017

УДК 81
ББК 81.0
М75

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 4 (45) от 3 ноября 2016 г.

Редакционная коллегия: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), О. В. Изотова, П. П. Глазко, Н. В. Зиневич, И. В. Метлушко.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор А. П. Клименко (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент Н. П. Могиленских (БГУ)

М75 **Молодые** ученые в инновационном поиске : материалы V Международ. науч. конф., Минск, 24–25 мая 2016 г. / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2017. – 236 с.
ISBN 978-985-460-807-5.

Сборник содержит материалы Международной научной конференции по актуальным вопросам языкознания, литературоведения, методики преподавания иностранных языков. Представлены результаты исследований по проблемам лингвистики текста и дискурса, художественного перевода, особенностям речевого поведения в различных лингвокультурах, использования информационных технологий в лингвистике и образовании.

Для лингвистов, специалистов в области перевода, студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

О. А. Артемова

Минск, МГЛУ

ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ КАК АКТУАЛИЗАТОРОВ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Автором анализируются личные местоимения английского языка, которые не только идентифицируют участников коммуникации, но и способствуют установлению контакта между ними, уточняют их социальный статус, отражают особенности их эмоционально-волевой сферы, объективируют или элиминируют коммуникантов, а также позволяют производить различные вербальные манипуляции с их сознанием.

Особую роль в понимании прагматической составляющей речевой коммуникации играет дейксис – «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами, служащее для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания» [1] и выражающее «присущие языковому коллективу особенности не только языкового, но и культурного характера» [2]. Дейксис указывает на участников (персональный дейксис), временную (темпоральный дейксис) и пространственную локализацию (пространственный дейксис) речевого акта [3]. Указание на участников коммуникации осуществляется различными видами местоимений. В английском языке существуют две противопоставленные друг другу микросистемы: формы 1-го и 2-го второго лица *I, we, you* для указания на коммуникативные лица – говорящего и слушающего, и формы 3-го лица *she, he, they* для указания на некоммуникативные лица в речевом акте. В данной статье мы рассмотрим семантику и прагматические функции личных местоимений английского языка как актуализаторов персонального дейксиса. Материалом для исследования послужили примеры монологической и диалогической речи из английского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и англоязычных интернет-ресурсов [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Категория первого лица, по мнению С. Левинсона, – это грамматикализация ссылки субъекта речи на самого себя [13, с. 62–64]. В определенных условиях *I* репрезентирует личное отношение говорящего к адресату или ситуации, детерминируемое фактором субъективизации – типом семантического развития, при котором, по мнению Р. Лангакера, языковая единица приобретает индивидуальные компоненты значения с возможным закреплением их в системе языка [14], что способствует появлению у нее вторичных прагматических функций [15]. Одним из таких факторов является отсутствие визуального контакта говорящего и адресата. Для самоидентификации и уточнения своего социального статуса субъект

речи использует приложение: *I, your friend and employer Vadim Vadimovich, lying in bed on my back in ideal darkness...* (V. Nabokov. Look at the the harlequins!) ‘Я, ваш друг и работодатель, Вадим Вадимович, навзничь лежу в постели и в совершенной тьме’ [НКРЯ].

Часто при ведении диалога с самим собой говорящий как бы раздваивается, а его поступки и мысли проецируются на другого возможного субъекта, который как будто наблюдает ситуацию со стороны. Такое явление получило название дейктической проекции [3]. В произведении «Дьявол носит Прада» Л. Вайсгербер главная героиня, от лица которой ведется повествование, постоянно обращается к самой себе, просит у себя совета: *Should I tell him?* (L. Weisberger. The Devil Wears Prada) ‘Может, стоит ему сказать?’ [НКРЯ]. Это раздвоение может иметь патологический характер и привести к диссоциации как психическому процессу, когда индивидуум начинает воспринимать происходящее с ним так, как будто оно происходит с кем-то другим [16].

Местоимение 1-го лица множественного числа *we* обозначает два и более лица, включая и говорящего. Как показал анализ фактического материала, местоимение *we* в соответствии с выполняемыми им прагматическими функциями может быть: 1) фатическим для установления контакта и реализации стратегии позитивной вежливости в высказываниях типа: *How are we doing today?* ‘Как у нас дела сегодня?’; 2) королевским (носизм) для указания на высокое социальное положение субъекта речи: *"We have become a grandmother."* ‘Мы (= премьер-министр Великобритании М. Тэтчер) стали бабушкой’ [6]; 3) редакторским для формирования у адресата точки зрения, совпадающей с мнением субъекта речи, и «создания искусственных идеологических границ, которые не подразумевают какого-либо промежуточного мнения» [17, с. 91]: *You are either with us or you are with the terrorist* [7] ‘Вы либо с нами, либо на стороне террористов’; 4) авторским или научным, подразумевающим существование общих фоновых знаний у субъекта речи и адресата: *We are thus led also to a definition of "time" in physics* (A. Einstein. Relativity: The Special and General Theory) [8] ‘Мы таким образом приходим к определению понятия «время» в физике’; 5) покровительственным для моральной поддержки адресата: *"And how are we feeling today?" Doctor Radcliffe asked Jason* [5] ‘«И как мы себя чувствуем сегодня?» – спросил доктор Рэдклифф Джейсона’. В подобных контекстах происходит включение адресата в личную сферу говорящего [15], что свидетельствует о высокой коммуникативной компетенции субъекта речи и выражает идею солидарности с адресатом в духе принципа Кооперации [18]. Использование *we* в таком значении характерно для системы здравоохранения и сферы бытового обслуживания; 6) императивным, когда говорящий настаивает на определенном способе выполнения действия адресатом, а местоимение *we* смягчает приказной, категоричный тон высказывания: *In this matter dates are everything, and I think that if we get all of our material ready, and have every item put in chronological order, we shall have done much*

(B. Stoker. *Dracula*) ‘В таких случаях порядок – все, и я думаю, если мы подготовим весь наш материал, и каждая статья будет помещена в хронологическом порядке, то сделаем многое’ [НКРЯ]; 7) умоляющим в стилистически окрашенных контекстах: *Dear God we beg thy blessing on the crop. For Jesus’ sake, amen* (S. King. *Children Of The Corn*) ‘Благослови, Господь, наш урожай, а мы будем возносить к Тебе наши молитвы, аминь’ [НКРЯ]; 8) манипулятивным, когда местоимение *we* по причине своей семантической «размытости», способности к групповой идентификации [19, с. 340] и отсутствия четкой дейктической референции [Там же] создает базу для определенных вербальных приемов, используемых субъектом речи для манипулирования сознанием адресата [20].

Типичной сферой использования манипулятивного *мы* является политический дискурс. Исследователи выделяют три типа манипулятивного *we*. [21]. В случае с инклюзивным *we* адресату предоставляется возможность занять положение «на равных» с субъектом речи и выразить свою принадлежность к определенной группе людей с общими интересами, сферой деятельности, политическими взглядами, как в следующем примере, где премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон высказывается об особенностях британского менталитета, объединяя себя с адресатом – народом Великобритании: *I love our get-up-and-go; that whenever we’re down, we’re never out* [12] ‘Мне нравится наш запал; даже когда мы не на гребне волны, мы не аутсайдеры’. Эксклюзивный тип предполагает исключение адресата из дейктической сферы говорящего – ‘*мы (я) без тебя/ без вас*’, как в следующем контексте, где премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон говорит об успешности реформ, проведенных именно его командой без включения адресата: *Our reforms are already working* [12]. Мультииндексальное *we* характеризуется менее четкими границами между включенностью и невключенностью аудитории: *We are not going back – we are moving forward* (B. Obama) [4] ‘Мы не собираемся поворачивать назад – мы будем двигаться вперед’.

Местоимение 2-го лица *you* указывает на лицо, к которому обращается говорящий в данной речевой ситуации. Во многих языках, как, например, в славянских, наблюдается использование разнообразных форм местоимений для выражения социальных отношений между собеседниками [22]. В английском языке используется конструкция «*you*+форма обращения+фамилия», с помощью которой говорящий выражает формальное отношение к адресату и держит его на социальной дистанции (1,2 м – 3,65 м), которая, согласно Э. Холлу, используется при рутинных социальных взаимодействиях [23]: *Undershaft [Sardonically gallant]: Mrs. Baines: you are irresistible* (G. B. Shaw. *Major Barbara*) [10] ‘Андершафт [язвительно галантен]: Миссис Бейнс: вы неотразимы’. Это обычная практика поведения джентльмена в западных обществах, где традиция *ladies first* ‘Сначала дамы! Проходите, пожалуйста!’ (так говорит мужчина, пропуская даму вперед) широко распространена [24]. Местоимение *you* в аппелятивной функции с междометием *hey* демонст-

рирует неуместную развязность субъекта речи по отношению к адресату, и чье коммуникативное поведение регулируется стратегиями «негативной» вежливости [25, с. 130]: *Then she suddenly look at me an say, "Hey, you – whoever you are – did you take a leak?"* (W. Groom. Forrest Gump) . ‘Потом она вдруг смотрит на меня и спрашивает: – Эй, ты – как тебя там – ты что, отлил?!’ [НКРЯ].

Местоимения третьего лица *he, she*, репрезентируя категории рода и одушевленности, традиционно указывают на некоммуникативных лиц, которые не являются непосредственными участниками речевого акта [26]. Прагматические функции местоимения 3-го лица в речевом акте сводятся к объективизации говорящего через его деперсонализацию и элиминацию из высказывания. Замена личного местоимения на собирательное существительное также помогает говорящему представить ситуацию более отстраненно и частично снять с себя ответственность за произнесенные слова, что особенно характерно для юридического дискурса: *The Court understands from the press that a legal battle is going to be waged for the control of the estate* (E. S. Gardner. The Case of the Daring Divorcee) ‘Из сообщений прессы суду известно, что развернулась борьба за состояние покойного’ [НКРЯ].

Стойкая тенденция к изменению ролей в социуме оказывает значительное влияние на прагматику местоимений 3-го лица единственного числа, которая определяется коммуникативной категорией поликорректности как «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [27, с. 215]. Сегодня существуют два способа решения этой проблемы: 1) феминизация – замена местоимений *he* или *she* формой *s/he*, 2) нейтрализация – замена местоимений *he* или *she* гендерно нейтральным *they* [28]: *No mother should be forced to testify against their child* ‘Мать нельзя принудить к даче показаний против своего ребенка’ [22]. Действительно, местоимение *they* способно передавать неопределенность субъектов, адресатов и предметов речи, которые не включаются в личную сферу говорящего, ассоциируются с понятием «чужой» и противопоставляются концепту «свой» в сфере политических принципов, социальных систем, идеологий, военных доктрин, экономических моделей. В результате говорящий реализует тактику дистанцирования, отстранения: *They [terrorists] act out of hatred; we don't seek revenge, we seek justice out of love* (George W. Bush) [7] ‘Они [террористы] действуют из ненависти; мы не ищем мести, мы ищем правосудия из любви’.

Следует отметить, что особую роль при создании вторичных прагматических функций личных местоимений играет транспозиция – использование одной формы личных местоимений в функции другой для представления содержания высказывания как объективного положения

вещей в мире, что значительно повышает его прагматический потенциал [29; 30, с. 131]. Анализ фактического материала позволил выявить следующие типы транспозиции в системе английских личных местоимений:

1. Транспозиция форм именительного падежа личных местоимений объектными: *I/me, we/us, she/her, he/him, they/them*. Широкое употребление объектных форм в функции подлежащего не может быть интерпретировано как невнимательность говорящего и позволяет сделать вывод об их устоявшемся употреблении с определенными семантико-прагматическими функциями: а) для выражения физического «я», когда говорящий ставит себя на место другого человека и характеризует себя как объект восприятия стороннего наблюдателя: “*Who is this?*”, “*this very cold lady's voice said. This is me*” (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*) ‘Даже не крикнул, а заорал, до того я был пьян. – Кто говорит? – спрашивает ледяной женский голос. – Это я’ [НКРЯ]; б) для выражения эмоционального состояния субъекта речи (раздражение, удивление, злость) типа *Me trust him?* ‘Мне доверять ему?’; в) для маркирования социолекта в американском просторечии: *Me know* ‘я знаю’; г) для выражения принадлежности субъекта речи к определенной социальной группе: – *Then you and me we are the same, – Maria said* (E. Hemingway. *For Whom The Bell Tolls*) ‘– Значит, у нас с тобой одинаковая судьба, – сказала Мария’ [НКРЯ].

2. Транспозиция 1-го лица 2-м *I/you* свойственна внутреннему диалогу как процессу непрерывного внутреннего общения человека с самим собой. Говорящий производит замену 1-го лица 2-м сознательно, чтобы сделать высказывание более дистанцированным: *Trapp: Yes, well, you can't... marry someone...when you're in love with someone else. Can you? ...* (R. Rodgers, O. Hammerstein. *The Sound of Music*) ‘Трап: Да, ну, ты можешь ... выйти замуж за кого-то ... когда ты влюблен в кого-то другого. Ты можешь? ...’ [НКРЯ].

3. Транспозиция 1-го или 2-го лица 3-м *I/he, we/they, you/he, she, they* позволяет исключить говорящего или слушающего из числа коммуникантов, выразить свое негативное отношение к ним или увеличить социальную дистанцию между ними. Английский речевой этикет не рекомендует использовать местоимения 3-го лица по отношению к человеку, не являющемуся участником коммуникации, но присутствующему при разговоре. Его следует называть именем существительным (нарицательным или собственным): “*And now, Griffiths,*” *went on Mason, “just you show Mr. Newcomb here how Miss Alden arose and came toward you”* (T. Dreiser. *An American Tragedy*) ‘– А ну-ка, Гриффитс, – продолжал Мейсон, – покажите мистеру Ньюкому, как мисс Олден встала и направилась к вам’ [НКРЯ].

Таким образом, личные местоимения не только идентифицируют участников коммуникации, но и способствуют установлению контакта между ними, уточняют их социальный статус, отражают особенности их эмоционально-волевой сферы, объективируют или элиминируют в процессе коммуникации, а также позволяют производить различные вербальные манипуляции с их сознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейксис / Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/128d.html>. – Дата доступа : 10.03.2016.
2. *Касевич, В. Б.* Язык и культура [Электронный ресурс] / В. Б. Касевич. – Режим доступа : http://window.edu.ru/resource/481/38481/files/spr000_0040.pdf. – Дата доступа : 15.03.2016.
3. *Петрова, Е. И.* Прагмалингвистическая категория дейксиса [Электронный ресурс] / Е. И. Петрова. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2011/Philologia/3_87011.doc.htm. – Дата доступа : 23.03.2016.
4. *Alexander, J. C.* Obama Power [Electronic resource] / J. C. Alexander, B. N. Jaworsky. – Mode of access : <https://books.google.by/books>. – Date of access : 14.03.16.
5. *Ball, D. L.* Twisted Road Home [Electronic resource] / D. L. Ball. – Mode of access : <https://books.google.by/books>. – Date of access : 20.03.2016.
6. British Prime Minister Margaret Thatcher, addressing reporters outside 10 Downing Street, 1989 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://grammar.about.com/od/rs/fl/royal-we.htm>. – Date of access : 18.03.2016.
7. *Bush, G.* You Are Either With Us, Or With the Terrorists / Voice of America [Electronic resource] / G. Bush. – Mode of access : <http://www.voanews.com/content/a-13-a-2001-09-21-14-bush-66411197/549664.html>. – Date of access : 4.03.2016.
8. *Einstein, A.* Relativity: The Special and General Theory [Electronic resource] / A. Einstein. – Mode of access : <http://www.bartleby.com/173/8.html>. – Date of access : 10.04.2016/
9. Jane Austen and other famous authors violate what everyone learned in their English class [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.pemberley.com/janeinfo/austtheir.html>. – Date of access : 10.04.2016.
10. *Shaw, G. B.* Major Barbara [Electronic resource] / G. B. Shaw. – Mode of access : <https://books.google.by>. – Date of access : 10.03.2016.
11. State of the Union: Presidential Rhetoric from Woodrow Wilson to George W. Bush [Electronic resource] / ed. D. Kalb, G. D. Peters, J. T. Woolley. – 2007. – Mode of access : [http // google.books.by](http://google.books.by). – Date of access : 24.02.2016.
12. Tory Party Conference 2015: David Cameron's speech in full [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/tory-party-conference-2015-david-camerons-speech-in-full-a6684656.html>. – Date of access : 6.03.2016.
13. *Levinson, S.* Pragmatics / S. Levinson. – Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
14. *Langacker, R.* Cognitive Grammar. A Basic Introduction / R. Langacker. – N. Y. : Oxford University Press, 2008. – 563 p.

15. *Горицкая, О. С.* Вторичные прагматические функции показателей лица (на примере обозначения говорящего и слушающего в диалогической речи) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. С. Горицкая; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 25 с.
16. *Keyes, D.* The Minds of Billy Milligan / D. Keyes. – N. Y. : Bantam Books, 2015. – 426 p.
17. *Davies, A.* Oppositions and Ideology in New Discourse / A. Davies. – London : Bloomsbery, 2013. – 256 p.
18. *Грайс, Г. Ф.* Логика и речевое общение / Г. Ф. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып.16. – С. 217–237.
19. *Zupnik, Y. J.* A Pragmatic Analysis of the Use of Person deixis in Political Discourse / Y. J. Zupnik // Journal of Pragmatics. – Vol. 21. – P. 339–383.
20. *Норман, Б. Ю.* Русское местоимение мы: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian linguistics. – 2002. – Vol. 26. – № 2. – С. 217–234.
21. *Иванова, А. И.* Прагмалингвистический анализ личного местоимения «Мы» как форма публичного обращения Барака Обамы в Интернете / А. И. Иванова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 84–87.
22. *Писарек, Л.* Местоименная оппозиция *ty-wy* в польском языке (лингвопрагматический аспект) / Л. Писарек // Славистика : синхрония и диахрония : сб. науч. ст. к 70-летию И. С. Улуханова / под общ. ред. В. Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2006. – С. 42–51.
23. *Hall, E.* The Hidden Dimension / E. Hall. – N. Y. : Doubleday, 1966. – 211 p.
24. *Yuanyuan, Li.* A Social and Pragmatic Analysis of the Second Person Deixis You [Electronic resource] / Li Yuanyuan. – Mode of access : <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/viewFile/4564/3896>. – Date of access : 20.03.2016.
25. *Brown, P.* Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, P. Stephen, C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
26. *Кравченко, А. В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
27. *Химик, В. В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 181 с.
28. *Gardelle, L.* Sex-Indefinite Reference to human beings in American English / L. Gardelle // The Pragmatics of Personal Pronouns. – Amsterdam : John Benjamins Publishing company, 2015. – P. 69–92.
29. *Норман, Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций [Электронный ресурс] / Б. Ю. Норман. – БГУ. – 2009. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/1690>. – Дата доступа : 10.01.2016.
30. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация / Тер-Минасова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php. – Дата доступа : 25.02.2015.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/search-para-be.html>. – Дата доступа : 12.12.2015.

The article analyses English personal pronouns which not only identify the participants of communication, facilitate the establishment of contact between them, specify their social status and reflect the characteristics of their emotional-volitional spheres, objectify or eliminate participants of communication and also allow to manipulate their consciousness.

П. П. Глазко
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЭССЕИЗАЦИИ В АНГЛО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В условиях жанровой конвергенции на пространстве современных средств массовой информации медиалингвистами все больше внимания уделяется выявлению языковых средств, позволяющих идентифицировать различные медийные жанры и выступающих в качестве их маркеров. В статье рассматриваются структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики эссе как одного из ведущих жанров англо- и белорусскоязычного медийного дискурса.

Из курса истории мы знаем о таких наших предшественниках, как *Homo sapiens* и *Homo erectus*. Хейзинга вводит понятие *Homo ludens*. Относительно недавно в научный обиход вошло понятие *Homo loquens* ‘человек говорящий’. В других областях, желая выделить ту или иную сторону человеческого поведения, иногда говорят о *Homo sociologicus* ‘человек социологический’, *Homo politicus* ‘человек политический’, *Homo religiosus* ‘человек религиозный’ и т.п. На сегодняшний день появляется все больше предпосылок говорить о новом *Homo* – человеке медийном.

Глобальные изменения в характере и способах коммуникации, вызванные стремительным развитием сети Интернет, привели к существенным преобразованиям в структуре и содержании СМИ. В контексте демократизации и антропоцентризма особое значение и ценность в сфере СМИ приобретают не поиск объективной правды, а рассмотрение общественных феноменов с различных ракурсов, точек зрения и жизненных позиций [1, р. 33]. Неудивительно, что в таких условиях в центре внимания медиалингвистов оказалась публицистика, которая «делает акцент на факторе человеческого интереса, на индивидуально-авторском видении той или иной проблемы» [2, с. 124]. В этой связи неоднократно отмечалось, что существенной характеристикой публицистики на сегодняшний день является подача читателю фактов и событий через призму авторского восприятия

и оценки, поскольку «прямое вмешательство автора в материал, оценка и анализ увиденного усиливают воздействие медийного текста, увлеченность автора передается читателю» [3, с. 240].

В средствах массовой информации все чаще встречаются устные и письменные тексты с четко выраженным авторским субъективно-эмоциональным началом: в печатных СМИ появляются специальные авторские рубрики, на телевидении возрастает роль и популярность авторских передач. Активное преобразование медийного пространства в сторону активизации индивидуального начала и ориентации печатных средств массовой коммуникации «не на стереотип, а на творчество» [4, с. 289] является проявлением тенденции эссеизации медийного дискурса [5; 6; 7]. На сегодняшний день эссе является одним из самых продуктивных жанров европейской и американской публицистики, однако для белорусской прессы это явление относительно новое.

Эссе оформилось в «Опытах» М. Монтеня как жанр, «имеющий непосредственную близость с научной, публицистической и художественной литературой, однако не относящийся целиком ни к одной из них, характеризующийся особой связью со временем, повышенной актуальностью, экспрессивностью и образностью, ведущей ролью автора и доминированием функции убеждения, завуалированной иллюзией объективности» [8] и получило дальнейшее развитие в журналистике XVIII–XIX веков (Т. Смоллетт, Г. Филдинг, Р. В. Эмерсон и др.) и в XX в. (Д. Голсуорси, Б. Шоу, Р. Роллан, Р. Вайян и др.). К XXI в. эссе в качестве одного из ведущих жанров печатных изданий претерпело ряд таких существенных изменений, как большая степень свободы употребления языковых единиц в связи с имплицативным характером коммуникации; более выраженный диалогизм и интенсификация эмоциональной окрашенности текста; идеологизация личностного мнения; усложнение типовой структуры жанра; появление гибридных форм увеличенных объемов [4; 9; 10; 11].

Вместе с тем до сих пор не были установлены такие характеристики эссе, которые могли бы выступать в качестве дифференцирующих признаков, когда речь идет о различиях эссе и других жанров, а также разных типов публицистических эссе в условиях медиаконвергенции как одного из главных векторов развития современных масс-медиа [11; 12; 13].

Таким образом, актуальность темы настоящего исследования обусловлена его ориентацией на выявление структурной организации эссе в медийном дискурсе в качестве основного критерия их межжанровой дифференциации и внутрижанровой вариативности в англоязычной и белорусскоязычной прессе.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей структурно-семантической и коммуникативно-прагматической организации эссе в сопоставительном аспекте на английском и белорусском языках.

Материалом исследования послужили 200 текстов публицистических эссе общественной, культурной, экономической и политической тематики, отобранных из качественных англо- и белорусскоязычных изданий

(по 100 текстов на каждом языке). Тексты отобраны из бумажных и цифровых изданий: журналы «Time», «Дзеяслоў», «The Atlantic»; газеты «The New York Times», «The Washington Post», «Звязда», «Літаратура і мастацтва».

Достижение поставленной цели предусматривает решение ряда задач.

На первом этапе решалась задача выявления семантической структуры (суперструктуры) изучаемого жанра и языковых маркеров ее компонентов в дискурсе.

Под суперструктурой, вслед за ван Дейком, мы понимаем набор семантических компонентов (категорий), характеризующих тот или иной жанр. Компоненты суперструктуры носят обобщенный характер, категоризируя различные виды информации, представленной в тексте.

В процессе логико-семантического анализа было замечено, что публицистические эссе, как на английском, так и на белорусском языке, характеризуются сходством в плане их содержания. В частности, в них сообщается об актуальной общественной проблеме или явлении, упоминается событие, ставшее толчком к написанию эссе, даются ссылки на события прошлого, прямо или косвенно связанные с настоящими событиями, выражается авторская оценка в отношении данной проблемы, аргументируются и сопровождаются примерами утверждения автора. Данные компоненты содержания направлены либо на сообщение об актуальных общественных событиях и явлениях сквозь призму точки зрения автора, либо на доказательство утверждений автора, и формируют соответственно нарративный и аргументативный блоки. Однако при вербализации выявленных компонентов в англо- и белорусскоязычном дискурсе используются различные языковые средства.

В частности, если, обращаясь к своим воспоминаниям, авторы англоязычных эссе используют повествовательные предложения с личными формами глаголов со значением 'помнить' в изъявительном наклонении, то в белорусском языке предпочтение отдается односоставным безличным и повелительным предложениям с теми же глаголами: *The day that my US Green Card arrived in the post, I remember thinking to myself: "Oh cool, now I can go out and buy a high-powered semi-automatic assault weapon"*; *Помніцца, які ў мяне быў выбар у савецкія часы, калі ў сярэдзіне васьмідзясятых прыйшоў час аддаваць у школу старэйшага сына.*

Комментарии автора в англоязычных эссе маркируются сочетанием личного местоимения *I* и глаголами со значением желательности / нежелательности, сомнения, уверенности / неуверенности, намерения, мнения, а также другими лексическими средствами, передающими соответствующие значения (прилагательные, модальные глаголы, вводные слова и конструкции и т.д.): *I just wish it were more so. As long as we're spending all this money to reach so many people, imagine what we could find out.* В белорусскоязычных эссе, в отличие от англоязычных, комментарии автора также маркируются и личными окончаниями глаголов: *Разумею, што ўсе пройдзеныя прадметы пашыраюць кругагляд і прымушаюць звільны працаваць, але калі б атрыманыя*

веды можна было прымяніць хаця б у змадэляванай сітуацыі будучай працы. При этом для аргументации своих утверждений авторами эссе на обоих языках используются схожие языковые средства.

Наряду с проблемой определения структуры эссе не до конца решенным является и вопрос о коммуникативной цели, преследуемой автором в эссе. В исследованиях по стилистике медийных текстов утверждается, что главной коммуникативной целью публицистических текстов является функция воздействия. Однако наличие различных публицистических жанров, по всей вероятности, предполагает наличие и более конкретных прагматических установок, что в свою очередь предопределяет коммуникативные стратегии и тактики адресанта, а значит, и характер его взаимоотношений с адресатом.

В ходе анализа нами было выделено несколько групп языковых средств, используемых для оказания воздействия на читателя в эссе на двух языках. Современные медиалингвисты отмечают, что целью такого воздействия является формирование позиции адресата в отношении обсуждаемой в эссе проблемы.

Первую группу составили языковые средства, используемые для воздействия на рациональную сферу читателя:

а) ссылки на различные источники информации: книги, выступления, интервью, слова авторитетного в конкретной области специалиста в виде цитат и количественных данных, которые вводятся при помощи предлогов и предложных словосочетаний типа *according to/ наводле*, а также глаголами *to show, to note, to refer, пісаць, зазначаць, адзначаць* и др.;

б) языковые средства, эксплицирующие логику изложения: вводные слова, используемые для указания на порядок следования идей, рассуждений (*first, second, therefore; па-першае, па-другое; такім чынам* и др.).

Во вторую группу вошли языковые средства, способствующие выражению субъективной точки зрения автора:

а) средства репрезентации автора в тексте: глаголы в форме первого лица единственного числа, а также личные местоимения в форме первого лица единственного числа, которые могут сочетаться с глаголами со значением желательности (*to wish, to be eager, would like; хацець, жадаць*), сомнения (*to doubt, have scruples, to be uncertain; сумнявацца, мець сумневы*), уверенности (*to know, to be sure, to be certain; быць упэўненым, быць перакананым, ведаць*), интенции (*to intend, to have an intention, to be going to; мець намер, намервацца*) и мнения (*to think, to guess, to suppose, to presume; думаць, лічыць*), лексическими средствами передачи полагания, сомнения, допущения (*maybe, possibly, presumably, supposedly, allegedly; магчыма, можа, напэўна, па ўсёй верагоднасці*);

б) языковые средства воздействия на эмоциональную сферу читателя: лексические и синтаксические стилистические средства.

Третью группу составили средства, направленные на стимулирование реакции адресата на прочитанное:

а) языковые средства диалогизации: личные местоимения *you, we, ты, вы, мы*; риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы, глаголы в форме повелительного наклонения;

б) точки зрения разных людей на одну и ту же проблему, вводимые при помощи цитат;

в) повтор одной идеи на разных участках текста;

г) отсутствие четко сформулированных выводов.

Так, воздействуя как на рациональную, так и на эмоциональную сферы адресата, представляя ему различные, порой даже противоречивые, точки зрения, напрямую обращаясь к нему, задавая ему вопросы и избегая при этом обобщений и выводов со своей стороны, автор подталкивает читателя к формулированию своей собственной позиции в отношении той или иной проблемы.

При общем перечне перечисленных выше средств тексты на исследуемых языках демонстрируют различную предпочтительность в их выборе. Больше всего различий такого плана установлено в отношении второй группы. В частности, в англоязычной выборке выявлено 1043 лексических экспрессивных средства, а в белорусскоязычной выборке – 921. При этом наибольшие расхождения касаются употребления в публицистических эссе на английском и белорусском языках метафор (26 % и 7 % от каждой выборки соответственно) и эпитетов (16 % и 3 %), которые преобладают в англоязычных эссе, а также перифраза (1,5 % и 4,5 %), являющегося более продуктивным для эссе на белорусском языке.

С точки зрения использования синтаксических средств белорусскоязычные эссе являются более насыщенными (223 средства) по сравнению с эссе на английском языке (152 средства). Наиболее показательны расхождения в употреблении синтаксического параллелизма (24 % и 14 % для эссе на белорусском и английском языках соответственно), повелительных (20 % и 17 %) и восклицательных предложений (16 % и 10 %). Антитеза, однако, характеризуется большой употребительностью в англоязычных эссе (10,5 %) по сравнению с белорусскоязычными (3,5 %).

Несмотря на единую для исследуемого жанра на английском и белорусском языках семантическую структуру и общие прагмалингвистические характеристики, тексты эссе, функционирующие в медийном дискурсе, не являются однородными. В частности, в некоторых текстах преобладают компоненты нарративной составляющей, в других – аргументативной, а третьи сочетают элементы нарративного и аргументативного суперкомпонентов. Различное сочетание в дискурсе составляющих нарративного и аргументативного суперкомпонентов приводит к формированию основных структурно-семантических типов данного жанра: проблемно-нарративного, оценочного и аргументативного. Проблемно-нарративное эссе, типовая структура которого представлена в равной мере компонентами нарративного и аргументативного блоков, нацелено на представление читателю какой-либо актуальной общественной проблемы, отраженной в истории из личного опыта автора. Типовая структура оценочного эссе формируется главным образом компонентами

нарративного блока при ведущей роли авторского комментария, более насыщенного, по сравнению с другими типами эссе, оценочными средствами. Аргументативное эссе характеризуется превалированием в типовой структуре компонентов аргументативного блока над компонентами нарративного.

В англоязычном медиадискурсе функционируют все три типа эссе (40 %, 32 % и 28 % от общей выборки для проблемно-нарративного, оценочного и аргументативного эссе соответственно). Это характеризует жанр эссе как сложившийся в англоязычной медиакультуре, что отражено в устойчивых представлениях у авторов о его типах и характерных средствах реализации коммуникативного намерения. В белорусскоязычном медиадискурсе наиболее употребительным является оценочное эссе (68 %), функционирующее наряду с проблемно-нарративным (32 %). Высокая продуктивность оценочных эссе объясняется тем, что для белорусскоязычной прессы они являются относительно новым явлением, занявшим при отсутствии конкуренции других оценочных жанров соответствующую нишу.

Анализ различных способов комбинирования семантических компонентов эссе разных типов позволил установить определенные закономерности развертывания их структур. С опорой на языковые средства, обеспечивающие связность данных семантических компонентов между собой (синонимические слова и словосочетания, лексические повторы, дейктические слова, противительные и сочинительные союзы в начале предложений, вопросно-ответные комплексы, неполные предложения с контекстуально восстанавливаемым членом), в зависимости от их последовательности и характера взаимодействия друг с другом выявлено три способа развертывания содержательной структуры текстов публицистических эссе: цепочечный, рекурсивный и ступенчатый.

При цепочечном способе развертывания семантической структуры каждое из звеньев имеет точку сцепления с предыдущим и последующим звеном. Семантические компоненты как будто перетекают друг в друга и обладают смысловой завершенностью, т.е. далее в тексте автор не возвращается к ним и не развивает их. Такой способ организации текста характерен для проблемно-нарративных эссе, главной коммуникативной целью которых является рассказ об актуальных общественных явлениях и тенденциях сквозь призму личного опыта автора.

В отличие от цепочечной структуры, в которой каждый семантический компонент связан по смыслу с предыдущим, рекурсивная структура предполагает своего рода распределение частей одного компонента по всему тексту с целью усиления воздействия.

При ступенчатом способе развертывания текста эссе отдельные семантически связанные друг с другом компоненты структуры объединяются в смысловые блоки, которые, в свою очередь, выстраиваются в определенной последовательности для наиболее успешной реализации коммуникативных намерений автора. Такой структурой преимущественно характеризуются аргументативные эссе.

Сопоставление других типов эссе, выявленных в медиадискурсе на исследуемых языках, позволило установить их общие и специфические структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики. Так, проблемно-нарративные эссе как на английском, так и на белорусском языках направлены на субъективное представление читателю актуальной, с точки зрения автора, проблемы. Эта цель достигается в процессе рассказа о личном опыте, о том, как те или иные общественные явления отразились на жизни вполне конкретного человека – автора эссе. При этом эссе на белорусском языке носят менее обобщающий характер, поскольку в их структуре реже встречается компонент ‘итог’.

Оценочные эссе на исследуемых языках, демонстрируя сходства в плане структуры, обнаруживают различия с точки зрения вербализации компонента ‘авторский комментарий’, а именно, языковых средств выражения оценки.

Наиболее употребительными из лексических оценочных средств для обоих языков являются оценочные слова, выявленные с опорой на словарные дефиниции и контекст.

Среди тропов наибольший индекс частотности, как в английском языке (4,4), так и в белорусском (0,5), имеет метафора.

Помимо оценочных слов и метафор по параметру частотности сходства также обнаруживают и лексические стилистические средства, используемые для интенсификации какого-либо признака, а именно, гиперболу и сравнение.

Помимо вышеописанных сходств результаты проведенного исследования позволяют говорить и о ряде существенных различий в предпочтительности употребления лингвостилистических средств. В частности, установлено, что для англоязычных оценочных эссе употребление эпитетов является более продуктивным (3,97), чем для эссе на белорусском языке.

Однако в эссе на белорусском языке, в отличие от текстов на английском, чаще используются перифраз (с индексом частотности 0,28 и 0,25 соответственно), а также паремии.

Ситуация с употребительностью в публицистических эссе синтаксических экспрессивных средств выглядит более однородной. По результатам исследования наиболее используемыми для обоих языков оказались вопросительные предложения. Различия касаются главным образом употребления антитезы и параллелизма.

Таким образом, проведенное исследование дает все основания говорить о наличии конкретных структурных, лингвостилистических и коммуникативно-прагматических отличительных признаков жанра эссе как в англо-, так и в белорусскоязычном медийном дискурсе. Выявленные признаки не только характеризуют эссе как самостоятельный жанр, но могут также выступать в качестве критериев внутрижанровой вариативности и межжанровой дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Elliott, D.* Essential Shared Values and 21st Century Journalism / D. Elliott // *The Handbook of Mass Media Ethics* / L. Wilkins [et al.]. – N. Y. : Routledge, 2000. – P. 28–39.
2. *Добросклонская, Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
3. *Москалева, Е. В.* Публицистический текст как объект исследования прагматики / Е. В. Москалева // *Вестн. Мичуринского ГАУ.* – 2006. – № 1. – С. 238–242.
4. *Клушина, Н. И.* Общие особенности публицистического стиля // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования* / отв. ред. М. Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 269–289.
5. *Дмитровский, А. Л.* Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века / А. Л. Дмитровский // *Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки.* – 2011. – № 4. – С. 145–151.
6. *Зацепин, К. А.* Эссе: от философии к литературе / К. А. Зацепин // *Новое литературное обозрение.* – 2010. – № 4. – С. 191–201.
7. *Кайда, Л. Г.* Эссе: стилистический портрет / Л. Г. Кайда. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 184 с.
8. *Лямзина, Т. Ю.* Жанр эссе / Т. Ю. Лямзина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. – Дата доступа : 01.06.2011.
9. *Кройчик, Л. Е.* Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // *Основы творческой деятельности журналиста*; под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. – С. 125–168.
10. *Солганик, Г. Я.* О стиле современных газет / Г. Я. Солганик // *Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты* / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – С. 185–196.
11. *Ученова, В. В.* Современные тенденции развития журналистских жанров / В. В. Ученова // *Вестн. МГУ. Сер. 10. Журналистика.* – 1976. – № 4. – С. 17–26.
12. *Гурочкина, А. Г.* Диалогический дискурс как основной тип межличностной коммуникации / А. Г. Гурочкина // *Англистика: современные достижения и традиции* : Рос. межвуз. науч. конф.: тез. докл. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 20–21.
13. *Neuman, W. R.* The Psychology of the New Media / W. R. Neuman // *Television for the 21st Century. The New Wave.* – Washington, 2013. – P. 43–56.

The article deal with the structural, expressive and pragmatic characteristics of the essay as one of the most popular genres in modern printed media. The revealed peculiarities serve as genre differentiation criteria.

А. Н. Кузин
Минск, МГЛУ

ДЕСЯТЬ ТЕЗИСОВ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Феноменология изучает то, как нечто представляется сознанию. Предметом феноменологии может быть все, что каким-либо образом воспринимается: вещи, качества, действия, мысли, эмоции, телесные ощущения и т.д. В данном исследовании феноменология тезисно рассматривается в отношении к языку.

1. Есть тело. Есть язык. Психики как таковой не имеется. Представление о психике (или «душе» в обиходном понимании) создается взаимодействием телесных физиологических процессов и работы языка. На первый взгляд такие психические феномены, как мышление, память, внимание и др. – суть феномены физиологические. Доказать противное можно было бы, обнаружив мышление, память, внимание, которые происходили бы не на основе материального субстрата. Человеческая психика, таким образом, есть просто физиология, проработанная языком.

Т.н. внутренний мир человека, каким мы его знаем, просто не мог бы появиться, а затем развиваться до такой степени сложности без языка. Нельзя отрицать, что в развитии внутреннего мира человека огромную роль играют и неязыковые или не полностью языковые знаковые средства. Пластические искусства, действующие зрительно, такие как живопись, скульптура, фотография; музыка, чьим каналом восприятия является слух; такие синтетические искусства, как опера, театр, кино и т.д., задействующие сразу несколько каналов восприятия, также способствуют прорабатыванию внутренних пространств в человеке, однако без языка как своей интерпретирующей основы они бы никогда не получили такого развития.

2. Все без исключения указания на бестелесные психические сущности являются метафорическими. Психика есть для человека нечто невидимое до тех пор, пока на физиологические нервные реакции не накладывается сетка языковых метафор. Например, можно сказать нечто о сознании, только ограничившись неинформативным указанием вида «сознание представляет собой то, что ”включается”, когда мы просыпаемся и ”отключается”, когда мы засыпаем». Либо же, как это сделано в обыденном языке, обратившись к метафорическому языку второго порядка: сознание – это ‘знание вместе с кем-то’, сам же корень *зн-* происходит от протоиндоевр. **ǵen-* с исходным значением ‘рождать (ся)’.

3. Внутреннее психическое пространство концептуализируется по аналогии с внешним. Мы говорим о глубокой печали, высоких и низких побуждениях, широте души, узости взглядов. О том, что мысли и чувства закрадываются в сердце, что из души рвется крик. Наши самые абстрактные философские понятия и научные термины возникли в результате переносного употребления слов с вполне конкретным наглядным

значением. Этот факт, разумеется, не столь очевиден для носителей русского языка, поскольку в греческих и латинских словах, которыми мы пользуемся, не просматривается их внутренняя форма. Конечно, их теперешнее значение не сводится только к переносному употреблению в нетипичных ситуациях. Однако они бы не смогли развить эти новые самостоятельные употребления, если бы не отталкивались от прямых указательных значений, первоначально известных из опыта и из воплощенного существования в мире.

4. Помимо метафоризации другим важным процессом создания психики является процесс интериоризации. Сознание, судя по всему, менее важно для функционирования языка и, как это не покажется странным, даже для мышления, чем это обычно считается. Основные мыслительные операции являются, как можно полагать, не более чем интериоризацией действий, совершаемых нами телесно во внешнем мире. Анализ – это раздробление, разрывание, разрезание предметов на части. Синтез – складывание, прибавление, присоединение.

Внутренний мир есть нечто приобретаемое в процессе взросления, которое, если рассматривать его не в биологическом, а в социальном плане, есть интериоризация многих навыков и умений, в особенности же норм и запретов совместного общежития. Дети начинают жизнь полностью вовне. Даже тело поначалу есть для каждого ребенка нечто внешнее. – Понаблюдайте, сколь они неуклюжи, – и они должны научиться им управлять. Процесс создания «внутреннего мира» посредством языка известен начиная с пионерских работ Ж. Пиаже и Л. С. Выготского. Внешняя речь, обращенная к другому, становится эгоцентрической речью, на первый взгляд не обращенной ни к кому конкретно, а затем переходит во внутреннюю речь.

5. У языка есть своя феноменология, которая отлична от феноменологии органов чувств, но с нею соприкасается. Благодаря языку мы можем «видеть» отношения (например, справа-слева, больше-меньше и т.д.), хотя в реальности мы видим только предметы и без языка не знали бы, что один предмет находится справа, а другой – слева от первого. В некоторых других языках говорящий определил бы те же самые отношения по сторонам компаса – с южной стороны, с северной – и т.д.

Вы видите тропинку в горах. Казалось бы, на этом ваше восприятие остановилось. Но один из сохранившихся фрагментов учения Гераклита Эфесского гласит, что путь вверх и вниз один и тот же. Без языка такая мысль и новое восприятие вслед этой мысли были бы невозможны.

6. Языковая феноменология делится на: 1) общую феноменологию человеческого языка (языка вообще или Языка с большой буквы), которая свойственна всем языкам без исключения; 2) частные феноменологии отдельных языков.

6.1. С точки зрения говорящего устная неподготовленная речь в обыденных ситуациях обычно не представляет трудностей. Говорящий не испытывает неуверенности в отношении смысла того, что он хочет сказать, и слова приходят сами собой. Только в непривычных ситуациях и при разговорах с незнакомыми людьми язык словно начинает сопротивляться говорящему.

С точки зрения адресата ситуация во многом зеркальна. Если не происходит какой-то сбой, мы слышим не слова, но сразу значение, напрямую впитываем смысл того, что говорится. В живом общении, слыша неподготовленную речь, не нужно сознательно стремиться очистить ее от словесного мусора – слов-паразитов *ну, так, эта, типа*; заполнителей пауз, таких, как *э-э, мм, а-а*; начатых, но не договоренных слов и т.д. Обычно собеседники даже не слышат этой речевой накипи и напрямую обращаются к смыслу произносимого.

Говорят, что люди, живущие около водопада, перестают его слышать в силу привычности постоянного звукового сопровождения. Такова же ситуация с родным языком. Невозможно услышать, как звучит родной язык: приятно или грубо, мелодично или гортанно, с плавными переходами или резкими звуковыми углами. Язык невидим и неслышим для его носителей за исключением экстраординарных ситуаций.

6.2. Частная феноменология отдельных языков объясняется, помимо прочего, тем, что в языках могут быть по-разному представлены сферы основных ощущений и эмоций. Фундаментом западной цивилизации является зрение. Феномены понимания и разума описываются через метафоры света. *Озарение, уяснение, инсайт* (букв. 'взгляд в'); естественный свет Декарта, равный разуму; ясность и четкость представлений и идей как критерий их истинности того же Декарта; само название эпохи Просвещения; *видеть, усматривать* и *рассматривать*, употребляемые не в своем первичном значении, но как ментальные предикаты. Слово *созерцание* приравнивает мышление к зрению. Хорошее выражение проясняет. Плохое – затемняет. Темный человек – это человек незнающий, безграмотный. Свет получает столь высокую оценку в культуре в немалой степени потому, что именно он позволяет укрепиться зрению. В других языках, однако, могут быть более разработаны те сферы ощущений и восприятий, которые очень бедны в языках европейских. Так, в некоторых языках существует развитая ольфакторная лексика и их носители гораздо лучше ориентируются в запахах. В экспериментах Асифы Маджид (Asifa Majid) и соавторов было установлено, что говорящие на маник (Maniq – название языка и малочисленной этнической группы, проживающей на юге Тайланда) и джахай (Jahai или Jehai – название языка и племени, обитающего в Малайзии) могут различать запахи столь же хорошо, как и цвета, тогда как англоговорящие, например, испытывают в последнем случае значительные трудности.

7. Общая феноменология языка различна для иностранного и родного языков. Тогда как родной язык явлен говорящему и адресату смыслом, т.е. планом содержания, иностранный язык представлен звуковой или графической материей, т.е. как план выражения. Поначалу изучающим

иностраный язык приходится очень трудно – они слышат слова, а не смысл. Форма получает перевес над содержанием. Это нехарактерно для повседневного пользования родным языком. Только если кто-то выражается в непривычной для нас манере или употребляет незнакомые слова, мы начинаем обращать внимание не на то, что говорится (смысл), а на то, как это говорится (форму). Вот почему (если дело не идет о языковой игре) люди в обыденных разговорах стараются избегать рифмы – она отвлекает внимание от содержания говоримого.

8. Прямое и переносное употребления языковых единиц, начиная с уровня морфем и выше, представляют собой разные модальности восприятия. Метафора, например, по общему согласию, дает нам новое видение, помогает увидеть нечто в предмете, явлении или ситуации, что мы до этого не замечали. Литота заставляет казаться предмет меньшим, гипербола – большим. Восприятие, определяемое небуквальными значениями, можно было бы считать психоделическим, если бы оно не было для нас таким привычным. Если бы действительно можно было воспринять то, что требуют от нас метафоры и другие тропы, это вызвало бы в нас оторопь. Вдумайтесь только в то, что говорит Ромео о Джульетте:

– Тсс! Что за свет там светит из окошка?

– Окно – восток, и в нем Джульетта – Солнце (2-е действие, сцена 2).

Было бы поистине незабываемым, переворачивающим все наши представления, переживанием, если бы мы могли действительно по-настоящему воспринять во всей полноте хотя бы один поэтический образ.

Это справедливо для всех небуквальных значений, но не только для них. Употребление слов и фраз в буквальном значении может также менять восприятие ситуации. Таков прием остранения, описанный В. Б. Шкловским, заставляющий взглянуть на нечто под новым углом зрения, так как предмет или ситуация описываются не свойственными для этого словами.

9. Тот факт, что метафору нельзя полностью объяснить, буквально аналогичен, но он не означает, что модальности восприятия не переводятся друг в друга. Метафора, как указывалось выше, дает новое восприятие, не сводимое к описанию того же самого буквально. Аналогичным образом фиолетовый цвет нельзя передать в звуке, тактильное ощущение касания шелка – в аромате; ничто из вышеперечисленного – во вкусе.

10. Тело есть неотъемлемая часть феноменологии языка. Когда мы говорим о феноменологии языка, то мы говорим не только о сознании. Это было бы картезианской ошибкой отделения души (т.е. «психики» в современном словоупотреблении) от тела. Ведь, как показывают концептуальные метафоры, говорим мы, обращаясь к своему телу как центру создания для нас новых значений, а следовательно, и понимания мира.

The paper presents 10 theses on the interface between language and mind using a phenomenological perspective.

А. В. Ломовая
Минск, МГЛУ

ВАЛЕНТНОСТЬ ДЕНОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ: ОТ ФОРМЫ К СОДЕРЖАНИЮ

Рассматриваются семантико-синтаксические характеристики английских глаголов, образованных по конверсии от имен существительных, известных также как «деноминативные глаголы». Постулируется взаимосвязь между типичными ролевыми характеристиками мотивирующего имени и валентностными характеристиками производных глаголов. Предлагается схема анализа валентностных параметров деноминативных глаголов (синтаксической и логико-семантической валентности, а также семантических характеристик именного окружения предиката) на основе сопоставления соответствующих характеристик эталонных и фактических предложений. По результатам анализа выявляется взаимосвязь вышеупомянутых параметров с актуализируемой семантикой предиката и выделяются три группы факторов, сигнализирующих о нарушении мотивирующей связи с семантикой исходного имени. Каждая из групп представлена некоторым числом разновидностей: формально-синтаксические факторы – формальная, количественная и фразовая разновидности, логико-семантические факторы – абсолютная, модифицирующая, качественная и качественно-количественная разновидности, референтные факторы – заполнение аргументных позиций предикатными или непредикатными именами.

Деноминативные глаголы иллюстрируют характерное для английского языка явление компрессии. Прежде всего это касается способа образования: деноминативные глаголы представляют собой не что иное, как глаголы, производные от имен существительных путем конверсии, известной также как безаффиксальное (нулевое) словообразование. Так, при образовании глагола *to doctor* от существительного *a doctor* происходит смена категориальной отнесенности слова, а также парадигмы формообразовательных морфем и синтаксической сочетаемости, но не его основы (нулевой формы). Во-вторых, семантика деноминативных глаголов может быть выражена с помощью словосочетания (например, *to pen* ‘to write with a pen’), в связи с чем Г. Марчанд назвал такие глаголы «вербализованными предложениями» [1, p. 368], подчеркивая тем самым способность деноминативных глаголов замещать развернутые словосочетания. Важно отметить, что термин «деноминативные глаголы» (*denominal verbs*) впервые был предложен в статье Е. В. Кларк и Г. Г. Кларка [2, p. 767] и впоследствии подхвачен другими исследователями [3, p. 744; 4, с. 172]. Данный термин представляется нам весьма удачным и лаконичным решением, так как с самого начала использовался в англистике исключительно для именованья отыменных (отсубстантивных) конверсионных глаголов.

Среди множества вопросов, которые вызывают интерес исследователей к конверсии вообще и к деноминативным глаголам – в частности, особняком стоит задача разработки теории валентности таких глаголов. Нельзя сказать, что этот вопрос не изучался вообще (например, [2; 4]), но даже в упомянутых выше исследованиях, посвященных всесторонней разработке различных аспектов

семантики и синтаксиса деноминативных глаголов, проблемам валентности уделяется мало внимания. В нашей работе впервые рассмотрена взаимосвязь словообразовательного и синтаксического аспектов конверсии и сформулированы закономерности прогнозирования валентности деноминативных глаголов в английском языке (подробнее [5]). Упомянутые закономерности формулируются следующим образом: количество и качество валентностных позиций, открываемых деноминативным глаголом, определяются количеством и качеством участников ситуации, типичной для референта, названного исходным именем, за вычетом того участника, чья ролевая характеристика инкорпорируется в семантике глагола. Для деноминативных глаголов, инкорпорирующих ролевую характеристику деятеля, отмеченная закономерность принимает следующий вид: количество и качество валентностных позиций, открываемых деноминативным глаголом, определяется количеством и качеством участников ситуации, типичной для референта, названного исходным именем. Например, типичная ситуация для референта имени *fork* 'вилка, вилы' предполагает следующий минимальный набор участников: деятель (человек), который использует инструмент (вилку или вилы) для накалывания и перемещения объекта (пищи или сена). Таким образом, в результате инкорпорации деноминативным глаголом ролевой характеристики инструмента (*fork*) появляется двухвалентный глагол *to fork* 'накалывать на вилку, подцеплять вилами', субъектную позицию при котором занимает деятель-человек, а объектную – кусочек пищи или сено.

Исследование проводилось на материале 620 деноминативных глаголов, отобранных из словаря «Webster's New World Dictionary & Thesaurus». На основе дефиниций мотивирующих имен были разработаны модели типичных ситуаций, сформулированы типичные предложения с деноминативными глаголами и определены параметры типичной валентности таких глаголов. Так, моделирование типичной валентности глагола *to fork* осуществлялось следующим образом: *fork* 'an instrument with a handle at one end and pointed prongs at the other, used as eating utensils and for pitching hay' [6] → Somebody picks food or pitches hay by means of a fork (модель ситуации физического воздействия) → Somebody forks food or hay (типичное предложение с глаголом *to fork*) → параметры типичной валентности предиката *to fork*: двухвалентный, пропозициональная схема Ag + Pr(Instinc) + Obj 'агентив + предикат с инкорпорированным инструментом + объектив', типичное значение 'to pick up or pitch with a fork'.

На втором этапе работы из 620 глаголов были выделены 140 наиболее частотных глаголов и осуществлена сплошная выборка предложений с этими глаголами из 110 произведений англоязычной художественной литературы 2-й пол. XIX – нач. XXI века. Полученный корпус предложений составил 6575 единиц. Смоделированные ранее типичные предложения были использованы в качестве эталона при сопоставлении с конкретными предложениями, что позволило диагностировать различного рода изменения семантики предиката на основе тех или иных модификаций валентностных характеристик. При полном

совпадении синтаксических, пропозициональных и референтных характеристик таких предложений, т.е. при совпадении семантико-синтаксической валентности предикатов, наблюдается тесная связь семантики деноминативного глагола с семантикой исходного имени. Например, предложение *He looked over his shoulder at Jack, who was forking hay slowly and dreamily* (S. King) иллюстрирует все валентностные параметры типичного предложения с глаголом *to fork*, в связи с чем актуализируется прямое значение предиката ‘to pitch with a fork’.

В то же время различного рода модификации валентности предиката фактического предложения (в сопоставлении с типичным предложением) указывают на значительные изменения семантики деноминативного глагола (метафоризацию, нейтрализацию семы мотивирующего имени, идиоматизацию). Такие модификации могут быть обусловлены тремя группами факторов:

1. Формально-синтаксические факторы включают три разновидности: формальная (изменение типа управления с беспредложного на предложный и наоборот); количественная (уменьшение или увеличение числа обязательных именных элементов, присоединяемых предикатом) и фразовая (появление в структуре предиката послелогов). Так, в предложении *But up ahead the road forked, sloping down to the right* (M. Crichton) наблюдается количественная модификация, предусматривающая уменьшение числа обязательных валентностных связей на одну (предикат в предложении одновалентен), что сигнализирует об изменении ситуации и семантики предиката (в данном случае – метафоризации): *to fork* ‘to divide into branches’.

2. Логико-семантические факторы представлены четырьмя разновидностями: абсолютивная (один из аргументов опускается при отражении на поверхностном уровне, но легко восстанавливается из микро- или макроконтекста); модифицирующая (демонстрирует невозможность восстановления пропущенного аргумента); качественная (сохранение числа семантических падежей, сопровождающееся изменением их типа) и качественно-количественная (изменение типов семантических падежей, сопровождающееся увеличением их числа). Так, качественная модификация наблюдается в следующем примере: типичная ситуация с референтом *hook* ‘крючок’ предполагает воздействие на некоторый объект – *to hook* ‘to take hold of with a hook’. Тогда замена объектива партитивом в предложении *He knelt and hooked his hands under Shaw’s arms* (C. Cussler) указывает на смену ситуации: ситуация фиксации заменяется на ситуацию придания подобия – *to hook* ‘to make into the shape of a hook’.

Среди логико-семантических закономерностей в английском предложении особо выделяется качественно-количественная разновидность в плане отражения особенностей заполнения аргументных позиций. Предложения с деноминативными глаголами нередко демонстрируют двойное выражение однотипных логико-семантических отношений (26 % предложений корпуса): внутреннее (инкорпорированное в семантике глагола) и внешнее (выраженное

одним из именных элементов предложения). Например, *Henry eats by hunting the food with his knife, spearing it with his fork* (S. King): *spear* ‘копье’ – инкорпорированный инструмент, *a fork* ‘вилка’ – внешний. Изучение типов «внешних» референтов показало, что мотивирующая связь семантики деноминативного глагола с семантикой исходного имени сохраняется лишь в том случае, если референт, выраженный именным элементом предложения, совпадает по форме или по функции с референтом, включенным в семантику предиката.

3. Референтные факторы подразделяются на две разновидности в зависимости от заполнения аргументных позиций предикатными или непредикатными именами. Например, появление предикатного имени *exile* в окружении предиката *to engineer* в предложении *He had a very shrewd suspicion that it was they who had engineered his fifteen-year exile* (D. Adams) свидетельствует об актуализации переносного значения. Ср.: *to engineer* ‘to plan, construct as an engineer’ и *to engineer* ‘skillfully or artfully arrange for an event or situation to occur’.

Таким образом, анализ формальных характеристик валентности позволил выявить условия сохранения семантической связи деноминативных глаголов с мотивирующим именем при использовании этих глаголов в конкретных предложениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Marchand, H.* The categories and types of present-day English word-formation: a synchronic-diachronic approach / H. Marchand. – 2nd, completely revised and enlarged edition. – München : Verlag C. H. Beck, 1969. – 545 p.
2. *Clark, E. V.* When nouns surface as verbs / E. V. Clark, H. H. Clark // *Language*. – 1979. – Vol. 55, № 4. – P. 767–811.
3. *Aronoff, M.* Contextuals / M. Aronoff // *Language*. – 1980. – Vol. 56, № 4. – P. 744–758.
4. *Панкрац, Ю. Г.* Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложноструктурированных глаголов современного английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04; 10.02.19 / Ю. Г. Панкрац. – М., 1992. – 333 л.
5. *Ломовая, А. В.* Факторы, определяющие валентность отыменных конверсионных глаголов в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Ломовая. – Минск, 2015. – 204 л.
6. *Webster's new world dictionary & thesaurus. Version 2.0* [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. и прогр. (203 Мб). – Accent Software International Ltd., Macmillan Publishers, 1998. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

The paper describes the semantic and syntactic properties of English denominal verbs, formed by means of conversion (or zero derivation). It states the interdependence between the typical roles of original nouns and the valency patterns of derived verbs. The analysis of syntactic alterations of such verbs and semantic features of the arguments helps to reveal an expansion of verb meaning.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Т. А. Сысоева

Минск, МГЛУ

АПЕЛЛЯЦИЯ К ЛИЧНОМУ ОПЫТУ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТИВНОСТИ МАЛОФОРМАТНОГО МЕДИАТЕКСТА

Медийный жанр «письмо-отклик» характеризуется субъективностью, поскольку предполагает открытое высказывание авторского мнения. К основным способам актуализации категории субъективности в письмах читателей, размещенных на страницах американских и белорусских периодических изданий, относятся местоимения первого лица, модальные глаголы, вводные слова, а также эмоционально-экспрессивная лексика. Исследуемые тексты на двух языках объединяет еще одна тенденция: апелляция к личному опыту автора в ходе убеждения. Ссылаясь на случаи из своей жизни, отправитель письма часто позиционирует себя как эксперта, который может давать советы другим подписчикам издания или предлагать собственное решение проблемы. В свою очередь, редакция поддерживает читателей в их стремлении поделиться мнением, опытом, знанием, предоставляя им возможность поучаствовать в дискуссии на страницах газеты или на сайте.

Возрастание роли субъективного фактора в современных СМИ ставит перед исследователями задачу: определить соотношение эксплицитных и имплицитных средств выражения мнения в зависимости от жанра [1, с. 18]. Письмо-отклик как медиажанр также характеризуется субъективностью подачи информации, поскольку его отправитель является реальным человеком, одним из читателей периодического издания. Как и другие медийные тексты, которые «отражают актуальные вопросы современной жизни» [2, с. 23], письмо в редакцию посвящено обсуждению некоторой общественно значимой проблемы. При этом автор письма не только открыто высказывает свою точку зрения, но и делится собственным опытом. В настоящей работе рассмотрим апелляцию к личному опыту адресанта в свете категории субъективности. В качестве материала обратимся к письмам-откликам, опубликованным в белорусских периодических изданиях «Знамя юности», «Минский курьер», «Советская Белоруссия», «Рэспубліка» и американских изданиях «The Oregonian», «Yakima Herald Republic», «The Washington Times» за 2012–2016 гг. (печатные версии газет и публикации на веб-сайтах).

Высказывая собственное мнение по поводу обсуждаемой проблемы, отправитель письма осуществляет стратегию убеждения (*He считаю себя ханжой, но...; Из этого я делаю вывод, что...; I believe we should strive to protect human life...*). Однако были выявлены лингвокультурные особенности реализации убеждения, проявляющиеся в том, что авторы писем в редакцию американских изданий чаще апеллируют к личным оценкам и мнениям (*I shudder to think of...; It seems to me that we should...*), тогда как белорусские читатели газет апеллируют к фактам, уделяя особое внимание

конкретным цифрам (*Много читаю про мраморное мясо, в Беларуси для его получения коров выращивают 250 хозяйств; Сейчас в моих приватизационных документах указано, что износ дома – 41 %*). Такие результаты связаны с особенностями семантической структуры исследуемых текстов в каждом языке: если в англоязычных письмах преобладает семантический компонент ‘авторская точка зрения’ (85,5 % текстов), то в русскоязычных – ‘пример’ (80 % текстов).

Субъективизм, присущий письму в редакцию, находит языковую манифестацию разными средствами. Так, об актуальности освещаемой проблемы для данного региона свидетельствуют местоимения *наш (our)*: *our Valley; our city; наши дома; наш подъезд*. Используя местоимение *мы (we)* в так называемой «нереферентивной функции», автор подчеркивает свою связь с другими жителями данного региона, идентифицирует себя с определенной социальной группой (налогоплательщиками, клиентами магазина, пассажирами общественного транспорта и т.д.): *You talk conservative values to get elected and then can't make simple common-sense decisions that we business owners make every day to save money; У нас в Жлобине...; Кому мы платим добавленную стоимость?* В этом случае адресант «отождествляет себя с некоей ценностно значимой для него группой лиц, объединяемой чаще всего по культурно маркированному признаку» [3, с. 76].

О необходимости срочно, по мнению автора письма, решить назревшую проблему свидетельствуют слова с соответствующим модальным значением: *We need someone with her experience...; Officials need to start listening to the citizens...; Надо лишь установить электронные весы самообслуживания...; Нужны среднего формата книги....* На личную точку зрения адресанта также указывают вводные слова и коннекторы с семантикой мнения, достоверности (*perhaps, sadly; наверное, конечно*). Наконец, к эксплицитным способам репрезентации категории субъективности в исследуемых текстах относятся экспрессивные средства разных уровней, и в первую очередь – эмоционально-экспрессивная лексика (*unscrupulous people; возгласы восхищения и одобрения*). При этом соотношение положительно и отрицательно окрашенных слов в двух лингвокультурах различается: 78 % эмоционально-экспрессивной лексики в англоязычных письмах окрашено отрицательно, тогда как в белорусских изданиях слова, выражающие положительную и отрицательную оценку, одинаково употребительны. Данное различие также связано со спецификой семантической структуры текста. Как уже отмечалось выше, для англоязычных писем наиболее частотным является компонент ‘авторская точка зрения’, который допускает открытую критику и негативное отношение к предмету обсуждения: *I was shocked...; It is a shame that the Yakima Herald-Republic chose to ignore this event....* В свою очередь в письмах из белорусской прессы наиболее употребителен семантический компонент ‘пример’, описывающий как приятные, так и неприятные случаи из личного опыта автора письма: *Приятно зайти; Приятно удивил огромный ассортимент товаров и бюджетные цены; ...Стюардессы не приветливые,*

выражения лиц недовольные...; Вот такая прекрасная гора всякого хлама собралась возле первого подъезда дома № 151... Подобные примеры свидетельствуют о желании автора сообщения «заразить» читателя аналогичными эмоциями, поскольку людям свойственно автоматически подражать другим в ходе речевого общения [4, с. 1021].

Следует сказать, что в последнее время жанр «письмо-отклик» претерпел некоторые изменения. Если раньше письма в редакцию делились на два типа – отклик на публикацию и отклик на общественно значимое событие, – то теперь формы и средства взаимодействия читателя с редакцией, а также с другими подписчиками издания усложнились: читатели могут вступить в дискуссию друг с другом или с журналистом как в печатной версии газеты, так и на ее сайте. Соответственно, можно говорить об изменении характера самой стратегии убеждения, когда адресант ставит своей целью не просто аргументировать собственную точку зрения, а желает обменяться мнениями, принять участие в споре. Так, в следующих примерах читатели дискутируют с журналистом (автором статьи) и отправителем письма-отклика (другим читателем) на веб-форуме: *Ю. Бакеренко «По прозвищу Дед» («СБ» за 5 марта). Бывший гандболист минского СКА Александр Мосейкин живет отшельником на хуторе вдали от Минска (ссылка на публикацию). – Да все отлично у него! (Пользователь 1); После того, как читаю о таких людях, у меня пробуждается вера в человечество (Пользователь 2); К сожалению, достаточно много спортсменов после ухода из спорта остались не у дел (Пользователь 3); *Race and the police: The opinion piece by Samantha Swindler troubles me. In the course of her piece she asks, “Aren’t police supposed to be above that?” And: “Even if (Matthew ‘Deme’) Cooper cursed at officers, (Matthew) Cale said, that’s a First Amendment right”. Oh, really? Then I have the right to walk down the street cursing any and all I come in contact with, and they should all be above that? (мнение отправителя письма-отклика); Yes. (Пользователь 1); Yes, you do. Welcome to America and freedom. Police, however, are sworn peace officers. Higher standard (Пользователь 2).**

Отметим, что зачастую автор письма-отклика считает себя настолько компетентным, что не просто высказывает свою точку зрения, ссылаясь при этом на личный опыт, но и дает советы другим: ***Советую всем: внимательно следите за сроком годности продуктов. Вчера купил в магазине хлеб, который, если верить данным на упаковке... сойдет с конвейера только завтра (!); Мое предложение краткое: работающие пенсионеры пусть получают только заработную плату; Хотелось бы посоветовать предпринимателям с рынков...; As a very concerned resident of Selah, I would like to alert the Yakima Herald-Republic...; It prompted me to share my experience and personal opinion....*** Автор может обосновывать уместность подобного совета, подчеркивая наличие профессионального опыта, знаний, компетенции: *Очень хочется поделиться иностранным опытом в сфере перевозок; В этом контексте, если позволите, немного о себе. Мне 76 лет.*

Работал до 75...; Людмила, как врач вам сообщаю, что маска действует не 15 минут, а час; Only 21 percent of the public favor our nuclear agreement with Iran (various news sources); Years ago, I was in the Army with a kid from Africa.

Интересно, что в процессе обоснования своей точки зрения авторы писем в редакцию могут ссылаться как на личный опыт/знание, так и на чужой: *В ожидании маршрутки я стояла на остановке и в наушниках слушала музыку; Одна знакомая, по ее рассказам, любит по утрам 10–15 минут постоять под душем; When I was driving to Yakima one day, I noticed we have a problem in this Valley; A friend was in need of a kidney in early 2011. She was born in Europe....* И в том и в другом случае функция подобных примеров сходна: они призваны служить аргументом в пользу авторской точки зрения, иллюстрируя ее. Автор также может рассказывать об инцидентах, в которых он не принимал непосредственного участия, однако свидетелем которых стал (более характерно для белорусской прессы): *В очередной раз услышал умопомрачительную словесную конструкцию в крупном столичном супермаркете. В колбасном отделе покупательница спросила у продавца: «Скажите, это куриная колбаса?». Последовал деловитый ответ....* В свою очередь, авторы писем в редакцию англоязычных изданий зачастую указывают на несостоятельность точки зрения оппонента (журналиста, общественного деятеля и др.), апеллируя к научному знанию, логике: *There is no scientifically proven evidence whatsoever to substantiate Mr. Lybbert's claims, neither in linguistics, archeology or any other field of study. DNA analysis alone is enough to refute his assertions; While Mr. Moore gives us reasons to believe that socialism is bad, he never offers reasons to support his original claim....*

Следует отметить, что редакция газеты реагирует на многие письма-отклики, взаимодействует с читателями, например, комментируя присланные сообщения или проводя опросы мнений: *Письма в нашей нынешней подборке абсолютно разные по тематике – прямо какой-то калейдоскоп получился...; Is Donald Trump fit to be president? – Варианты ответа: Yes, No, Not sure.* При этом опрос может касаться не только мнения, но и личного опыта подписчиков газеты, их планов на будущее и т.д.: *How are you spending the Christmas and New Year's holiday season? – Варианты ответа: Driving someplace to visit family and friends; Flying someplace to visit family and friends; Flying or driving to someplace warm – without snow; Staying home but plan to play in the much-welcome mountain snow; Staying home and just chillin'; Something else.* Сказанное, по-видимому, свидетельствует о том, что редакция издания всячески поддерживает стремление читателей делиться своим мнением, знаниями, опытом, советами, участвовать в разных формах обсуждений.

Таким образом, жанр «письмо-отклик» на современном этапе характеризуется рядом общих тенденций, в равной степени свойственным двум исследуемым лингвокультурам. Во-первых, письмо в редакцию отличается субъективностью подачи материала, предполагающей открытое высказывание авторского мнения. Во-вторых, убеждение в правильности точки зрения

адресанта осуществляется посредством апелляции к его личному опыту. В-третьих, редакция печатных изданий поощряет читательскую инициативу, предлагая подписчикам разные варианты взаимодействия: обмен мнениями, дискуссию, спор, комментирование публикаций, опрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Формализация распознавания авторской позиции в проблемном медиадискурсе / Т. П. Карпилович // *Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / редкол. : Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2015. – Вып. 3. – С. 18–25.*
2. *Карпилович, Т. П.* Жанры медиадискурса в контрастивном освещении / Т. П. Карпилович // *Контрастивные исследования языков и культур: материалы Междунар. кругл. стола, Минск, 29–30 окт. 2012 г. / МГЛУ; редкол. : Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 23–31.*
3. *Гранева, И. Ю.* Местоимение «мы» в языковой картине мира // *Проблемы языковой картины мира на современном этапе : сб. статей по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых, 14–15 марта 2007 г. Вып. 6 / редкол. : Е. А. Гутина (отв. ред.) [и др.]. – Н. Новгород : изд-во НГПУ, 2007. – С. 75–80.*
4. *Хэтфилд, Э.* Эмоциональное заражение / Э. Хэтфилд // *Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбах. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – С. 1021.*

The paper considers linguistic markers of subjectivity in letters to the editor from American and Belarusian printed editions. Striving to substantiate their subjective viewpoints, the authors of letters to the editor turn to their personal experience.

Ю. С. Авдей
Минск, МГЛУ

ОСНОВНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ И ИХ ПЕРЕДАЧА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Настоящее исследование посвящено выявлению системы лингвопрагматических средств, характерных для построения политического текста со значительным аргументативным потенциалом, а также их передаче на русский язык. Материалом для исследования послужили тексты выступлений канцлера Германии Ангелы Меркель. В исследованных текстах выступлений А. Меркель обнаружено использование определенного набора типичных языковых средств лексического и синтаксического уровней, участвующих в выдвижении нужного в соответствии с целью коммуникативных потребностей политика. К лексическим средствам, прежде всего, относятся; метафора (43 %), эпитеты (26 %) и лексический повтор (24 %). На синтаксическом уровне чаще всего оратором употреблены: синтаксический параллелизм (47 %), парентеза (33 %) и инверсия (20 %). Для интерпретации

на русский язык используются как приемы перевода на основе системных эквивалентных соответствий, так и различные виды трансформационного перевода. Конструкции синтаксического параллелизма практически в 95 % случаев подвергнуты синтаксической трансформации с добавлением лексических единиц.

В данной статье представлены результаты исследования конкретных лингвопрагматических средств аргументации, присутствующих в политическом дискурсе, и их передачи на русский язык. Исследование было проведено на материале текстов речей канцлера Германии Ангелы Меркель.

Актуальность работы обусловлена той ролью, которую играют в современной жизни политические высказывания и политические деятели, использующие в своих речах стратегии и тактики убеждения, элементы аргументации. Ведь в условиях демократического общества решение политических проблем зависит от того, насколько адекватно эти проблемы будут интерпретированы языком.

Объектом исследования является речевая коммуникация, в частности, тактики и стратегии аргументации и убеждения, используемые политическими деятелями [1, с. 34].

Основной темой и движущим мотивом политической сферы общения является борьба за власть. Анализируя речи политических деятелей, можно выявить стратегии и тактики аргументации, используемые ими с целью убеждения аудитории. Исследования выступлений позволяют, с одной стороны, прогнозировать дальнейшие действия и намерения политика, а с другой – устанавливать наиболее эффективные способы воздействия на слушателей [2, с. 132–133].

Как известно, одной из специфических черт политического дискурса является его идеологическая направленность, которая заключается в том, что политический деятель актуализирует свою систему ценностей или даже «навязывает» ее. Такая идеологическая направленность реализуется в тексте особыми средствами, которые должны служить усилительно-логическому и эмоционально-психологическому воздействию на получателя информации. К подобным средствам относятся в первую очередь стилистические средства [3, с. 136].

Задачей исследования являлась как систематизация выявленных в текстах стилистических приемов, так и их передача на русский язык в соответствии с основной прагматической целью перевода политического дискурса, а именно, передача соответствующего воздействия и создание адекватного коммуникативного эффекта.

В исследованных текстах выступлений депутатов бундестага обнаружено использование определенного набора типичных языковых средств лексического и синтаксического уровней, участвующих в выдвигании нужного смысла в рамках целостного текста в соответствии с целью коммуникативных потребностей отправителя текста.

В результате проведенного лингвостилистического анализа текстового материала общим объемом 19 страниц (около 40 тыс. п. зн.) монологической

речи канцлера Германии Ангелы Меркель и подсчета использования различных стилистических средств были установлены следующие количественные показатели: из выявленных лингвостилистических средств метафоры составляют 43 %, эпитеты – 26 %, лексический повтор – 24 % .

Итак, наиболее характерным и, с нашей точки зрения, самым действенным средством передачи выразительности, оценочности и манипулятивности выступает метафора.

Для адекватной интерпретации метафор были использованы как приемы перевода на основе системных эквивалентных соответствий, так и различные виды трансформационного перевода.

При выборе переводческой трансформации мы основывались на том, что перевод метафор – это многоуровневый процесс, цель которого состоит в отыскании в языке перевода равноценных элементов на соответствующих уровнях функционирования политической речи, содержательная и эмоциональная ценность которых находилась бы в эквивалентных отношениях с метафорами оригинала.

Следующие примеры иллюстрируют необходимость использования метода узуальной подстановки исходя из эквивалентности стандартизованных клише ИЯ и ПЯ:

Einen Vorschlag auf den Tisch zu legen ‘внести предложение’;

seine Existenz aufs Spiel zu setzen... ‘поставить на карту свое существование’;

jeden Preis für etwas zahlen ‘платить любую цену’.

Совмещение разного рода трансформаций для интерпретации метафоричного изложения мысли на русский язык, в частности, путем добавления дополнительной лексической единицы можно показать на следующем примере:

Für mich persönlich wie für Millionen Menschen hinter dem Eisernen Vorhang war der Mauerfall 1989 ein schier unfassbarer Moment des Glücks. ‘Лично для меня, как и для миллионов людей, живших за железным занавесом, падение Берлинской стены в 1989 г. стало невообразимым моментом счастья’.

При переводе данного высказывания немецкий узуальный оборот требует развернутого выражения мысли на русском языке, а именно конкретизации понятия.

В этом примере перевода наряду с семантико-содержательной трансформацией прослеживается также грамматическая. Происходит взаимозамена контрадикторного понятия (*werden sich zerschlagen*), но при этом сохраняются исходный смысл фразы (не суждено сбыться) и эмоциональная окраска содержимого. Что касается трансформации на грамматическом уровне, в исходном варианте для обозначения будущего времени используется типичный для немецкого языка страдательный залог, в то время как на русский оно передается путем добавления лексической единицы.

В процессе перевода метафор использованы также лексико-грамматические трансформации, например:

«*Als jemand, der 35 Jahre in der DDR in einem System der Unfreiheit und Diktatur gelebt hat...*» ‘Как человек, который 35 лет прожил в ГДР, под гнетом несвободной, диктаторской системы...’

Большого внимания при переводе метафоричных выражений в политической речи требует обращение к приемам семантико-содержательной трансформации.

Первый пример:

1. *Was wäre die Folge gewesen, wenn es nicht die Kraft gefunden hätte, seine Existenz aufs Spiel zu setzen, um für seine Überzeugungen einzustehen und um die Hoffnung aller europäischen Völker auf eine bessere Zukunft in Freiheit zu bewahren?* ‘Какими были бы последствия, если бы ему не хватило сил поставить на карту свое существование, чтобы отстоять собственные убеждения и сохранить надежду всех европейских народов на лучшее свободное будущее?’

В данном случае употреблена контекстуально-лексическая замена, так как произошло отклонение от прямого словарного соответствия «найти в себе силы», которое в данном контексте проявляет общее значение с выражением «хватает сил», т.е. силы народа не иссякли.

Второй пример:

2. Генерализация: *Europa wird sich nicht in Quantensprüngen voranbewegen, sondern nur Schritt für Schritt.* ‘Европа будет продвигаться вперед не рывками, а шаг за шагом’.

При анализе текстов парламентских выступлений А. Меркель выделен и ряд синтаксических средств, которые чаще всего употреблены ораторам для усиления аргументативной силы высказывания: синтаксический параллелизм (47 %), парентезу (33 %) и инверсию (20 %).

Конструкции синтаксического параллелизма практически в 95 % случаях подвергнуты синтаксической трансформации с добавлением лексических единиц.

Denn nur gemeinsam wird es Europa gelingen, die weltweiten Ursachen von Flucht und Vertreibung zu verringern. Nur gemeinsam wird es uns gelingen, kriminelle Schlepperbanden wirksam zu bekämpfen. Nur gemeinsam wird es uns gelingen, die Außengrenzen der Europäischen Union besser zu schützen und ein Europa ohne Binnengrenzen nicht zu gefährden. ‘Только работая вместе, Европа сможет сократить глобальные причины изгнания и преследования. Только работая вместе, мы сможем эффективно побороть криминальные банды, занимающиеся нелегальным ввозом мигрантов. Только работая вместе, мы сможем лучше защитить внешние границы Европейского союза и не подвергнуть опасности Европу, не имеющую внутренних границ’.

По результатам обоих этапов исследования мы находим, во-первых, подтверждение тому, что конденсация мысли в определенном текстовом фрагменте с помощью характерных стилистических средств лексического

и синтаксического уровней является эффективным способом воздействия на аудиторию. Во-вторых, определение способов передачи указанных смыслов и соответствующих языковых и речевых средств продолжает оставаться в каждом конкретном случае большой переводческой проблемой, которой занимался, как известно, целый ряд известных лингвистов и переводчиков, среди которых следует упомянуть такие имена, как В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, И. С. Алексеева.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что при переводе политического текста задачей переводчика становится максимальное сохранение индивидуального стиля автора и метафорического образа, прибегая при этом к таким трансформациям, которые позволят сохранить коммуникативный эффект соответствующего высказывания и его системную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еемерен, Франс Х. ван.* Речевые акты в аргументативных дискуссиях: теоретическая модель анализа дискурса, направленная на разрешение конфликта мнений / Франс Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб. : Нотабене, 1992. – 157 с.
2. *Иванова, Т. Ф.* Персуазивность как функциональная характеристика публичной речи и ее составляющих / Т. Ф. Иванова // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов МГЛУ, 21–22 апреля 2009 г.: в 5 ч. – Минск : МГЛУ, 2010. – Ч. IV. – С. 132–135.
3. *Демьянков, В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm>. – Дата доступа : 01.03.2015.

This article investigates linguapragmatical means of argumentation in political discourse and their translation into the Russian language. The author distinguishes main stylistic means at the lexical level (metaphors, epithets, lexical repetition) and syntactic level, suggests ways of metaphors and syntactic parallelism translation, taking into account the basic pragmatic purpose of the political discourse translation.

О. В. Кабецкая

Минск, МГЛУ

СУПЕРСТРУКТУРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается суперструктура текстов постановлений, декретов, указов Президента Республики Беларусь и актов парламента Соединенного Королевства, которая была установлена с помощью сопоставительного анализа. Автор выделяет стандартную прототипическую структуру законодательных документов и описывает ее компоненты и субкомпоненты.

Одной из характерных особенностей законодательного подстиля является стандартизованность, которая проявляется не только на синтаксическом или стилистическом уровнях, но также присуща и семантической структуре законодательных актов. Соблюдение последовательности при составлении текстов письменных жанров юридического дискурса (законов, указов, декретов, постановлений и т.д.) является необходимостью, поскольку, с одной стороны, это сводит к минимуму случаи двоякого толкования, вызванные неправильным выбором языковых средств, а с другой – делает данные документы однородными и тем самым повышает их качество [1; 2].

В юридической практике существует установленная структура законодательных актов, которой придерживаются при нормотворчестве. Так, русскоязычные документы включают следующие компоненты:

- 1) преамбула, в которой сообщаются причины и цель принятия данного закона;
- 2) нормативное содержание, или постановляющая часть, которая подразделяется на части, статьи и пункты и содержит основной текст закона;
- 3) указание на последствия нарушений, в которой либо указывается конкретная санкция, либо констатируется наказуемость за нарушение данного закона;
- 4) указание на нормативные акты, подлежащие отмене;
- 5) указание на порядок вступления в силу [1].

Британские документы состоят из таких частей, как:

- 1) полное наименование закона и цель;
- 2) дата получения королевской санкции;
- 3) основная часть закона, подразделяющаяся на секции, подсекции, пункты и подпункты и включающая основное содержание закона;
- 4) интерпретация, в которой даны определения понятиям, встречающимся в тексте;
- 5) вступление в силу [3].

В результате анализа 40 законодательных текстов было установлено, что все они построены в соответствии с данной структурой. Анализ также показал, что прототипическая структура первичных документов практически полностью повторяет композиционную структуру данных текстов. Так, суперструктура русскоязычных законодательных документов включает 5 компонентов: *введение, нормативное содержание, последствия нарушений, отмена нормативных актов и порядок вступления в силу*. В состав англоязычных текстов входят следующие компоненты: *полное наименование и цель, основная часть, интерпретация, вступление в силу*. Указанные выше части далее подразделяются на субкомпоненты, тем самым позволяя построить суперструктуру текстов постановлений, указов, декретов и актов парламента.

Так, в русскоязычных текстах компонент *нормативное содержание* можно разделить на следующие субкомпоненты: *резюме (90 %), лица,*

подпадающие под действие закона (55 %), обязанности (50 %), права (45 %), ответственные за исполнение (35 %), порядок исполнения (30 %), предмет закона (30 %), определения (20 %).

В составе компонента *указание на последствие нарушений* выделяются такие компоненты, как *ответственность* (30 %), поясняющая, какое наказание может повлечь неисполнение закона, и *контроль исполнения* (60 %), дающий полномочия определенным органам контролировать выполнение предписанных норм. Субкомпонент *ответственность* далее подразделяется на следующие элементы: *органы, назначающие наказание* (10 %) и *сроки наложения взыскания* (10 %).

В компоненте *указание на нормативные акты, подлежащие отмене* не всегда сообщается только об отмене определенных законов. Очень часто в него также включаются субкомпоненты *внесение изменений* (55 %), *ответственные за внесение изменений* (40 %), *право толкования* (30 %).

Последний компонент *указание на порядок вступления в силу* состоит из обязательного элемента *вступление в силу* (100 %), а также в некоторых случаях в нем указывается *срок действия* (15 %).

Ниже представлено распределение компонентов суперструктуры законодательного акта на русском языке (рис. 1):

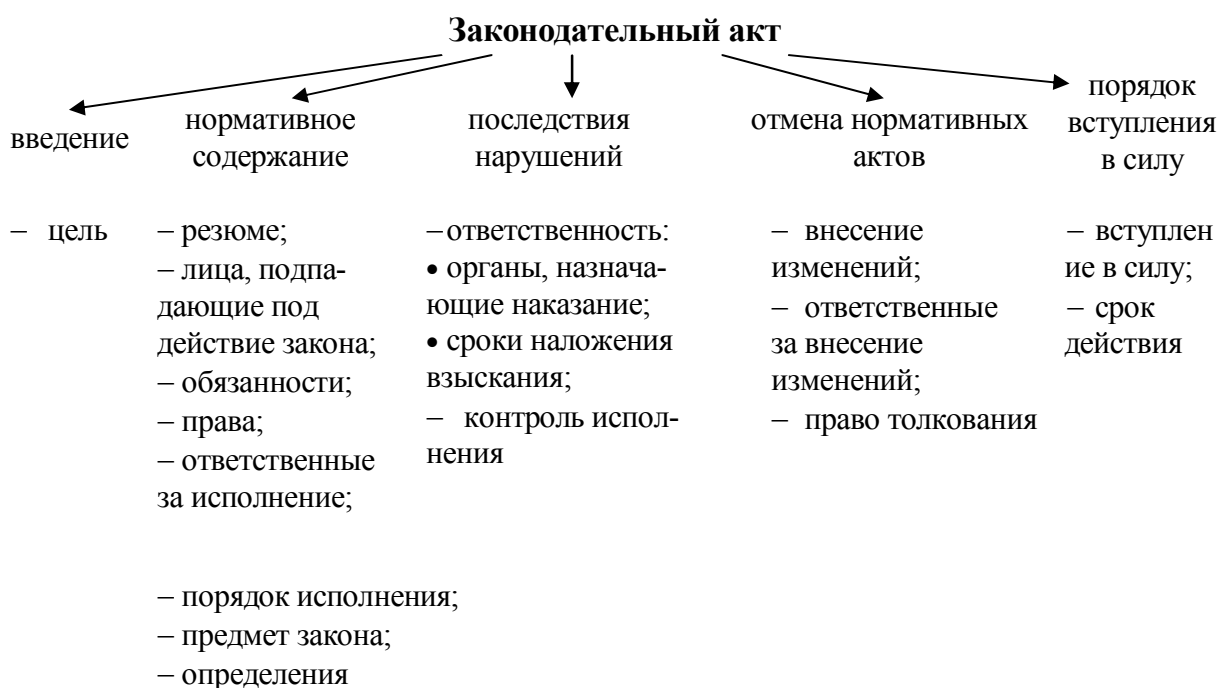

Рис. 1. Распределение компонентов суперструктуры законодательного акта (русский язык)

Англоязычные законодательные тексты состоят из четырех частей. В составе первой части закона (*полное наименование закона и цель*) входит только компонент *цель* (60 %) и дата, которая сообщает, когда данный акт получил королевское одобрение.

Наиболее структурно нагруженной является *основная часть* закона, разделы которой содержат всю информацию о новом законе. В ее состав входят 13 компонентов, но все они имеют тенденцию появляться в определенном порядке, сообщая вначале более общую информацию, и только затем более детальную. В связи с этим данную часть закона можно условно разделить на две: вводную и главную. Во вводной части компоненты *предмет закона* (50 %) и *определения* (85 %) дают обзор всего документа, сообщая об изменениях или нововведениях в действующем законодательстве. В главной части присутствуют следующие субкомпоненты: *обязанности* (75 %), *лица, подпадающие под действие закона* (55 %), *внесение изменений* (50 %), *права и полномочия* (45 %), *порядок исполнения* (30 %), *ответственность* (45 %), *сфера действия* (25 %), *согласование с другими законами* (20 %), *написание руководства* (25 %), *контроль исполнения* (20 %), *пересмотр* (10 %). Все перечисленные компоненты не встречаются одновременно в одном тексте. Как правило, это комбинация из 5–7 элементов.

Третья часть, *интерпретация*, которая содержит в себе толкования понятий, встречающихся в тексте, не является обязательной, поскольку встретилась только в 45 % проанализированных текстов. Это связано с тем, что в некоторых случаях определения предоставляются в основной части закона.

Последняя часть включает в себя три компонента: *краткое название* и *вступление в силу*, которые являются обязательными, а также элемент *территория применения* (15 %), указывающий в какой части Соединенного Королевства закон имеет силу.

Приведенный ниже рис. 2 наглядно демонстрирует распределение компонентов в англоязычных текстах.

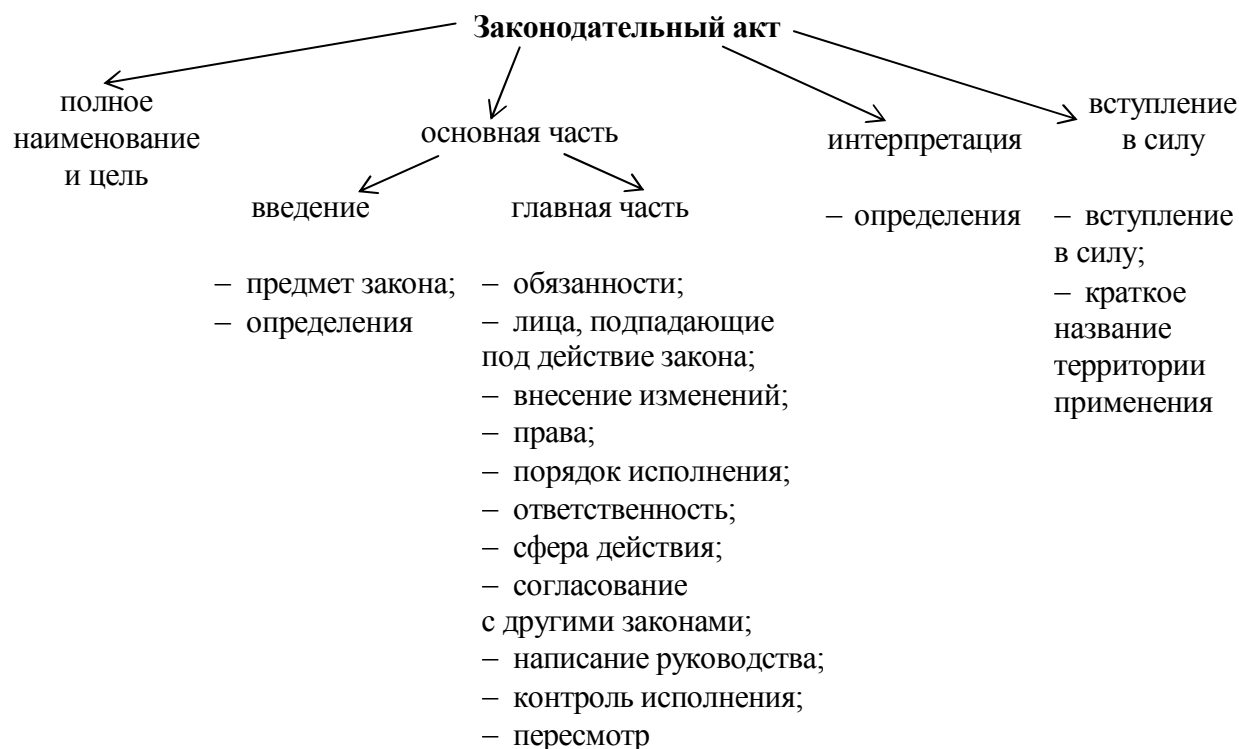

Рис. 2. Распределение компонентов суперструктуры законодательного акта (английский язык)

Таким образом, англо- и русскоязычные законодательные акты имеют стандартную, логичную и последовательную схему построения, сложившуюся в результате многолетней практики и позволяющую правильно создавать законы и работать с ними. Тем не менее сопоставительный анализ суперструктур текстов данного жанра показывает, что русскоязычные тексты отличаются от англоязычных по количественному составу и дистрибуции компонентов и субкомпонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власенко, Н. А. Язык права* / Н. А. Власенко. – Иркутск : Восточно-Сибирск. книжн. изд-во, 1997. – 176 с.
2. *Mellinkoff, D. The language of the law* / D. Mellinkoff. – Oregon, Eugene : Wift and Stock Publishes, 2004. – 526 p.
3. *Bhatia, V. K. Analysing genre: Language use in professional settings* / V. K. Bhatia. – Longman : London & New York, 1993. – 246 p.

This article shows the results of comparative analysis of British and Belarusian legislation. The author's aim is to describe and compare the superstructure and components of legislative acts in the English and Russian languages.

Е. А. Калюта

Минск, МГЛУ

ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РИТОРИКИ (на материале конференций TED TALK)

Данное исследование посвящено теме публичных выступлений в контексте современной и классической риторики. Рассмотрено понятие *риторика*, ее цели и задачи в античности и современности, а также приведены примеры использования различных риторических средств и приемов на основе анализа конференций TED TALK.

Риторика – наука о «канонах» влияния на аудиторию, одна из самых древних наук на земле. Ей примерно 2 500 лет. Слово *риторика* произошло от греч. *Rheo* ‘говорю, лью, теку’. Производное от него *rhetor* означало ‘ритор, оратор’. Это слово дало название науке «риторика», ‘искусство ораторской речи’.

Публичная речь традиционно является главным объектом риторики. В античные времена ораторский монолог был мощным инструментом общественно-политического влияния, а обучение ораторскому искусству составляло важную часть образования.

Расцвет ораторского красноречия приходится на XVIII и XIX вв., когда риторическое мастерство считалось необходимым компонентом общественно-политической деятельности, а выдающиеся ораторы пользовались огромным

авторитетом. В конце XIX, и особенно в начале XX века, с изменением экономических и социальных условий, демократизацией общественного уклада изменились и представления об эффективной риторической коммуникации. Став более демократичной, ориентированной на слушателя, естественной, ораторская речь приобрела и другое название: она стала называться *публичной речью*, именно этот термин используется в современной риторической теории и практике. Представляется, что смена терминов была обусловлена определенным понятийным сдвигом, отражающим содержательные и стилевые изменения этого вида риторического дискурса: в самом понятии *ораторская речь* (oratory) подчеркивается роль говорящего, оратора, в то время как понятие *публичная речь* (public speech) отражает ориентированность на публику, аудиторию.

Наиболее целостная парадигма знания о публичной речи содержится в риторике, в рамках которой, начиная с античных времен, описан весь цикл ее создания и разработаны необходимые для этого стратегии и техники. Для реализации цели публичного выступления, состоящей в убеждении, риторика предлагает оратору три вида риторических доказательств – этос, пафос и логос.

Безусловно, современная публичная речь во многом отличается от классической ораторской речи как в риторическом, так и в языковом аспекте, а также по тональности и «фактуре» (термин Ю. В. Рождественского), однако она не утратила ни своего общественного значения, ни качественного уровня.

Просмотрев и проанализировав выступления с конференций TED TALK, были выявлены следующие риторические средства, используемые ораторами для убеждения и привлечения внимания аудитории :

1. Призыв: *Our teachers deserve better* (Bill Gates «Teachers need real feedback»).

«We must, we must do better».

2. Анафорические повторы: *Public without consent; public without context and public without compassion* (Monica Lewinsky «The price of shame»).

I know that there are a billion people going hungry today. I know that this year, a million people will commit suicide. I know today there are 120 million slaves. (Nick Vujicic «Overcoming hopelessness»).

So you will hear me when I say that I understand that a dream job is not about dreaming. It's all job, all work, all reality, all blood, all sweat, no tears. («My year of saying yes to everything»).

3. Метафора: *We have slowly been sowing the seeds of shame and public humiliation in our cultural soil....* (Monica Lewinsky «The price of shame»).

For me in my life as a child I had a big wall. I was surrounded by four walls and a low ceiling of opportunity. (Nick Vujicic «Overcoming hopelessness»)

But media provides us with a window back into the world that we live in. (Scott McCloud «The visual magic of comics»).

4. Сравнение: *The hum is more than writing. The hum is action and activity. The hum is a drug. The hum is music. The hum is light and air. The hum is God's whisper right in my ear.* (Shonda Rhimes «My year of saying yes to everything»).

Muslims are like canaries in the coal mine. (Dalia Mogahed «What do you think when you look at me?»).

They talk about my community kind of like we're a tumor in the body of America (Dalia Mogahed «What do you think when you look at me?»).

5. Антитеза: *In our life my parents always taught me that even though we don't know why I was born this way, that we have a choice. Either to be angry for what we don't have or be thankful for what we do have* (Nick Vujicic «Overcoming hopelessness»).

6. Гипербола: *And the world is a hurting place and the world needs hope and the world needs love* (Nick Vujicic «Overcoming hopelessness»).

7. Риторический вопрос: *You know that the people you have in your life who, no matter how good of a day you're having, they'll bring you down? Or no matter how bad of a day you're having, they'll bring you even lower? You know what I'm talking about?* (Nick Vujicic «Overcoming hopelessness»).

8. Повтор: *They are not your biggest discourages. You are. You are.* (Nick Vujicic «Overcoming hopelessness»).

9. Ирония: *We all need a reason to wake up. For me it just took 11,000 volts.* (BJ Miller «What Really Matters at the End of Life»).

I have three amazing daughters, Harper, Backett and Emerson and Emerson is a toddler who inexplicably refers to everyone as "honey" as though she is a Southern waitress (Shonda Rhimes «My year of saying yes to everything»).

10. Разъяснение: *And believe me almost everyone who goes into healthcare really means well – I mean truly. But we who work in it are also unwitting agents for a system that too often doesn't serve. Why? Because healthcare was designed with diseases, not people at its center. Which is to say it was badly designed.* (BJ Miller «What Really Matters at the End of Life»).

11. Дисфемизм: *I might not really go to an alien world on a spaceship someday – that seemed pretty darn unlikely* (James Cameron «Before Avatar... a serious boy»).

12. Цитаты: *Picasso once said this, he said that all children are born artists* (Ken Robinson «Do schools kill creativity?»)

13. Фразеологизм: *My parents worked hard to get back on their feet* (George Takei «Why I love a country that once betrayed me»).

В результате анализа выступлений ораторов конференции TED TALK были сделаны выводы о том, что современная риторика по большей части направлена на аудиторию и на установление с ней контакта. Язык публичных выступлений очень богат на различные языковые средства. Особенно часто прослеживается употребление таких тропов, как метафора, ирония

и фразеологизм, а из стилистических фигур – анафора, анафорический повтор и риторический вопрос. Во время выступления ораторов в их речи не было замечено грубых нарушений, что говорит о прекрасном владении языком и знании риторики выступающими.

Public speech is traditionally the main subject of rhetoric. Modern public speech is much different from classical one in both rhetorical and linguistic aspects, but it is still socially important and abounds in stylistic means of attracting and holding the audience's attention.

P. S. Palubinski

Minsk, BSEU

PECULIARITIES OF PUNS IN AMERICAN AND BRITISH ADVERTISEMENTS

Представлены результаты исследования механизмов языковой игры в рекламных текстах США и Великобритании: классификация приемов языковой игры в рекламе, результаты проведенного опроса, а также примеры использования фонетических приемов в слоганах, опубликованных в Интернете.

Since advertising is all around us, we don't often pause to think about its nature as a form of discourse, as a system of language use whereby, on a daily basis, huge numbers of readers have fleeting 'conversations' with the writers of countless texts [1, p. 8].

In recent years, linguists have become increasingly interested in the language of advertising because they want to know how various linguistic means are used to grab the attention of potential customers. Copywriters have always deliberately exploited rhetorical figures to make their products stand out from other goods and services. American and British advertisements employ various wordplay devices in order to capture the attention of potential customers. Besides, wordplay allows advertisers to communicate with their audience on a number of levels – from phonological to semantic.

The objective of the research is to single out and classify wordplay devices in American and British slogans published on the Internet, and analyse their impact on recipients.

All in all, 87 slogans which contain wordplay have been analysed. So, all the wordplay devices can be classified into several types:

- phonological devices (rhyme, rhythm, alliteration and assonance),
- graphic devices (colour, type; graphic expression of acronyms and initialisms),
- formation of new words and phrases (compounding, affixation, shortening, blending and conversion),

– syntactic devices (parallelism, anaphora, epiphora, antimetabole, ellipsis and incomplete sentences),

– semantic devices (personification, simile, hyperbole, metaphor, metonymy and antithesis).

100 students of 1st–5th years (aged 17–23) of the School of International Business Communication (the Belarus State Economic University) have been surveyed by means of a questionnaire in order to find out which slogans appeal to them most. The point worth noting is that the questionnaire contained no brand names as they may alter the perception of advertisements. The research findings show that the majority of respondents have chosen the slogans containing alliteration. Therefore, phonological devices proved to be the most effective way of creating a slogan.

Examples of phonological devices are as follows:

– rhyme: “*Love this skin you are in*” (‘skin – in’), “*Stop seeing broken hair everywhere*” (‘hair – everywhere’),

– rhythm: “*Live your life, love your home*”, “*Flatter your figure with Dietrim*”,

– alliteration: “*Performance. Prestige. Passion for Innovation*” (alliteration of /p/), “*Perfect Pictures Posted Pronto*” (alliteration of /p/), “*Clear Picture, Clean Sound*” (alliteration of /k/), “*We want you to be the best in your business*” (alliteration of /b/),

– assonance: “*Men will melt*” (assonance of /e/), “*Meet the king of prints*” (assonance of /ɪ/), “*Make the paper work better*” (assonance of /eɪ/), “*Twice the lashes for eyes that smile*” (assonance of /aɪ/).

Newness of the research is that for the first time the impact of wordplay devices on recipients (students of the School of International Business Communication) has become the object of the research.

Area of practical application: the research materials can be used in the marketing sphere by showing the most effectively used devices in advertising texts, and in the English language teaching. The research findings can also be used by copywriters to improve the quality of advertising texts.

REFERENCES

1. *Goddard, A. The Language of Advertising. Written texts / A. Goddard. – London : Routledge, 1998. – 134 p.*

The article deals with the wordplay devices used in American and British advertising texts published on the Internet. The research findings show that phonological devices are the most effective way of creating a slogan as slogans containing alliteration appeal to the respondents most.

В. В. Хомич
Минск, МГЛУ

АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВЫЕ ПОЛЯ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

В статье на примере рассказа Н. Caswell «The Babies' Blankets» рассматривается роль ключевых слов и их ассоциативно-смысловых полей в структуре текста. Эти слова, выступая в качестве слов-стимулов, вызывают ряд определенных ассоциаций, нашедших отражение в смысловой структуре текста. В виде схемы представлено ассоциативное поле одного из выделенных ключевых слов. Текстовое ассоциативно-смысловое поле представлено в виде ассоциативно-вербальной сети, которая отражает взаимодействие определенных слов в тексте, поскольку составляющими ассоциативно-смысловых полей являются ассоциации и их смыслы. Отмечается также, что, находясь внутри ассоциативно-смыслового поля, вызванные ассоциации могут являться стимулами для дальнейшего ассоциирования. В процессе прочтения текста и восприятия предлагаемой информации в сознании читателя формируются определенные образы, на основании которых читатель и понимает содержание текста. Эти образы связаны непосредственно с ассоциациями, возникающими в сознании на те или иные слова.

Структура текста, его элементы, сюжет, композиция, личность автора, идеи и образы, несомненно, влияют на восприятие текста читателем и в целом на его ассоциативную деятельность. Каждый читатель воспринимает текст по-своему. В тексте всегда есть как ключевые слова и понятия, воспринимаемые читателем на основании своего личного опыта, воображения, своих эмоций и переживаний, так и то, что является однозначным и очевидным для большинства читателей.

Как известно, не все слова в тексте равнозначны. Есть такие слова, которые как будто представляют текст в сжатом виде, но это представление достаточно точно отражает содержание исходного текста. Такие слова принято называть ключевыми или опорными словами. Они являются чрезвычайно важными как для создания, так и для понимания текста.

В своей статье И. Л. Савранский называет эти опорные слова текста словами-раздражителями, или словами-обобщениями. «Слово-раздражитель, слово-обобщение всегда создает своеобразное "ассоциативное поле", сущность которого состоит в том, что все слова в структуре художественного текста ассоциативно соотнесены друг с другом и в то же время иерархически "восходят" к одному слову-стержню, являющемуся по отношению к ним центром притяжения, главным возбудителем ассоциативно-образной цепи» [1, с. 205].

Ключевые слова хоть и выделяются интуитивно, но они должны быть семантически связаны с другими словами в тексте.

В 40-е гг. XX в. в своих работах, которые были посвящены психологическим вопросам памяти и проблемам понимания речевого высказывания, А. А. Смирнова и А. Н. Соколова впервые попытались теоретически осмыслить и предложить решения проблемы выбора ключевых слов. В своих работах ключевые слова текста они называли *опорными*, или *обобщающими*.

По мнению исследователей, ключевыми словами являются те, которые могут представить основное содержание текста. К каждому развернутому тексту можно составить целый набор ключевых слов. Их количество произвольно и может варьироваться в широких пределах. По мнению Л. В. Сахарного и А. С. Штерн, «самым оптимальным является небольшой набор ключевых слов и словосочетаний (7–10 слов)» [2, с. 34].

Как известно, вокруг выделяемых ключевых слов образуются ассоциативно-смысловые поля.

Текстовое ассоциативно-смысловое поле – это ассоциативно-вербальная сеть, которая отражает взаимодействие определенных слов в тексте. Составляющими ассоциативно-смысловых полей являются ассоциации и их смыслы.

Рассмотрим, какие ассоциативно-смысловые поля могут образовываться вокруг ключевых слов на примере текста рассказа-фантазмагии Harriet Caswell «The Babies' Blankets». В нем описывается зима. Перед читателем предстает картина суровой поры года. На основе текстовых ассоциативных структур в сознании формируется определенный образ зимы.

Ключевые слова данного рассказа связаны с его настроением, с основной идеей, которую хочет передать автор. Начало рассказа очень напряженное. Автор настолько реально описывает холод и мороз, что действительно становится «холодно», и читатель видит реальную картину суровой, морозной зимы: *cold, frost, winter, snow, snowflakes, freeze, shiver, etc.* Далее рассказ становится мягче, добрее, теплее. В конце рассказа становится совсем «тепло», настроение меняется, негативные эмоции, возникающие в начале рассказа, сменились положительными: *warm, sun, blanket, hug, sunbeam, safe, quite, glad, golden, etc.*

Ключевыми словами рассматриваемого художественного текста являются следующие слова: *winter, frost, cold, sun, warm, cloud*. Эти слова, выступая в роли слов-стимулов, вызывают ряд определенных ассоциаций, которые нашли отражение в эмоциональной и смысловой структуре текста.

Общеизвестным фактом является то, что ключевые слова в совокупности с другими ключевыми понятиями способны представить весь текст.

Ассоциативное поле текста включает реакции не только на текст в целом, но и на отдельные лексические единицы, выделенные в нем, иначе говоря, ассоциативные поля слов в той или иной степени входят в ассоциативные поля текста.

На примере первого выделяемого в тексте ключевого слова *winter* рассмотрим одно из ассоциативно-смысловых полей текста. Ассоциативное поле, образованное вокруг этого стимула в тексте, может быть представлено следующей схемой:

Поскольку рассказ «The Babies' Blankets» – это рассказ-фантазмагория, вымышленный рассказ, созданный воображением автора, то процесс лексического ассоциирования здесь чрезвычайно важен. Находясь внутри ассоциативного поля, создаваемого вокруг слова-стимула *winter*, ассоциации (*frost, cold, freeze, snowflake, season, autumn, warm, sun* и т.д.) не только связаны между собой по смыслу,

но и также способны становиться стимулами для дальнейшего ассоциирования. Понятие *winter* ассоциируется со словами *frost*, *cold*; эти слова в свою очередь вызывают такую ассоциацию, как *shiver*, которая ассоциируется с *cover*, а *cover* в свою очередь с *blanket*. Эта установка четко просматривается во всем рассматриваемом нами тексте. Например, ключевое слово *cold* вызвало первую ассоциацию *blanket*, которая в свою очередь вызвала ассоциации *warm* и *cover*. Или же слово *cloud* сначала провоцирует в сознании ассоциацию *dark*, которая вызывает следующую реакцию *night*, а слово *night* проассоциировалось со словом *morning*.

Так, находясь внутри ассоциативно-смыслового поля, вызванные ассоциации могут также являться стимулами для дальнейшего ассоциирования, что, безусловно, помогает автору создать текст, описывая воображаемые предметы и явления. Читатель же при помощи возникающих в его сознании собственных ассоциаций может понять картину восприятия мира автором и увидеть в тексте не только то, что в нем описывается, но и то, что подразумевается, что наводит на определенные размышления и заставляет задуматься после прочтения.

Когда читаем рассказ, мы ведь не обращаем внимания на каждое отдельное слово в тексте. В процессе чтения текста и восприятия предлагаемой информации в сознании читателя формируются определенные образы, на основании которых он и понимает содержание текста. Эти образы непосредственно связаны с ассоциациями, возникающими в сознании читателя на те или иные слова, понятия и т.д.

Слова-стимулы зрительно привлекают внимание и вызывают ассоциативный ряд, который выстраивается в сознании у реципиента. Все это происходит неосознанно, мы просто читаем текст, не заостряя внимание на конкретных словах, они сами проникают в наше сознание и, провоцируя в нем определенные ассоциации, позволяют нам понять текст в целом, уразуметь его смысл и основную идею, заложенную автором.

Так как ключевые слова и ассоциации к ним, образующие ассоциативные поля, вступают в разные виды отношений в тексте, взаимодействуя друг с другом, то можно сделать вывод, что они являются неотъемлемой частью лексической структуры текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савранский, И. Л. Функциональная роль ассоциативности / И. Л. Савранский. – Самара : Бахрах-М, 2001. – С. 204–209.
2. Сахарный, Л. В. Набор ключевых слов как тип текста / Л. В. Сахарный, А. С. Штерн // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. – Пермь : Пермск. политех. ун-т, 1988. – С. 34–51.

In the article the role of key words in text associative structure is discussed. The semantic structure of text associative fields is described.

Е. Й. Юрьев
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ ПРОСПЕКТИВНОГО МЕТАТЕКСТА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЯХ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Проведен анализ проспективных блоков в нормативных правовых актах Федеративной Республики Германия, Королевства Нидерландов, Республики Беларусь и Российской Федерации. Показаны различные подходы к понятию метатекста, раскрывается понятие метатекстового обрамления. Выявляется роль метатекста в достижении точности, не допускающей инотолкований, выступающей в качестве одной из доминантных черт письменной деловой речи. Описываются стилистические особенности деловых текстов. На примере 200 документов выявляются сходства и различия в структуре и содержании проспективных метатекстовых компонентов правительственных постановлений на немецком, нидерландском и русском языках. На основании приведенных примеров раскрываются наиболее употребительные языковые средства реализации вводных метатекстовых блоков в проанализированных документах, выявляются наиболее распространенные дискурсивные маркеры.

Существует множество средств, с помощью которых достигается максимально полное понимание реципиентом авторской интенции, среди которых особое место занимают метатекстовые средства, задача которых – «эксплицировать замысел, конструировать содержательную и формальную архитектуру речевого произведения или его части» [1, с. 564]. Учитывая множественность трактовок понятия метатекста, наиболее обобщенно можно определить метатекст как феномен «рефлексии говорящего по поводу собственного речевого поведения, которая может быть связана как с употреблением отдельно взятого слова, так и с содержательным планом текста, его композиционным построением, смысловой структурой» [2, с. 52].

Таким образом, метатекст «выступает в роли организатора композиции текста, способа аргументации позиции говорящего и организует особый уровень текста» [3, с. 76]. При этом под метатекстом может пониматься, с одной стороны, совокупность элементов, вплетенных в основную нить авторского повествования, и с другой – относительно автономные тексты, «в рамках которых предметом для читателя становятся, во-первых, фикциональная (условная) реальность персонажей, во-вторых, процесс ее создания» [4, с. 248].

Метатекст наиболее широко представлен в текстах, предполагающих выражение авторской индивидуальности, например, в произведениях художественной литературы. В деловом тексте, «основополагающими свойствами которого являются особая традиционность, стандартизованность и аксиологическая нейтральность» [5, с. 84], метатекст имеет меньшее распространение. Тем не менее, эксплицируя коммуникативное намерение автора, метатекст позволяет более эффективно реализовать стилевые черты письменной деловой речи.

Распространенным метатекстовым компонентом, встречающимся, в частности, в стандартизованных текстах, является *метатекстовое обрамление*, состоящее из проспективного и ретроспективного блоков, предваряющих или, соответственно, завершающих основной текст документа. Проспективная часть метатекстового обрамления, или, иначе, *вводящий метатекст* [6, с. 55], вынесен за рамки основного документа и представлен конструктивным блоком с описанием технических особенностей его составления и вступления в силу.

Для проведения исследования было отобрано по 50 правительственных постановлений Республики Беларусь, Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Королевства Нидерландов. Следует отметить, что проанализированные документы не привязаны к одной предметной области, а охватывают полный спектр общественной жизни. Объектом анализа выступили проспективные метатекстовые блоки данных документов, предваряющие основное содержание правительственного постановления. Такие компоненты структуры текста встретились во всех исследованных постановлениях без исключения.

В белорусских постановлениях в роли дискурсивного маркера выступает фраза: *Совет Министров Республики Беларусь ПОСТАНОВЛЯЕТ*. В некоторых случаях данная фраза может быть дополнена за счет иной информации, например:

В соответствии со статьей 8 Соглашения о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран от 9 июня 2009 года Совет Министров Республики Беларусь ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Следует отметить, что последнее слово в данном метатекстовом компоненте пишется заглавными буквами. Среди применяемых языковых средств необходимо выделить в первую очередь типичные для официально-делового стиля отыменные предлоги (*в соответствии, в отношении*), отглагольные существительные (*введение, применение*), устойчивые сочетания (*единая таможенная территория*). С точки зрения содержательного наполнения проспективный метатекст представляет собой, главным образом, интертекстовые ссылки на различные законодательные акты.

Проспективные метатекстовые блоки в правительственных постановлениях Российской Федерации обнаруживают ряд сходств с белорусскими документами. Так, в роли дискурсивного маркера выступает фраза: *Правительство Российской Федерации постановляет*. Иногда вводящий метатекст также может быть расширен за счет указания дополнительных сведений. В качестве примера можно привести следующий фрагмент:

В целях обеспечения координации деятельности организаций, участвующих в выполнении мероприятий по подаче заявки от Российской Федерации на проведение мирового чемпионата по профессиональному мастерству «WorldSkills Competition» в 2019 году в Российской Федерации, и взаимодействия с указанными организациями Правительство Российской Федерации постановляет.

Как видно из примера, содержательная сторона проспективного блока в российских постановлениях может содержать не только упоминание других документов, но также раскрывать цели и задачи, для выполнения которых был принят нормативный акт. В остальном для стиля характерны нейтральный тон, отсутствие экспрессивности, активное использование отглагольных существительных (*обеспечение, выполнение, проведение*), преобладание существительных над глаголами и нанизывание падежей (*обеспечение координации деятельности организаций*), наличие юридической лексики (*указанные организации*). Следует отметить, что, в отличие от правительственных постановлений, принятых в Республике Беларусь, в российских документах завершающий глагол проспективного блока (*постановляет*) выражается графически с помощью строчных, а не прописных букв.

В правительственных постановлениях на немецком языке в качестве дискурсивного маркера используются схожие по значению сочетания *verordnet die Bundesregierung* 'федеральное правительство постановляет' и *verordnet das Bundesministerium* 'федеральное министерство постановляет'. При этом проспективный метатекст является более объемным и содержит в себе многочисленные упоминания иных правовых актов. В качестве примера можно привести следующий фрагмент:

Auf Grund des § 25a Absatz 6 des Kreditwesengesetzes, der durch Artikel 1 Nummer 48 des Gesetzes vom 28. August 2013 (BGBl. I S. 3395) in das Kreditwesengesetz eingefügt worden ist, verordnet das Bundesministerium der Finanzen im Benehmen mit der Deutschen Bundesbank <...>:

'На основании абзаца 6 §25а закона о кредитных учреждениях, который был включен в закон о кредитных учреждениях пунктом 48 статьи 1 закона от 28 августа 2013 г. (Федеральный вестник законов, т. I, с. 3395), федеральное министерство финансов по соглашению с Немецким федеральным банком <...> постановляет.'

В рассматриваемом блоке присутствуют типичные черты немецкой письменной деловой речи, а именно отсутствие экспрессии, «безличность стиля, формальность, точность и однозначность» [7, s. 57]. Среди применяемых языковых средств следует выделить отыменные предлоги (*auf Grund* 'на основании'), функционально окрашенную лексику (*im Benehmen mit* 'по соглашению с', *verordnen* 'постановлять'), пассивные конструкции (*eingefügt worden ist* 'был включен'), аббревиатуры (*BGBl* 'Федеральный вестник законов') и юридическую лексику (*Kreditwesengesetz* 'закон о кредитных учреждениях').

Проспективный метатекстовый блок нидерландских правительственных постановлений существенно отличается своей формой от аналогичных компонентов постановлений на русском и нидерландском языке. Так, данный блок формулируется от имени действующего монарха и оформляется от 1-го лица множественного числа. Примером проспективного метатекста в правительственных постановлениях Королевства Нидерландов может послужить следующий фрагмент:

Wij Beatrix, bij de gratie Gods, Koningin der Nederlanden, Prinses van Oranje-Nassau, enz. enz. enz.

Op de voordracht van Onze Minister van Sociale Zaken en Werkgelegenheid van 4 juli 2012, nr. KO/2012/10267, gedaan in overeenstemming met Onze Minister van Onderwijs, Cultuur en Wetenschap;

Gelet op de artikelen 1.7, zesde lid en 1.87, eerste en tweede lid, van de Wet kinderopvang en kwaliteitseisen peuterspeelzalen;<...>

Hebben goedgevonden en verstaan:

‘Мы Беатрикс, Божьей милостью Королева Нидерландов, Принцесса Оранье-Нассау, и прочая, и прочая, и прочая.

По предложению Нашего министра по социальным вопросам и занятости от 4 июля 2012 г., № КО/2012/10267, составленному по соглашению с Нашим министром образования, культуры и науки;

Принимая во внимание положения абзаца шестого статьи 1.7 и абзацев первого и второго статьи 1.87 Закона о защите детства и о качестве дошкольных учреждений; <...>

Одобрили и приняли.’

Можно предположить, что подобная формулировка проспективного метатекста в нидерландских правительственных постановлениях объясняется экстралингвистическими факторами (например, особенностями государственного устройства), а также традицией. Анализ вышеприведенного примера показывает, что для стиля нидерландских правительственных постановлений нехарактерна безличность повествования – напротив, проспективный метатекстовый блок формулируется от имени действующего монарха и с упоминанием конкретных министров, по предложению которых принимается документ. Употребляемые языковые средства обнаруживают сходства с языком документов на иных языках, о чем свидетельствуют, например, функционально окрашенная лексика (*in overeenstemming met* ‘по соглашению с’, *op de voordracht* ‘по предложению’) и причастные обороты (*gelet op* ‘принимая во внимание’). Среди отличий следует выделить активное употребление архаизмов (*bij de gratie Gods* ‘Божьей милостью’, *enz. enz. enz.* ‘и прочая, и прочая, и прочая’), большой объем проспективного метатекста, а также его оформление в виде одного предложения, разбитого на несколько абзацев. Содержательная сторона данного структурного компонента включает в себя упоминание не только существующих законодательных актов, но и законодательных предложений, поступивших монарху от министров.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Проспективные метатекстовые блоки присутствуют во всех правительственных постановлениях на немецком, нидерландском и русском языках и сообщают информацию об обстоятельствах возникновения документа. Для всех проанализированных компонентов текста характерно наличие основных черт официально-делового стиля, а именно употребление функционально окрашенной и юридической лексики, применение устойчивых оборотов, использование отглагольных существительных и отыменных предлогов и т.п. При

этом проспективный метатекст в нидерландских постановлениях формулируется от 1-го, а не от 3-го лица и не обладает безличностью повествования. Различия обнаруживаются также в содержательной стороне вводных блоков. Так, в белорусских и немецких документах проспективный метатекст содержит, главным образом, отсылки к существующим нормативным актам. В российских документах упоминаются также цель и задачи постановления, а в текстах на нидерландском языке указываются поданные министрами законодательные предложения, на основании которых принимается постановление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаймиев, В. А.* Так метатекст или метадискурс? / В. А. Шаймиев // Вестн. Башкирск. ун-та. – 2012. – Т. 17. – № 1 (I). – С. 563–565.
2. *Лукина, Н. В.* Метаобразования как средства диалогизации художественного текста (на материале произведений Т. Толстой) / Н. В. Лукина // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 3 (31). – С. 51–54.
3. *Гилева, А. А.* Метатекст как отражение рефлексии автора в мемуарной прозе / А. А. Гилева // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (293). – С. 76–80.
4. *Байкова, С. А.* Метатекст / С. А. Байкова // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №3. – С. 248–250.
5. *Тубалова, И. В.* Официально-деловой дискурс как прототекстовая среда бытового диалектного текста / И. В. Тубалова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2010. – №1 (9). – С. 80–90.
6. *Гурочкина, А. Г.* Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) / А. Г. Гурочкина // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. – М. ; Тамбов : Издат. дом Тамбовск. гос. ун-та, 2009. – Вып. 5 : Исследование познавательных процессов в языке. – С. 52–57.
7. *Fleischer, W.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig, 1975. – 394 s.

The article highlights the prospective metatext blocks in German-, Dutch- and Russian-language executive orders. The research is focused on the analysis of both semantic and formal sides of the prospective metatext in the executive orders of Germany, the Netherlands, Russia and Belarus. The cultural identity is revealed, similarities and differences of the metatext constructions in official texts are exposed, language features are described, the most common discursive markers are identified.

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

Ю. В. Бекреева

Брест, БрГУ

МОДЕЛИ СЕМНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ДИНАМИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ

Исследование посвящено проблеме включения субъекта в структуру значения английского динамического глагола. Предметом анализа являются семантические признаки, отражающие информацию об исполнителе обозначенного действия. Автор раскрывает два способа импликации субъекта в структуре глагольного значения: указание на субъект-прототип и указание на характерные свойства субъекта. Вероятностная модель семантического компонента 'субъект' выстраивается на основе компонентного анализа системного глагольного значения и контекстуальных значений имен, определяющих субъект при глаголе-предикате в актуальной речи. Степень вероятности семантических признаков в составе компонента 'субъект' (сильный и слабый импликационал) определяет частота их актуализации в субъектно-предикатных синтагмах.

Принятое в рамках когнитивного подхода положение о взаимообусловленности процессов номинации с процессами восприятия и переработки информации позволяет подойти к анализу содержательной стороны глагольного слова в новом ракурсе. На первый план выходят вопросы: «к наречению каких сущностей он [глагол] приспособлен, какие структуры знания стоят за ним, какая информация вербализуется при подведении ее под тело такого знака, как глагол» [1, с. 84]. В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на проблеме включения информации о субъекте в структуру значения динамического глагола.

Динамические глаголы, в противовес статическим, составляют центральный пласт глагольного лексикона. Помимо категориального признака «изменение» значение динамических глаголов конкретной семантики включает непроцессуальные компоненты, в частности, компонент, отражающий неизменного участника ситуации – инициатора, исполнителя или источник преобразующей силы. Сравним семантическую структуру широкозначного динамического глагола *move* 'двигаться, передвигаться' и глагола конкретной семантики *toddle* 'шагать, ковылять (как ребенок)'. Структура значения глагола *move* включает компоненты 'изменение', 'пространственный ориентир (начальная и конечная точка)', 'движущая сила'. В значении глагола *toddle*, помимо компонентов *move*, содержится субъектный компонент 'ребенок', указывающий на наиболее вероятного исполнителя обозначенного движения. Субъектный компонент связан с процессуальным компонентом как причина и следствие: характер исполнителя действия (*маленький, несамостоятельный, слабый, с плохой координацией*) влияет на характер

обозначенного действия (*двигаться неуверенно, неуклюже, шатаясь*). Компонент 'субъект' в структуре системного значения регламентирует синтагматические особенности английского динамического глагола, поскольку в предложении глагол вступает в субъектно-предикатные отношения с именными номинациями, обозначающими исполнителя или каузатора действия. Например, *A baby toddles* 'Ребенок топаёт'. *Little Johnny toddled to his mother* 'Малыш Джонни пошagal к своей маме'. Семантические признаки глагольного значения *toddle*, выделенные в составе компонента 'субъект', выполняют связующую функцию в субъектно-предикатной синтагме. Таким образом, в основе выделения семантического компонента 'субъект' в глагольном значении лежит системно-функциональный принцип. Сущность системного принципа заключается в том, что в семантической структуре глагола устанавливаются дифференциальные признаки, определяющие субъект в обозначаемой динамической ситуации действия. Функциональный принцип состоит в том, что в сочетаниях глагола с именами в роли субъекта выделяются актуализированные субъектные признаки, которые обеспечивают синтагматическую (предикативную) связь в предложении-высказывании.

Конкретизация субъекта в значении английского динамического глагола осуществляется двумя способами: на основе представления о типичном исполнителе или инициаторе действия (прототипный способ) и по характеризующему признаку (атрибутивный способ). Например, в значении глагола *abdicate* 'отречься, слагать (полномочия)' содержится сема, отражающая прототипический субъект: типичным исполнителем обозначенного действия выступает король, монарх или глава государства. С одной стороны, семы прототипического субъекта отражают целостный образ вероятного исполнителя действия; с другой – данные семы представляют собой совокупность релевантных признаков субъекта, отражающих категориальную принадлежность, физические и психические признаки исполнителя действия. Особенностью содержания компонента 'субъект' при прототипном способе репрезентации является неконечный набор семантических признаков, выделяемых аналитически в составе семы прототипического субъекта. Релевантные семантические признаки устанавливаются при анализе синтагматической связи в субъектно-предикатных конструкциях. Так, анализ 120 субъектно-предикатных синтагм с глаголом *abdicate* позволил выделить следующие релевантные субъектные семантические признаки: 'лицо или группа лиц', 'вышестоящий', 'обладающий властью', 'ответственный'. Данные признаки с регулярной частотностью были актуализированы в субъектно-предикатных синтагмах с различными наименованиями исполнителя действия (например, *king Edward, emperor, the Liberal Party, Henry V, chief editor, our manager*).

Атрибутивный способ представления субъекта основан на метонимических связях: в значении глагола присутствуют признаки, указывающие на

отдельные функционально значимые свойства или атрибуты субъекта. Например, в значении глагола *snarl* 'рычать, огрызаться' выделяется семантический признак «агрессивный», который отражает особенность характера исполнителя действия, и признак категориальной принадлежности «животное». Синтагматическое поле левостороннего актанта у глаголов-предикатов с атрибутивным способом конкретизации субъекта характеризуется большей вариативностью. В субъектно-предикатной синтагме признак категориальной принадлежности, включенный в структуру субъектного компонента, замещается при несовпадении с категорией имени субъекта. Например, в корпусе субъектно-предикатных синтагм с глаголом *snarl* имена субъекта категории «животное» составляют лишь 10 %. Наиболее частотными являются сочетания с субъектами действия категории «человек». Связующую функцию в субъектно-предикатных синтагмах выполняют семантические признаки, отражающие психофизические особенности субъекта (*злой, агрессивный, грубый, несдержанный*).

Различная частотность актуализации субъектных семантических признаков в субъектно-предикатных синтагмах подтверждает их вероятностный характер. По вероятностной модели значения М. В. Никитина [2] компонент 'субъект' относится к импликациональной части глагольного значения. Структура семантического компонента 'субъект' ранжируется от центра к периферии по степени вероятности импликации семантических признаков. Синтагматический характер субъектных семантических признаков дает основания для определения степени их вероятности на основе частоты актуализации в речевых структурах (субъектно-предикатных синтагмах). Такой подход позволяет построить вероятностную модель субъектного компонента для конкретных динамических глаголов и с ее помощью прогнозировать значение субъектного актанта при глаголе-предикате.

Предлагаемая модель субъектного компонента выстраивается с учетом системной и функциональной вариативности. Маркер «если нет, то» указывает на возможные лексико-семантические варианты системного значения и регулярные варианты компонента 'субъект', выявленные на уровне функционирования глагола. Маркер «скорее всего» определяет семантические признаки сильного импликационала, частота актуализации которых в обработанной выборке субъектно-предикатных синтагм составила выше 50 %. Маркер «возможно» отмечает слабоимпликациональные субъектные признаки, частота актуализации которых была достаточно регулярной (выше 10 %), но не превышала 50 % от выборки субъектно-предикатных синтагм. Текстовая выборка исследования составила более 40 тыс. примеров из Британского национального корпуса [3] с выделенными субъектно-предикатными синтагмами для 320 динамических глаголов конкретной семантики. Приведем примеры вероятностных моделей компонента 'субъект' (S) некоторых глаголов.

Bluster	‘бушевать, реветь; шуметь, грозиться’;	S – скорее всего <i>ветер</i> [прототип]; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>вспыльчивый, порывистый, резкий человек.</i>
Flatter	‘хвалить, льстить; тешить себя, приукрашивать’;	S – возможно, <i>неискренний, легкомысленный, кокетливый</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>привлекательный</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>обманчивый, фальшивый</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>самоуверенный, тщеславный, глупый.</i>
Limp	‘хромать, медленно двигаться’;	S – скорее всего <i>нездоровый человек, с поврежденной ногой</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>имеющий недостаток, поврежденный</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>ненадежный, плохой.</i>
Rave	‘бредить; неистовствовать; реветь, выть; беситься’;	S – возможно <i>возбужденный, безумный, восторженный человек</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>яростный, неистовый, сильный</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, скорее всего, <i>неуправляемый.</i>
Slither	‘ползти; скользить’;	S – возможно, <i>змея</i> [прототип]; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>длинный, гибкий</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>противный, неприятный</i> ; ЕСЛИ НЕТ, ТО, возможно, <i>скользкий.</i>

Вероятностные модели субъектного компонента, построенные на основе системно-функционального принципа, позволяют определить линии развития глагольного значения с учетом его коммуникативной значимости. Являясь структурным центром английского предложения (высказывания), динамический глагол с конкретизированным компонентом ‘субъект’ определяет контекстуальное значение правостороннего актанта. Вместе с тем импликационный характер субъектных семантических признаков обуславливает отсутствие строгих ограничений на сочетаемость глагола с наименованиями субъекта различных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия : сб. ст. / ред.-сост. Н. Д. Арутюнова – М., 1992. – С. 84–90.

2. *Никитин, М. В.* Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
3. British National Corpus [Electronic resource] / Brigham Young University. – 2012. – Mode of access : [http:// corpus.byu.bnc.edu](http://corpus.byu.bnc.edu). – Date of access : 12.04.2016.

The article focuses on the features of a subject or a doer of the action in the semantic structure of English dynamic verbs. The subject is represented either as a prototype image or as a set of characteristic attributes in the verb meaning. Concrete semantic features are revealed by means of component analysis of meaning of dynamic verbs. A stochastic model of the subject component is reconstructed according to the degree of actualization of subject semantic features in subject-predicate constructions.

Д. Д. Богатова
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ПОЛИТИКА» И ЕЕ ТРАНСКОДИРОВАНИЕ

Автор затронул проблему формирования терминосистемы предметной области «Политика» в современном английском языке. Материалом исследования служат политические термины, отобранные из статей британских и американских СМИ. Наиболее представленной выступает тематическая группа «Наименования субъектов политики». Автор проводит анализ словообразования лексических единиц, слов и словосочетаний, принадлежащих данной лексико-семантической группировке и приходит к выводу о том, что основными способами образования новых политических терминов выступают: синтаксический, морфолого-синтаксический и семантический. Поднимается также проблема поиска эквивалента к рассматриваемой лексике. При переводе данных терминов необходимо учитывать как лингвистические, так и социокультурные аспекты, которые зачастую известны далеко не каждому носителю языка. Этим объясняется необходимость объяснения терминов, обозначающих реалии, которые не имеют аналогов в других странах, и, соответственно, эквивалентов в языке перевода.

Процесс образования терминов на современном этапе принял глобальный размах, так как происходит постоянный международный обмен терминами.

Это особенно проявляется в тех научных сферах, которые так или иначе связаны с социумом и жизнью общества, например, в области политической терминологии. Подсистема таких терминов, возникшая за последние четыре десятилетия, характеризуется некоторыми отличиями от базовой терминосистемы [1]:

- 1) наличие ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраски;
- 2) идиоматический характер, присутствующий у определенной части таких выражений;
- 3) наличие у некоторых терминов многозначности в пределах одного терминополья;
- 4) возможность образования синонимических рядов (большинство представленных синонимов являются полными или абсолютными);

5) представленность изучаемых понятий в основном в публицистической, а не в научной литературе.

Тем не менее, речь об этих понятиях будет вестись именно как о терминах на основе следующих присущих им признаков: наличие словообразовательной и лексической системности, связь с научным понятием и частотность употребления за определенный период времени в различных изданиях [1].

С целью отбора терминов было проанализировано 47 британских и американских статей из независимых изданий, выпущенных в период с 1984 г. по 2016 год. На основе данных статей были отобраны 104 лексические единицы, представленные словом или словосочетанием, которые затем были классифицированы на несколько групп на основе своих семантических свойств. Это: «Наименования субъектов политики», которая стала самой объемной из представленных лексических группировок (37 терминов); «Характеристики деятельности субъектов политики» (18 терминов) и «Черты политических процессов» (27 терминов). Остальные отобранные термины не вошли ни в одну из названных выше групп.

Следует также отметить, что все эти термины отнесены нами к периферии терминосистемы на основании следующих выводов:

- существует ничтожно малое количество подобных терминов, для которых были подобраны подходящие эквиваленты или переводы в русском языке;
- термины зачастую носят настолько узкий характер, что обозначаемый ими субъект политики является практически единственным в своем роде.

Что же касается способов их образования, то и здесь тенденция к некоторым отличиям находит свое продолжение. Так, в отличие от классификации способов образования терминов, разработанной С. В. Гринев-Гриневичем (4 способа образования) [2], образование выбранных терминов представлено только тремя видами – синтаксическим, морфолого-синтаксическим и семантическим, то есть, без самостоятельного использования морфологического способа.

На основе анализа способов образования отобранных терминов было выявлено, что самым продуктивным способом является синтаксический (возникновение целостного словосочетания путем слияния двух и более слов, связанных подчинительной связью). Он может быть представлен вариантами:

- существительное + существительное, например, *honeymoon period*, *donkey vote*, *election fever*;
- прилагательное + существительное: *political football*, *red tape* или *safe seat*;
- числительное + существительное: *fifth columnist*;
- выражения, содержащие более двух слов в своем составе: *palm tree justice*, *political hot potato* или *committing political suicide*.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях синтаксический способ словообразования сочетается с семантическим. Это происходит в том случае,

если словосочетание было заимствовано из общелитературного языка с частичным сохранением своего значения. Особенно это касается фразеологизмов типа *poison the well*, *toe the party line*, *bell the cat* или *press the flash*.

Вторым по количеству образований можно считать морфолого-синтаксический способ, представленный словосложением с присоединением новых морфем: *two-party-preferred*, *flip-flop*, *logrolling* и *doublespeak*, причем последний термин является заимствованием и последующим слиянием двух авторских неологизмов из художественной литературы, а именно из произведения «1984» Дж. Оруэлла.

Исключительно семантическим способом (путем метафоризации) было образовано наименьшее количество терминов. Примерами являются понятия *spin* [3], *watermelon* или *wonk* [4].

Особенностью перевода всех этих терминов на русский язык можно считать отсутствие у большинства из них зафиксированных в существующих словарях эквивалентов. На наш взгляд, объяснением данному факту может выступать следующее.

Во-первых, любой термин в тексте несет в себе основное содержание и специальную информацию, поэтому в первую очередь поднимается вопрос нахождения максимальной эквивалентности для каждого типа информации.

Например, термин *backbencher* [4] является характеристикой исключительно британского парламента, имеющего особую структуру построения. Поэтому перевод путем калькирования – *заднескамеечник* – лишает данный термин своей специфики и не несет определенной смысловой нагрузки для человека, не знакомого с понятием. В данном случае переводчику следует обратиться к уточняющему комментарию (которым может стать сноска в тексте), либо, если это невозможно, заменить перевод словосочетанием *рядовой член парламента*.

Во-вторых, необходимым условием является глубокое изучение и понимание лингвокультуры и социокультуры языка оригинала. Это может стать камнем преткновения в двух случаях: если термин частично меняет свое значение в зависимости от политической системы страны и если он представляет собой лакуну в языке оригинала и не имеет даже приблизительных аналогов в языке перевода.

К первому случаю можно отнести термин *crossingthefloor*, перевод которого возможен в двух вариантах. Первый – голосование члена партии против принятых этой партией стратегий поведения – распространен в Канаде и Великобритании, тогда как второй – смена одной партии на другую после получения места в первой – будет встречаться исключительно в США, Австралии и Новой Зеландии. При этом в данных странах у понятия сохранится и первое его значение, иными словами, полное его понимание будет возможно только исходя из контекста.

Примером лакуны служит американский термин *Friday news dump*, поскольку его перевод будет несомненно требовать отдельного пояснения или комментария для читателя, не сталкивавшегося с подобной процедурой

подачи новостей, когда мелкие негативные статьи появляются в газетах в пятницу во второй половине дня, чтобы партии или политики, упомянутые в них, могли избежать пристального внимания. В таком случае термин может быть переведен только с помощью конкретизации: *публикация заведомо негативных новостных статей в вечерних пятничных выпусках газет*.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие варианты перевода рассматриваемых терминов предметной области «Политика»:

1. Причастие/прилагательное + существительное.
2. Фразеологизм или устойчивое словосочетание.
3. Числительное + существительное.
4. Словосочетания из двух и более слов, соединенных подчинительной (используется практически всегда) или сочинительной (используется значительно реже) связью.
5. Сложноподчиненные конструкции (словарные определения или комментарий для уточнения деталей).

Первые три способа подходят в основном для тех понятий, которые относятся к американо-британским политическим системам, но обладают либо аналогами в русскоязычных странах, либо словарными определениями в языке перевода.

Последние два способа наиболее часто используются для перевода терминов, обозначающих реалии, которые не имеют аналогов в других странах. Такие слова и словосочетания не имеют эквивалентов в языке перевода и, соответственно, нуждаются в объяснении.

В качестве заключения следует добавить, что перевод подобных терминов всегда сопряжен с рядом трудностей и неудобств для переводчика, поскольку для наиболее точного перевода требуется учитывать и лингвистические, и социокультурные нюансы, которые зачастую известны далеко не каждому носителю языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хасанова, З. С.* Подъязык и терминосистема: корреляция и специфика терминологических единиц / З. С. Хасанова // Молодой ученый. – 2013. – №2. – С. 224–232.
2. *Гринев-Гриневиц, С. В.* Терминоведение // С. В. Гринев-Гриневиц. – М. ; 2008. – 304 с.
3. *McLean, I.* The Concise Oxford Dictionary of Politics / I. McLean, A. McMillan // Oxford University Press, 2009.
4. *Collin, P. H.* Dictionary of Politics and Government // P. H. Collin. – Bloomsbury Publishing PLC, 2004.
5. *Лейчик, В. М.* Терминоведение: Предмет. Методы. Структура / В. М. Лейчик. – М. : КомКнига, 2006. – 256 с.

The article describes the problems of formation and translation of the terms belonging to the terminological system describing political subjects. The paper draws attention to the derivational analysis of these terms. It also introduces typical ways of translating them from English into Russian.

Н. А. Волковинская
Минск, МГЛУ

ВЫДЕЛЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «BAKERY ITEMS» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ МЕСТО В ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Представлен анализ этапов определения состава тематической группы «Bakery items» в английском языке. Выбор языкового материала объясняется современным повышенным интересом к сфере питания, а также той особой ролью, которую хлеб, будучи первоосновой физического существования, играет в большинстве кухонь и культур мира. Исследуемая лексика, обладающая большой коммуникативной ценностью, а также высокой культурной значимостью, рассматривается как составная часть определенной области гастрономического дискурса. Приводится перечень основных терминов данного типа потребностной коммуникации, используемых для номинации продуктов питания и блюд, а также наименования типов дискурса, покрываемых область приема и приготовления пищи.

Интерес к алиментарной лексике в современной лингвистике возрастает, что вызвано той огромной ролью, которая сфера питания играет в жизни современных людей. Пища и питье, будучи первоосновой физического существования, всегда занимали базисное место в пирамиде человеческих потребностей. Однако в современном мире приготовление и прием пищи уже выходит за рамки удовлетворения физиологических потребностей и становится «феноменом культуры» [1, с. 4]. Изобилие кулинарных блогов и сайтов в Интернете, огромное количество специальных журналов, поваренных книг на прилавках книжных отделов и магазинов, увеличивающееся число кулинарных ток-шоу по телевидению, популярность кулинарных мастер-классов и открытие школ искусства приготовления пищи, развитие кули-нарного туризма – вот далеко не полный список реалий современности, подтверждающий роль питания в нашей жизни.

Однако, как отмечает М. В. Капкан, «степень практического интереса не совпадает с теоретической разработанностью этого проблемного поля» [Там же]. Даже беглый взгляд на работы в этой сфере показывает разноречивость в основных обозначениях и подходах, смешение и подмену понятий. Значительным разнообразием отличаются названия продуктов питания и блюд. Так, термин *кулинароним* используют для наименования блюд и мучных изделий (Г. А. Ащенкова, Е. М. Кирсанова, А. И. Леонова), более широкий термин *трофоним* – для наименования блюд и продуктов питания, еще более объемное понятие *глуттоним* охватывает наименования продуктов питания, блюд и напитков. *Прагмонимом*, или *прагматонимом*, вслед за З. П. Комоловой стали называть фирменные изделия, а *глуттонический прагматоним* (Л. Р. Ермакова) помимо названия блюд, продуктов, напитков, покрывает еще и названия мест питания и торговых марок. Применительно к выбранной нами лексике, обозначающей хлебобулочные и мучные кондитерские изделия, мы можем одинаково правомерно использовать термины *кулинароним*, *трофоним* и *глуттоним*.

Терминологическую неопределенность обнаруживают наименования типов дискурса, покрываемых область приема и приготовления пищи. Так, используют следующие: *гастрономический дискурс* (П. П. Буркова, Н. П. Головницкая), *кулинарно-гастрономический дискурс* (О. Г. Савельева), *глуттонический (гастрономический) дискурс* (А. В. Олянич), *кулинарный дискурс* (П. П. Банман). В зарубежных исследованиях фигурируют термины *гастрономический дискурс (gastronomic discourse)*, *кулинарный дискурс (culinary discourse)*, а также *ресторанный дискурс (restaurant discourse)*. С целью разграничения данных названий Н. Н. Кацунова проанализировала характеристики ключевых слов *гастрономия*, *кулинария*, *глуттония*, послуживших основой наименования соответствующих видов дискурса. Автор пришла к выводу, что их «понятийные признаки» ограничивают «сферу терминологического употребления названий того или иного дискурса», определить же один «всеобъемлющий вид дискурса» из-за разности характера протеканий, участников и т.д. возможным не представляется [2, с. 192].

Введший в научный обиход термин *глуттония* А. В. Олянич считает его более вместительным, «характеризующим весь пищевой процесс в целом» [3, с. 168]. В рамках данной работы мы отдаем предпочтение термину *gastronomic discourse*. Исследуемые нами единицы принадлежат английскому языку, в котором лексема *gluttony* обозначает чрезмерное употребление пищи и даже чревоугодие, а *culinary* все же больше относится к процессу приготовления, а не употребления пищи. Также данный оборот коррелирует с термином *гастрономическая картина мира* как совокупности «гастрономических пристрастий и глуттонических приоритетов, отражающейся в специфике национальной номинации продуктов питания».

Таким образом, на наш выбор лексики наименования пищи в качестве предмета исследования повлияли ее высокая коммуникативная релевантность и культурная ценность, а также частота использования, близость и понятность каждому носителю языка. Независимо от пола, статуса, национальности те или иные лексемы из данной группы использует большинство людей ежедневно. Среди многочисленных продуктов питания хлеб испокон веков занимал и занимает совершенно особое место в большинстве культур и кухонь мира, ассоциируется с жизнью, обладает высоким символизмом, а также является одним из самых употребляемых продуктов.

Все вышесказанное повлияло на выбор данной тематической группы в качестве исследования. Понимая под тематической группой совокупность слов одной части речи, объединенных одной темой, мы столкнулись с рядом трудностей – поиск ее адекватного названия и критерии отнесения к ней единиц. В английском языке существуют взаимозаменяемые термины *bakery items*, *bakery goods*, *bakery wares*. Мы выбрали самый нейтральный и употребляемый, на наш взгляд, термин *bakery items*. Неоднозначным оказался и формальный критерий отнесения изделий к данной группе [4, с. 6]. Так, в качестве архисемы возможно выделение компонента ‘flour’, который служит ингредиентом всех изделий данной группы. Но он является ключевым

и для ряда других блюд (*pizza, pasta*), которые в семантическое поле “Bakery items” не входят никак. В качестве иных критериев объединения слов в одну тематическую группу можно считать специфическое место приготовления/продажи изделий – *bakery* ‘хлебобулочные магазины/отделы’ или же процесс термической обработки, а именно *baking* ‘печение’ [4, с. 6]. Но некоторые известные изделия (*crumpet, pancake*) не выпекаются, а жарятся. Таким образом, одного критерия для выделения тематической группы “Bakery items” мы установить не смогли и использовали интегрированный подход. Сначала мы обратились к лексикографическим источникам [5; 6; 7]. В первых двух словарях слова сгруппированы по смыслу вокруг определенного понятия, тематической области. Проанализировав статьи *bread, pastry, bakery*, мы отобрали встретившиеся там наименования, исключив национальные изделия (*Danish, éclair, panettone* и др.) и разновидности основных изделий (*sweet roll, turnover* и др.). Из третьего словаря [7] с теми же исключениями методом сплошной выборки были отобраны все слова, в дефинициях которых присутствовал компонент ‘flour’. Таким образом, лексикографические источники дали нам лексемы *bread, roll, toast, cake, biscuit, bun, cookie, pancake, scone, oatcake*. Путем обращения к интуиции носителей английского языка посредством проведения направленного ассоциативного эксперимента мы расширили список, включив в него оказавшиеся актуальными для сознания ассоциируемых такие изделия, как *pasty, croissant, pie, teacake, tart, crumpet, muffin*. Обращение к спискам ассортимента пекарен и булочных магазинов в Великобритании подтвердило обоснованность отобранных ранее единиц, а также позволило нам откорректировать список, пополнив его наименованиями таких неотъемлемых для булочных изделий, как *baguette, bagel* и *waffle*.

В итоге мы получили 20 названий хлебобулочных и мучных кондитерских изделий в английском языке (*bread, roll, cake, pancake, biscuit, bun, scone, toast, muffin, doughnut, pie, croissant, tart, baguette, pasty, crumpet, bagel, teacake, waffle, cookie*). Лексика данной группы характеризует одну из важнейших сторон человеческого бытия – питание и покрывает частичку области гастрономического дискурса – одного «из ведущих типов потребностной коммуникации» [8, л. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Капкан, М. В. Феномен гастрономической культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / М. В. Капкан; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.
2. Кацунова, Н. Н. К вопросу о «синонимизации» дискурсов / Н. Н. Кацунова // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 19, т. 2. – С. 187 – 192.
3. Олянич, А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики / А. В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс / А. В. Олянич. – М. : Азбуковник, 2003. – 438 с.

4. *Cauvain, S.* Baked Products: Science, Technology and Practice / S. Cauvain, L. Young. – Wiley-Blackwell, 2008. – 240 p.
5. *McArthur, T.* Longman Lexicon of Contemporary English / T. McArthur. – Harlow : Pearson P T R, 1992. – 928 p.
6. Roget's 21st Century Thesaurus – Third ed. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.thesaurus.com/>. – Date of access : 12.11.2012
7. Concise Oxford English Dictionary / ed. by C. Soames, A. Stevenson. – Eleventh ed., revised. – Oxford : Oxford Univ. press, 2008. – 1681 p.
8. *Земскова, А. Ю.* Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Ю. Земскова. – Волгоград, 2009. – 303 л.

The article presents the results of defining the members of the thematic group «Bakery items» in the English language and analyses the role of this lexical sphere as part of the gastronomic discourse.

И. В. Гончарова
Минск, БГУИР

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ РАСКРЫТИЯ СЕМАНТИКИ НЕЗНАКОМОГО СЛОВА В ТЕКСТЕ

Рассмотрено влияние контекста на понимание значения неизвестных слов; описаны основные трудности, с которыми сталкиваются испытуемые при определении значения заквазированных слов.

Приведены доказательства того, что непосредственное окружение слова не всегда помогает определить значение неизвестного слова абсолютно точно. Автор предполагает, что узкий и широкий контексты воздействуют на слово по-разному и не всегда выполняют «вспомогательную» функцию, это вызывает некоторые трудности у испытуемых, так же, как и незнание лексической сочетаемости либо отсутствие дополнительных знаний у учащихся.

Исследование значения слова и его контекстной обусловленности всегда вызывало интерес у отечественных и зарубежных лингвистов. Многие из них изучали и продолжают изучать влияние различных факторов, определяющих значение слова в контексте. Непосредственное окружение слова является непременным условием реализации его конкретного значения. Слово, взятое вне контекста, как словарная единица наделено способностью выражать несколько значений, определенное представление об объекте, на основе которого возможны различные трансформации данного значения в конкретном окружении.

Однако интерес составляют не только способы раскрытия значения слова внутри контекста, но и трудности, с которыми при этом сталкивается человек.

Нами был проведен эксперимент среди студентов 4 курса МГЛУ, изучающих английский язык, с целью определения влияния контекста на восприятие незнакомых слов и их узнавание. Анализ результатов показал, что трудности, которые возникали у учащихся при попытке отгадать значение заквазированных слов, заслуживают пристального изучения.

Эксперимент проходил в два этапа. Один и тот же испытуемый получал последовательно 2 карточки с заданием, которое содержало 30 заквазированных слов (квазислова – ненастоящие, придуманные слова, которых нет в языке): 10 существительных, 10 глаголов и 10 прилагательных.

На первом этапе испытуемым предлагалось отгадать значение заквазированных слов, предъявляемых в микроконтексте (словосочетание либо предложение, напр.: *to put a corspel of corned beef and cabbage into his mouth*). На втором этапе заквазированные слова предъявлялись в макроконтексте (несколько предложений либо абзац, напр.: *One evening as he was about to put a labjel of corned beef and cabbage into his mouth his hand stopped*). Материал для эксперимента был выбран из отрывков художественной литературы [1].

Мы определили некоторые факторы, которые могли поспособствовать угадыванию испытуемыми незнакомых слов в предъявленных широких и узких контекстах:

1) сочетаемость незнакомого слова с уже известным (*he qug on his overcoat, a corspel of corned beef and cabbage*);

2) отношения между значением заквазированного слова и данными вариантами, а также отношения между разными вариантами, которые относятся к одним и тем же заквазированным словам (принадлежат ли они к одному семантическому полю, семантической группе, входят ли в синонимический ряд);

3) влияние экстралингвистической ситуации, данной в контексте, на ответы испытуемых (*For Hubert Lapell this first love-affair was extremely important. "Important" was the fuld he had used himself when he was writing about in his diary*);

4) роль некоторых слов и словосочетаний, которые расширяют или сужают значение заквазированного слова (*a prolinion of the arts of Peru and its lost philosophy*).

В ходе эксперимента в среднем на одно заквазированное слово нами было получено от 10 до 15 вариантов ответов.

В основном, практически все слова были угаданы испытуемыми или был приведен ряд слов, которые вместе с заквазированным словом относились к одному семантическому полю. Однако некоторые неизвестные слова так и остались неотгаданными.

Рассмотрим подробнее примеры.

He sat down in a chikaw of a rock (узкий контекст).

About midday he came at last out the throat of the gorge into the plain and the sunlight. He was stiff and weary; he sat down in a chikaw of a rock, filled up his flask with water from a spring and drank it down (широкий контекст).
Заквазированное слово – *shadow*.

Некоторые из вариантов, предложенные испытуемыми при определении значения данного слова, были ошибочными. Например, слово *pick*. В английском языке не существует сочетания *a pick of a rock*, употребление данного слова связано с лексической интерференцией, так как в русском языке мы легко находим такое словосочетание, как *пик горы*. Варианты как *a hill of a rock, a mountain of a rock* также являются неверными. Возможно, испытуемые, предложившие данные варианты, не были уверены в значении слова *rock*. Если брать во внимание фактор лексической сочетаемости, то слово *chain* могло бы стать одним из вариантов заквазированной слова. Но, еще раз посмотрев на саму фразу *he sat down in a chikaw of a rock*, мы умозаключаем, что слово *chain* требует после себя дополнения во множественном числе.

It is not easy to look tragic at eighteen, when you are extremely flavt.
Заквазированное слово – *pretty*.

Влияние лексического контекста на значение слова доказывается тем, что значение определяется из комбинации многозначного слова с единицами какой-либо лексической группы. Например, значения прилагательного *pretty* наиболее очевидны в его комбинациях с существительными: 1) *woman, person, child* и 2) *thing* (вещь, безделушка), *clothes*. В данных случаях прилагательное будет иметь значения ‘прелестный, хорошенький; симпатичный, красивый’ соответственно, которые часто оказываются как лексически обусловленными, что указывает на то, что они определяются лишь в лексическом контексте.

Можно утверждать, что слово *flavt* ‘*pretty*’ в вышеупомянутом предложении сочетается с местоимением *you*, которое подразумевает человека. Однако недостаточный контекст вызвал трудность у восьмерых испытуемых, в то время как остальные предложили свои варианты: *beautiful, nice, lively, young, positive, happy, funny, energetic, etc.*

Трудность вызвало и слово *gihdy* ‘*sunny*’ (*It seemed impossible that anyone should be unhappy on such a beautiful morning. The sun shining, the trees were fluttered in the gihdy gardens, all bright with spring flowers*). Вероятно, в данном случае «ситуационная» сторона контекста не могла помочь испытуемым определить данное слово. Тем не менее были предложены такие варианты, как *spring, light, shiny*, которые также можно отнести к одному тематическому полю.

Наряду с этим иногда даже максимально широкий контекст не содержит в себе никаких указаний относительно того, в каком значении употребляется в данном случае та или иная лексическая единица. В этих случаях для получения требуемой информации необходим выход за пределы языкового контекста и обращение к экстралингвистической ситуации (напр.: *He looked back at the high and unclimbable wall behind – unclimbable because of its rtoth plastering, but withal pierced with many little doors, and at the approaching line of seekers*).

Значение некоторых слов из карточки № 1 испытуемым так и не удалось угадать: *a prolinion* 'tradition' (*a prolinion of the arts of Peru*), *an myrdital* 'original' (*a reader of books in an myrdital way*), *rytunenion* 'communion' (*He lived his spiritual life without any rytunenion with others*). Можно предположить, что при угадывании значения данных слов контекст не выполнил свою «вспомогательную» функцию, т.е. в узком контексте данные слова остались непонятыми большинством учащихся. Хотя в случае слова *rytunenion* 'communion' испытуемыми предлагались такие слова, как *communication, relations, connection, contact, interaction*, составляющие с ним одно семантическое поле.

Таким образом, основными трудностями при раскрытии значения незнакомого слова можно считать:

- недостаток информативности контекста;
- недостаток дополнительных знаний у испытуемых и незнание экстралингвистической ситуации;
- иногда незнание сочетаемости слов, обусловленное тем, что язык для испытуемых является неродным;
- наличие в контексте слов, которые расширяют или сужают варианты выбора значения квазиродного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английский рассказ XX века : сб. ст. / сост. Н. А. Самуэльян. – М. : Менеджер, 2005. – 288 с.

The article describes the influence of the context on the meaning of unknown words. It is also stated in the article that the context itself is insufficient to identify the exact meaning of unknown words. In this connection, respondents were confronted with certain difficulties, which are represented in the article.

О. О. Графутко

Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНООЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Оценка является универсальной логико-философской категорией, реализующейся в рамках различных наук, в том числе — лингвистики. Как лингвистическая категория она предполагает большую долю субъективности со стороны оценивающего индивида, что позволяет использовать ее для выявления авторской позиции в художественном дискурсе. Наиболее ярко оценка реализуется именем прилагательным. В проведенном исследовании количественно преобладают частнооценочные прилагательные: эмоциональные, эстетические, нормативные и интеллектуальные в английском языке; эстетические, эмоциональные, интеллектуальные и этические — в русском. Различия в употребительности объясняются особенностями лингвокультур и тематикой произведений.

Целью настоящего исследования является выявление соотношения типов частнооценочных прилагательных и особенностей их функционирования в современном англо- и русскоязычном художественном дискурсе.

По замечанию французского лингвиста Ш. Балли, «любая категория оценочных слов ведет свое происхождение от прилагательного», что «вполне естественно, так как субъективная оценка непосредственно выражается с помощью прилагательных» [1, с. 275], поэтому представляется правомерным рассмотреть прилагательные как наиболее употребительное лексическое средство авторской оценки.

Оценка понимается нами как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [2], причем оценочное отношение к предмету связано с «признанием или непризнанием его ценности с позиций определенных ценностных критериев» [3, с. 4].

Оценка представлена «в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным» [4, с. 75]. В первом типе собственно дескриптивно ориентированное содержание сведено к минимуму, и оценка охватывает целый ряд признаков, во втором наблюдается сочетание оценочного аспекта с дескриптивным, который и является фокусом оценки на основе одного конкретного признака [5, с. 64; 6, с. 54].

Материалом для исследования послужили романы «Bone Gap» Л. Руби и «Охота на василиска» А. Жвалецкого и Е. Пастернак. Для анализа было отобрано 166 частнооценочных прилагательных на английском языке и 93 – на русском. Единицы выявлялись методами дефиниционного и контекстуального анализа: прилагательные частной оценки характеризовались наличием в определении дескриптивно-оценочного компонента, описывающего как объективный признак, так и передающий оценку: *repetitive* ‘containing or characterized by repetition, especially when unnecessary or tiresome’.

В количественном отношении частнооценочные прилагательные значительно превосходят общеоценочные, что объясняется обобщенным, конденсирующим характером общей оценки [4, с. 82], ее неполнотой и неоднозначностью, причиной которых является нестабильность «смыслового объема и тех нормативов, на которых основана оценка» [4, с. 92], в то время как компоненты окружающего мира существуют в совокупности конкретных, частных характеристик, которые и обуславливают то или иное оценочное отношение к ним.

Придерживаясь классификации Н. Д. Арутюновой, мы разделили прилагательные частной оценки на восемь классов. Наиболее представленными в английском языке (АЯ) оказались классы эмоциональной (26,5 %), эстетической (18,1 %), нормативной (16,3 %) и интеллектуальной (15,7 %) оценки. Стоит заострить внимание на значительной репрезентации (16 %) рационалистической нормативной оценки в английском языке. Это во многом объясняется идейно-тематическим планом романа: главный герой отличается странным, нестандартным поведением, что влечет за собой

использование таких прилагательных, как *odd* ‘странный’ – ‘strange, or unusual’, *strange* ‘странный’ – ‘unusual or surprising; difficult to understand or explain’, а также ориентацией носителей языка на стереотипы, правила и нормативы.

В русском языке (РЯ) наиболее часто использовались прилагательные следующих типов: эстетические (26,9 %), эмоциональные (25,8 %), интеллектуальные (15,1 %) и этические (10,4 %). Материал на русском языке выявил преобладание эстетической оценки, что может свидетельствовать о важности внешнего вида человека, его аккуратности или неопрятности для вынесения оценочного решения. Отмеченные в русскоязычном романе этические оценки связаны с рассмотрением в произведении проблем лживости и двуличности, порядочности и морали и обусловлены ориентацией членов русскоязычной лингвокультуры на справедливость и мораль.

Полагаем, причиной малой представленности прилагательных, выражающих утилитарную (1,8 % в АЯ и 2,2 % в РЯ) и телеологическую (1,8 % в АЯ и 3,2 % в РЯ) оценку, является, с одной стороны, ограниченное количество контекстов, в которых могут реализовываться данные оценочные значения, с другой стороны, преобладание в нашей выборке прилагательных, описывающих персонажей, а не объекты и явления.

Проиллюстрируем различные типы частнооценочных прилагательных на конкретных примерах.

Гедонистическая оценка оперирует бинарной оппозицией «приятный–неприятный»: *His breath was cold and musty as a mausoleum* ‘его дыхание было холодным и затхлым, как мавзолей’, где *musty* означает ‘smelling unpleasant and not fresh’; *Голос оказался красивым, напевным*, где *напевный* определяется как ‘певучий, мелодичный’ (→благозвучный, приятный для слуха).

Интеллектуальная оценка предполагает анализ логико-рациональных аспектов описываемого объекта или явления: *She cataloged the gifts he had given her, the cryptic compliments, the number of exits passing by* ‘Она мысленно каталогизировала его подарки, непонятные, загадочные комплименты, количество промелькнувших съездов’, при этом *cryptic* ‘загадочный’ – ‘having a meaning that is mysterious or obscure’. Неоднозначный, непонятный комплимент – это плохой комплимент. Данный тип оценки встречается и в русском языке: *Слова [нарколога. – О. Г.] были затертыми и надоевшими*, где *затертый* относится к чему-то банальному, потерявшему актуальность.

При эмоциональной оценке преобладает власть чувств и переживаний: *annoying way he had of creeping up on a person* ‘его раздражающая привычка подкрадываться к людям’, где *annoying* ‘раздражающий’ обладает значением ‘making you feel slightly angry or impatient’; *Ксюша не сразу признала в нем того бедного мужчину, который рыдал на полу в актовом зале* – в данном случае прилагательное *бедный* имеет дефиницию ‘несчастный, возбуждающий жалость, сострадание’.

Прилагательные эстетической оценки фокусируют внимание на параметре привлекательности и соответствии со стандартами красоты: *Petey ran on the track team, and her stride was long and graceful* ‘Пити состояла в легкоатлетической команде, и ее шаги были длинными и грациозными’, где *graceful* ‘изящный, грациозный’ имеет словарную дефиницию ‘smooth and beautiful’; – *Простите, – выпалила ухоженная брюнетка*, где прилагательное *ухоженный* можно определить как ‘имеющий привлекательный вид, свидетельствующий о хорошем уходе’.

Этические оценки базируются на соблюдении правил и положений морали: *While she was growing up, Petey's mother, frank as she was, would talk to Petey* ‘Пока Пити выросла, ее мать, будучи открытой женщиной, всегда говорила с ней’, где *frank* ‘открытый, искренний’ означает ‘open, honest (→ morally correct or virtuous), and direct’; *Данька ответил наглым взглядом*, где *наглый* означает ‘крайне дерзкий и бесстыдный (→ не испытывающий стыда, стыдливости; пренебрегающий правилами приличия); нахальный’.

Утилитарные оценки отражают аспект пользы/вреда для человека: *They were extra careful with the barbed wire* ‘С колючей проволокой они обращались особенно осторожно’ – *careful* ‘осторожный, осмотрительный’ означает ‘making sure of avoiding potential danger, mishap, or harm’; *Начинали они с замазывания рекламы на асфальте, потом еще много чего такого же бесполезного делали*, где *бесполезный* имеет определение ‘не приносящий пользы, напрасный’.

Телеологические оценки включают компонент целесообразности: *Sean was the guy who showed up, ...black bag swinging in his big capable hands* ‘Шон был парнем, который появлялся... с черной сумкой, покачивающейся в его больших умелых руках’ – прилагательное *capable* ‘умелый’ определяется как ‘having the ability, fitness, or quality necessary to do or achieve a specified thing’; *Когда дошли до реальных поступков, их побили*, где *реальный* означает ‘целесообразный, оправданный, практически полезный’.

Наконец, нормативные оценки предполагают соотнесение характеристики, подвергаемой оценке, со стереотипным представлением, бытующим в сознании общества: *The army had left him with a bum leg* ‘От армии ему досталась хромая нога’, при этом прилагательное *bum* ‘хромой, никуда не годный’ реализует свое значение ‘injured or damaged’, что является отклонением от нормы «здоровый»; *Уйдет искать другое, нормальное, решение проблемы* – здесь *нормальный* определяется как ‘соответствующий норме (нормам); общепринятый, установленный или обычный’.

Итак, проведенный анализ частнооценочных прилагательных позволяет заключить, что наиболее широко представленными типами оценки оказались эмоциональный, эстетический, нормативный и интеллектуальный в английском языке; эстетический, эмоциональный, интеллектуальный и этический в русском языке, что объясняется рядом сюжетных, лингвокультурных и индивидуально-авторских причин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://stylistics.academic.ru/52/> Категория_оценки. – Дата доступа : 12.04.2016.
3. *Касторнова, О. Н.* Частеречный статус слов категории оценки в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Касторнова. – М., 2005. – 23 с.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
5. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
6. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 144 с.

The present paper is concerned with the category of evaluation in fictional discourse. The realization of the lexis of specified evaluation is researched in English and Russian. The dominant types of specified evaluation are proven to be emotional, aesthetic, normative, intellectual types in English and aesthetic, emotional, intellectual and ethical types in Russian.

А. В. Красник
Минск, МГЛУ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Будучи свернутой в материи языка формой существования внешнего мира, значение слова рассматривается как важнейшая составляющая сознания, под которым понимается совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира. Исследование значения слова в двух аспектах – семантическом и ассоциативном – подчеркивает понимание его двойственного характера и позволяет более детально изучить характер отражения в сознании носителей языка психолингвистической стороны концепта «погода». Приводится сравнение особенностей семантического и психолингвистического значения, отмечается их разная степень отражения в языковом сознании носителя языка, а также взаимовлияние одного вида значения на другой, что необходимо учитывать в условиях межкультурного общения.

Современная лингвистика уделяет большое внимание значению слова, так как оно представляет собой преобразованную и свернутую в материи языка идеальную форму существования предметного мира, его свойств, связей и отношений [1, с. 141]. Анализ значения лексических единиц как феномена, определяемого культурой, открывает возможности для изучения языкового сознания. Психолингвистические исследования структуры значе-

ния подтверждают положение о слове как особой форме отражения действительности [2, с. 39], имеющей двойственный характер (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, И. А. Стернин, З. Д. Попова, И. Г. Овчинникова, А. В. Рудакова и др.). Мы опираемся на термины *семантическое* и *психолингвистическое значение* как виды значения, отражающие языковое сознание носителей языка, под которым понимается «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [3, с. 7], т.е. сознание, отраженное, зафиксированное, актуализируемое в значениях языковых знаков. Семантическое значение рассматривается как совокупность ядерных сем значения, отражающих, по мнению лексикографов, основное содержание значения [4, с. 13], и указывает на социальную сторону значения слова, отображаемую словарями и обеспечивающую взаимопонимание в процессах познания и общения. Психолингвистическое значение – это реально функционирующее в языковом сознании носителей языка значение, выявляемое и описываемое по результатам психолингвистических экспериментов [Там же]. Оно дает информацию об индивидуальной стороне значения слова как части сознания личности. Таким образом, в структуре значения присутствуют компоненты, воспроизводящие разные стороны опыта личности, как общественного, так и индивидуального.

Однако, разграничивая различные формы существования значения слова в зависимости от исследовательских целей и практических задач его изучения, психолингвисты сходятся во мнении, что пользующийся языком в своей практической деятельности человек эти формы не выделяет, не различает и не осознает. Социально принятый знак рассматривается как инструмент, благодаря которому происходит выход на личностный опыт. Смыслы же, стоящие за значениями слов, во многом обусловлены национальной культурой, которую человек познает постепенно в процессе социализации.

Понимание того, что в силу физиологических, психических, социальных и других различий между людьми можно говорить лишь об относительной полноте состава структуры значения, привело к появлению лингвистических исследований особенностей языкового сознания усредненного представителя какого-либо народа. На примере метеолексики мы сделали попытку выявить характер отражения в сознании носителей языка психолингвистического значения концепта «погода» путем определения семантических и ассоциативных особенностей метеополя современного английского языка и его выражение в тексте. В данном исследовании трактовка концепта ориентирована на психолингвистическую позицию, где под ним понимается дискретная, объемная в смысловом отношении единица мышления или памяти, отражающая культуру народа. Имя существительное *weather* рассматривается в качестве базовой языковой единицы, представляющей изучаемый нами метеорологический концепт в наиболее общем виде, и объединяет семантическое и ассоциативное метеополя в совокупное метеополе.

Изучение рассматриваемого в рамках семантического метеополя семантического значения метеолексики на основе компонентного анализа лексических единиц по данным толковых словарей показало, что оно включает в себя такие составляющие, как атмосферные условия: осадки (*rain, snow, hail, fog*); ветер (*wind, storm, typhoon, breeze*); температура (*cold, chill, warmth, frost, thaw*); а также отклонения от нормы в проявлении погодных феноменов, т.е. катаклизмы (*drought, flood, earthquake, landslide*). При этом указывается связь с полем времени (*season, winter, summer, autumn, spring, day, night*) и места (*sky, water, ground, air*), чьи лексические единицы могут входить в семантическое метеополь или пересекаться с ним. Семантическое значение представляет собой основу, то ядро, вокруг которого строится концепт «погода». Именно оно, по мнению лексикографов, составляет основное содержание значения погоды и представлено в словарях как наиболее точное отражение данного понятия в языковом сознании усредненного носителя языка и используется в текстах прогнозов погоды для передачи соответствующей информации.

Психолингвистическое значение, содержащееся в ассоциативном метеополе, составленном по данным ассоциативного словаря и проведенного свободного ассоциативного эксперимента, включает в себя, помимо атмосферных условий и катаклизмов, еще и такие компоненты, как их признаки и действия (*thick ← fog, white ← snow, heavy ← rain, dark ← cloud, blow ← wind, change ← wind, glisten ← dew, rise ← temperature*); физические явления, сопровождающие осадки (*rainbow, thunder, lightning*); объекты влияния погодных явлений (*flowers, cattle, trees, children, birds*); результат влияния погодных явлений (*rust, accidents, damage, death, famine*); средства борьбы с погодными явлениями (*boat, roof, raincoat, blankets, boots*); деятельность во время погодного явления (*holidays, conversation, tea, feast, fireworks, snowballs*), а также единицы времени (*spring, afternoons, December*) и места (*London, ocean, seaside, lake*); астрономические явления (*sun, moon, star, satellite*). Как явствует из полученных в ходе эксперимента ассоциаций, погода представляется в языковом сознании усредненного носителя языка не только совокупностью лексических единиц, обозначающих погодные явления. Проникая во все сферы жизнедеятельности человека, она находит свое выражение в наивной картине мира каждого отдельного индивида, например, погода – это не только дождь, снег или ветер (*weather → rain, snow, wind*), а дождь – это не только капли и лужи (*rain → drops, puddles*). Погода – это и беседа, и новости, и наука (*weather → conversation, newspaper, science*). Она может быть изменчивой, ужасной, предсказуемой, скучной, отвратительной, приятной и пугающей (*weather → changeable, nasty, predictable, dull, dreadful, pleasant, scary*). А дождь ассоциируется с зонтом, плащом, мокрыми ногами, вьющимися волосами, крышей, горячим чаем, выпечкой, чтением, старыми фильмами, урожаем, наводнением (*rain, umbrella, raincoat, wet feet, frizzy hair, roof, hot tea, baking, reading, old movies, harvest, flood*) и так далее.

Психолингвистическое значение концепта «погода» отражает те связи, которые сложились у человека с природой в процессе его жизнедеятельности, где доминирующую роль играет эмоционально-оценочный фактор, что характерно именно для текстов художественной литературы. Частые ассоциации, закрепленные в сознании носителей языка, прямо или косвенно находят свое отражение в тексте. Писатели используют лексические единицы, выражающие психолингвистическое значение понятия погоды, для создания необходимого художественного образа, который был бы близок и понятен читателю, так как именно оно в наиболее полном объеме передает понимание погоды, представленное в языковом сознании носителя языка.

Понимание полного образа любого понятия, а в нашем случае погоды, необходимо и широко применяется не только в художественной литературе, но и в условиях межкультурного общения, а также для того, чтобы оказать определенный эффект на целевую аудиторию. Так, например, национальная специфика проявляется в ассоциативных связях слов, характеризующих Великобританию как страну дождей, туманов и ветров (*rain* → *a lot in England/London*, *fog* → *Birmingham/London*, *wind* → *England/Scotland*). В текстах прогноза погоды все чаще используется эмоционально окрашенная лексика либо указывающая на внешние связи с другими полями, в частности полем «Жизнь», позволяющая привлечь внимание читающего либо слушающего (*it will feel warm outside in the continued light winds; good sunny spells; fine weather when it will feel quite pleasant; the brutal cold is not expected to last too terribly long; dangerously low wind chills will affect several states, and annoyingly frosty temperatures will affect many more*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
2. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.
3. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.
4. Стернин, И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова // Ламберт. – 2011. – 192 с.

The article focuses on the problem of word-meaning as an effective way of studying linguistic consciousness. An attempt is made to demonstrate the necessity of differentiating two types of word-meaning – semantic and psycholinguistic. Their detailed study will help to find out the way the concept “Weather” is reflected in the English linguistic consciousness which is useful for multicultural communication.

И. Д. Лепеш
Минск, МГЛУ

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОНИМАНИЮ НЕЗНАКОМОГО СЛОВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

Представлены результаты психолингвистического эксперимента, который был проведен с целью выявления факторов, способствующих пониманию незнакомых слов в англоязычном тексте. Выяснилось, что испытуемые устанавливали значение незнакомого слова, опираясь на внешнюю (фонетическую и графическую) оболочку слова, что приводило их к ряду как верных, так и неверных решений. В некоторых случаях испытуемые определяли значение неизвестного им слова при помощи контекста.

В практике использования языка его носители нередко встречаются с неизвестными словами, особенно при частичном владении языком в процессе обучения или при неполном двуязычии [1, с. 169]. Чтобы понять неизвестные им слова, они переспрашивают, заглядывают в словарь и т.п. Но обычно к этим средствам носитель языка прибегает после попытки использовать «внутренние» средства: сопоставление графической и фонетической оболочки незнакомого иностранного слова со словами родного языка, вычленение знакомых корней словообразовательных элементов в неизвестных словах. Вопрос о внутренних резервах понимания неизвестных слов и особенностях их использования может быть разрешен экспериментально. Эксперимент, в котором испытуемым предлагалось перевести некоторые предложения, включающие заведомо неизвестные им слова, базировался на методике А. П. Клименко [1] и И. В. Чужовой [2]. Подобные эксперименты, представляющие собой угадывание смысла искусственных слов, введенных в реальный контекст, проводила также Р. М. Фрумкина [3].

Испытуемым было известно, что незнакомое слово в предложении имеет некоторое значение, а следовательно, какой-то эквивалент в родном языке. Соответственно, они были нацелены на обнаружение этого эквивалента, а также того, что именно помогает им определить значение незнакомой лексемы.

Среди основных мотивов выбора перевода на первое место выдвинулось наличие звукового сходства со словами родного языка. Однако внешняя форма слова может как помогать при определении его значения, так и приводить к неправильным семантическим выводам.

Примером положительного влияния родного языка на перевод неизвестной лексемы может послужить слово *bizarre* ‘странный, необычный’ в предложении *Some mentally ill people have bizarre ideas*, где 3 % испытуемых удалось правильно определить часть речи и произвести эквивалентный перевод данного слова, 75 % опрошенных верно определили частеречную принадлежность слова *bizarre*, но не смогли дать его полный эквивалент, однако они правильно поняли общий смысл (семантическое поле) незнакомого слова, переведя его как *безумный*. В ходе эксперимента испытуемые были подвержены влиянию феномена, названного лингвистами «омофо-

ническим словесным реализмом» [4, с. 181]. Опрашиваемые неверно определяли значение незнакомого слова на основании его созвучия с известным им словом в родном (русском) языке. Примером данного феномена могут служить слова *turmoil* ‘суета, суматоха’, которое ошибочно переводилось как *траур*, *турнир*; *obscure* ‘непонятно’, ‘неясно’ с неверным переводом *обескураживающе*; наречие *surreptitiously* ‘скрытно’, ‘тайком’, которое переводилось как *скрупулезно*, *судорожно*. В некоторых случаях испытуемые использовали прием морфологической передачи, когда иноязычное слово транслитерируется с последующим приспособлением его к морфологии родного языка. Например, слово *obscure* ‘непонятно’, ‘неясно’ в предложении *I wish I could, but it's obscure to me, too* переводилось как *обскурно*. При переводе существительного *enigma* ‘загадка’ один из испытуемых также использовал прием морфологической передачи и транслитерировал предложенное слово как *энигма* в предложении *Whether or not there is life in outer space is an enigma*. При этом предложенный транслитерированный перевод данных слов нельзя считать неверным, так как испытуемые смогли объяснить значение этих слов, соответственно, они правильно поняли смысл всего предложения и конкретного слова.

Морфемный анализ слов *avocation* и *ambiguous* помог испытуемым догадаться о части речи, к которой принадлежит каждое из неизвестных слов, и о их значениях:

- суффикс *-(a)tion* характерен для английских существительных, образованных от глаголов;
- словообразовательный суффикс *-ous* относится, главным образом, к прилагательным, так как он указывает на признак или качество.

В 65 % случаев испытуемые правильно поняли и общий смысл каждого из незнакомых слов. В значительной мере выбор семантического поля зависел от роли незнакомого слова в предложении и его лексического окружения. В одних случаях выбор семантического поля довольно ограничен, ответы испытуемых сосредоточены вокруг какой-то семантической группы или системы. Например, в предложении *Since my grandfather retired, he has developed several new avocations* английское существительное во множественном числе *avocations* ‘хобби’ переводилось как *хобби* / *увлечения* / *занятия* / *привычки* / *способности*. В предложении *In formal communication, be sure to avoid ambiguous language* разброс ответов шире, что связано с меньшими ограничениями, наложенными контекстом, как видно из переводов слов: *ambiguous* ‘двусмысленный’ переводили как *профессиональный* / *неформальный* / *повседневный* / *простой* / *оскорбительный* / *двусмысленный* / *просторечный* / *жаргонный* / *сленг* / *слова-паразиты*.

Недостатком эксперимента явился тот факт, что при чтении текста на иностранном языке грамматические и лексические трудности никогда не существуют отдельно. «Незнание слов влечет за собой непонимание синтаксической структуры фразы, а неумение разобраться в структуре не дает возможность установить контекстное значение слова, иногда даже при

условии знания его основного словарного значения» [5, с. 17]. Доказательством данного утверждения может послужить перевод предложения *Managers should beware of having adversaries work together*. В данном случае особое внимание уделялось слову *adversary* ‘противник, неприятель’, которое не смог верно перевести ни один из испытуемых. Ошибочный перевод слова можно объяснить тем, что испытуемые неверно определили частеречную принадлежность и, соответственно, синтаксическую роль данного слова в предложении. Предложенное в эксперименте слово переводилось испытуемыми как

- существительное *представления / реклама / умения / возможности / праздник / фантазия /одновременное обучение;*
- наречие *недостаточно;*
- прилагательное *совместную / схожую / рекламную;*
- глагол *избегать.*

Лишь некоторые из опрашиваемых попробовали показать негативную коннотацию слова *adversary* в своих вариантах перевода: *конфликтный; противоположный*. Однако из-за ошибочного определения части речи данные ответы не могут служить адекватным переводом предложенного английского слова.

При верном определении структуры предложения, грамматического значения неизвестного слова и его синтаксической роли перевод предложения и незнакомого слова в частности не вызывал у испытуемых никаких затруднений. Например, в предложении *It's not always necessary for adults to intervene in children's fights* 70 % опрашиваемых перевели слово *intervene* его русским эквивалентом *вмешиваться*. Остальные 30 % ответов относились к той же лексико-семантической группе, например, *влезать, вступать, внедряться*. Такой высокий процент правильных ответов можно объяснить схожей синтаксической структурой данного предложения в русском и английском языках, фонетическим и графическим сходством предложенных глаголов, а также употреблением одинаковых предлогов с данными переходными глаголами: *вмешиваться в* и *intervene in*.

Как показал эксперимент, опора на контекст является самой продуктивной и надежной основой понимания незнакомых слов во фразе. В предложениях *Today I had to deal with one mishap after another. I couldn't find my car keys, I dropped a bowl of soup at lunchtime, and my computer crashed twice* английское существительное *mishap* верно семантизировали и перевели как *неудача, проблема, неприятность* 85 % испытуемых. Существительное *turmoil* из предложений *Today was a day of turmoil at work. The phones were constantly ringing, people were running back and forth, and several offices were being painted* было верно понято и переведено как *суеда, суматоха, неразбериха* в 75 % случаев.

Анализ результатов эксперимента показал, что в сознании испытуемых при выборе перевода незнакомого слова происходит своеобразный лингвистический анализ, в ходе которого имеет место взаимодействие уровней.

Высший уровень определяет грамматическую роль и, с большей или меньшей четкостью, семантическое поле, к которому принадлежит исследуемое слово. Дальнейшее уточнение поля, сужение смысла незнакомого слова, а иногда и удачное определение его значения производится в ходе анализа на низших уровнях (по морфемам, фонемам) и сопоставлением итогов такого анализа с хранящимися в памяти осмысленными единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клименко, А. П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики / А. П. Клименко. – Минск, 1970. – 206 с.
2. *Чуясова, И. В.* Экстралингвистические средства раскрытия значения незнакомого слова / И. В. Чуясова // *Материалы ежегод. науч. конф. студентов и магистрантов ун-та, 13–14 мая 2014 г. : в 2 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова.* – Минск : МГЛУ, 2014. – Ч. 2. – 284 с.
3. *Фрумкина, Р. М.* Психолингвистика: учебник для студентов высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М., : Академия, 2001. – 320 с.
4. *Картон, А. С.* Роль догадки в процессе пользования языком и в процессе обучения языку / А. С. Картон // *Методика преподавания иностранных языков за рубежом / сост. Е. В. Синявская, М. М. Васильева, Е. В. Мусницкая.* – М., 1976. – Вып. II. – С. 181–183.
5. *Леонтьев, А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М., 1969. – 312 с.

The article shows the results of the psycholinguistic experiment which was conducted in order to identify the factors that contribute to the understanding of unfamiliar words in English texts.

Салими Абдолмалеки Косар
Минск, БГУ

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКИХ ФРАЗЕМ С ОБОЗНАЧЕНИЯМИ ВРЕМЕНИ

На материале корпуса русских фразем с обозначениями времени, сформированного по лексикографическим источникам (319 единиц), выявлены прагматические свойства исследуемых оборотов. Анализ показал, что фраземы с обозначениями времени тяготеют к стилистической нейтральности. В частности, в корпусе представлено незначительное количество фразем с функционально-стилистическими (34 единицы, 10,66 % от всего корпуса) и эмоционально-экспрессивными (15 единиц, 4,70 % от всего корпуса) коннотациями. Кроме того, в выборке есть устаревшие фраземы (15 единиц, 4,70 % от всего корпуса) и обороты, в состав которых входят лексемы территориально ограниченного бытования (2 единицы, 0,63 %). Выявленная прагматическая специфика анализируемых фразем объясняется абстрактной семантикой обозначений времени.

Для определения прагматических свойств русских фразеологических оборотов с компонентами, обозначающими время, мы систематизировали фраземы, которые имеют в лексикографических источниках словарные пометы, указывающие на наличие у оборотов *функционально-стилистических* и *эмоционально-экспрессивных коннотаций*, а также на *хронологическую отнесенность* единиц.

Корпус проанализированных русских фразем с компонентами, обозначающими время, содержит 319 единиц. Фраземы извлекались методом сплошной выборки из словарей. Основной лексикографический источник – академический «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в 4 томах. Использовались также и другие толковые и фразеологические словари русского языка.

Классификация фразем по их экспрессивно-стилистическим характеристикам схожа с соответствующей классификацией лексем [1, с. 93] и базируется на том, что фраземы употребляются преимущественно в текстах определенного стиля, имеют различные эмоционально-экспрессивные коннотации и могут быть хронологически маркированными (устаревшими или новыми). К примеру, фразема *девица на возрасте* ‘уже взрослая’ [РСС, III, с. 62] используется в разговорной речи, а *выслуга лет* ‘период трудовой деятельности в определенных условиях и в определенной должности, дающий право на получение дополнительных льгот или преимуществ’ [МАС, I, с. 280] – в официально-деловой. В качестве примеров фразем, в которых «название сопровождается оценочным “обертоном” (неодобрения, иронии, ласки, риторичности и т.д.)» [1, с. 194], можно привести шуточные обороты: *смотреть сентябрем* ‘иметь хмурый, угрюмый вид’ [МАС, IV, с. 78] и *без году неделя* ‘совсем недавно’ [МАС, I, с. 324].

При классификации фразем по хронологии выделяются новейшие и устаревшие обороты. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский отмечают, что помету *устар.* (*устаревшее*) получают, во-первых, фраземы, которые не известны большинству говорящих на русском языке, во-вторых, обороты, которые наши современники понимают, но не используют [2, с. 168].

Кроме того, для стилистики значим тот факт, что в состав фразем могут входить лексемы территориально ограниченного бытования, например, *в те поры* ‘тогда’ [МАС, III, с. 300].

Исследование показало, что удельный вес фразем с функционально-стилистическими и эмоционально-экспрессивными коннотациями в корпусе невелик. Так, в словарях зафиксировано 15 эмоционально-экспрессивных фразем с обозначениями времени (4,70 % от всего корпуса) и 34 стилистически маркированные (10,66 % от всего корпуса). Кроме того, в выборке представлено 15 устаревших фразем (4,70 % от всего корпуса) и 2 оборота (0,63 %), в состав которых входят лексемы территориально ограниченного бытования.

В данном отношении обороты с обозначениями времени представляют собой нетипичную группу фразем. Так, Н. М. Шанский отмечал, что фразеология отличается от лексики тем, что межстилевых фразем меньше, чем фразем, закрепленных за определенным стилем: «подавляющее большинство фразеологизмов, эквивалентных по семантике слову, функционируют в русском языке в качестве образных синонимов слов и имеет какую-либо “сниженную” или “повышенную” экспрессивно-стилистическую окраску» [1, с. 195]. Однако фраземы с обозначениями времени, как показывают данные словарей, являются в целом нейтральными. Приведем примеры нейтральных оборотов: *золотой век* ‘об эпохе расцвета наук и искусств в истории какого-л. народа’ [МАС, I, с. 146] и *на первых порах* ‘сначала’ [МАС, III, с. 300].

Обратим внимание на то, что в нашем корпусе не зафиксировано новейшей фразеологии – из хронологически маркированных фразем присутствуют только устаревшие. В этом отношении фраземы с обозначениями времени не выделяются на фоне других фразем. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, «новейшей фразеологии количественно меньше, чем традиционной: фразеологизация – это процесс, длительное явление; переход от индивидуального словоупотребления к массовому, т.е. динамика факта речи единицы языка, по природе своей требует длительных и даже весьма длительных промежутков времени» [3, с. 96].

В корпусе анализируемых фразем присутствует два типа оборотов с эмоционально-оценочными коннотациями: шутливые (11 единиц) и иронические (2 единицы). У 2 оборотов стоит общая помета *экспрес.* (*экспрессивное*). Фраземы с другими коннотациями (бранные, презрительные, пренебрежительные, неодобрительные, почтительные и т.п.) в нашем материале не зафиксированы. Приведем примеры шутливых фразем: *со времен царя Гороха* ‘издавна, с давних пор’ [Фёдор., I, с. 103], *без году неделя* ‘совсем недавно’ [МАС, I, с. 324]. Иронические обороты: *калиф (халиф) на час* (ирон.) ‘о человеке, наделенном или завладевшем властью на короткое время’ [МАС, II, с. 21] и *не прошло и часу* ‘о том, что сделано с большим опозданием’ [РСС, III, с. 51].оборот с пометой *экспрес.:* *целый век* ‘очень долго, продолжительное время’ [Фёдор., I, с. 67].

Фразеологические обороты могут приобретать и терять эмоционально-экспрессивную окраску в отдельных контекстах. Так, фраза *войти в историю* ‘1) стать знаменательным историческим событием. 2) стать широко известным’ [РСС, III, с. 55] сопровождается пометой *обычно шутл.*

Стилистически маркированные фраземы. В нашем корпусе представлено 7 книжных оборотов. В словарях они характеризуются как собственно книжные (4 единицы), официально-деловые (1 единица) и высокие (2 единицы). Приведем пример собственно книжного оборота: *в мгновение ока* ‘в один миг, сразу, мгновенно’ [МАС, II, с. 241]. Пример оборота с пометой *высок.:* *время разбрасывать камни* ‘о необходимой и предопределенной последовательности своих действий, поступков и о неотвратимости их последствий [афоризм из Ветхого Завета, поучение Екклесиаста]’ [РСС, III, с. 45].

Более широко представлены в корпусе разговорные (11 оборотов) и просторечные фраземы (12 оборотов). В качестве примера разговорных фразем приведем следующие единицы: *из века в век* 'постоянно, в течение длительного срока в прошлом' [Фёдор., I, с. 66] и *доживем до понедельника* 'подождем, посмотрим, что будет' [РСС, III, с. 53]. Просторечные фраземы: *об эту пору* 'в это время' [МАС, III, с. 300] и *ни роздыху ни сроку не давать кому* 'не давать никакой передышки' [РСС, III, с. 60]. Разговорных фразем обычно очень много, и поэтому А.Н.Баранов и Д. О. Добровольский предлагали убрать из списка помет *разг. (разговорное)*, соответствующую «стилистическому нулю» для фразем, и добавить помету *нейтр. (нейтральное)* [2, с. 14]. Однако, как уже отмечалось выше, фраземы с обозначениями времени тяготеют к стилистической нейтральности, что проявляется и в малом количестве разговорных оборотов.

Кроме того, в выборке представлены 4 народно-поэтические фраземы, например: *долго ли, коротко ли* 'через некоторое время; неизвестно сколько времени' [МАС, I, с. 422], *весна-красна* 'ясная, радостная весна' [РСС, с. 62].

Эмоционально-экспрессивная и функционально-стилистическая окраски фразем взаимосвязаны. Межстилевые обороты, по мнению Н. М. Шанского, это номинации явлений действительности без какой-либо оценки, они не обладают свойством экспрессивности и могут употребляться в любой ситуации. Фраземы разговорно-бытового характера имеют не только ограниченную сферу употребления, но и, как правило, сниженную окраску [1, с. 196]. Некоторые фраземы имеют в словарях несколько помет. Так, например, следующие обороты охарактеризованы как разговорные и шуточные: *из-под пятницы – суббота* 'из-под верхней одежды видна нижняя' [РСС, III, с. 53] и *Тысяча и одна ночь!* 'о чем-н. запутанном, сложном, связанном с приключениями [по названию средневекового арабского сборника с первонач. названием «Тысяча сказок»]' [РСС, III, с. 61].

В состав нескольких устаревших оборотов (7 единиц) включены лексические и грамматические единицы, вышедшие из активного обихода, например, *многая лета* 'пожелание долголетней благополучной жизни (в церковном песнопении)' [МАС, II, с. 280], *в оны дни* 'когда-то, очень давно' [БАС, 13, с. 716]. В. М. Мокиенко писал: «Фразеология – сокровищница языка, хранящая древнейшие слова, отжившие свой век грамматические формы и забракованные временем и литературной нормой синтаксические конструкции. Консервируя форму, она консервирует и содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира» [4, с. 18–19].

Другие устаревшие обороты не включают архаичные элементы: *черный год* 'время, полоса неудач, бед' [Фёдор., I, с. 147], *последние времена (настали, наступили)* 'плохое, трудное время, без всяких надежд на улучшение' [МАС, III, с. 317]. Интересно, что фразема *войти в возраст* 'стать

взрослым' [МАС, I, с. 204] устарела, а *выйти (выходить) из возраста* 'стать старше какой-л. возрастной нормы (для поступления куда-л., для выполнения какой-л. работы)' [МАС, I, с. 258] осталась в активном употреблении.

Отдельные устаревшие фраземы имеют шутливую окраску, что подчеркивает взаимосвязь различных групп прагматически маркированных оборотов, например, *адмиральский час* 'полдень, время завтрака или раннего обеда' [МАС, I, с. 26].

Таким образом, наше исследование показало, что фраземы с обозначениями времени тяготеют к стилистической нейтральности: у большинства единиц в нашей выборке отсутствуют эмоционально-экспрессивные и функционально-стилистические коннотации, удельный вес устаревших оборотов также невелик. Данную особенность анализируемой группы фразем можно объяснить абстрактностью обозначений времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шанский, Н. М.* Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1969. – 231 с.
2. *Баранов, А. Н.* Основы фразеологии: краткий курс : учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Флинта, 2013. – 312 с.
3. *Верещагин, Е. М.* Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение / Е. М. Верещагин. – М. : Рус. яз., 1982. – С. 89–98.
4. *Мокиенко, В. М.* Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1989. – 286 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАС – Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2014.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1985–1988.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2003. – Т. 3 : Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – 720 с.

Фёдор. – *Фёдоров, А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 828 с.

The paper demonstrates that Russian phraseological units with components denoting time tend to be stylistically neutral. The majority of these phrasemes do not have any connotations – emotional, functional stylistic or archaic.

Е. Л. Соляник
Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПЕСНЯХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Приведены результаты сопоставительного исследования средств вербализации женского образа в англо- и русскоязычных песнях военных лет. Установлен перечень наиболее частотных лексем, раскрывающих особенности репрезентации образа женщины в двух лингвокультурах. Характер использования языковых средств для описания женского образа в песнях военных лет на двух языках содержит больше сходств, нежели отличий, что выражается в широком употреблении личных местоимений, качественных прилагательных, глаголов в повелительном наклонении, однако представители двух лингвокультур фокусируются на разных аспектах женского образа: англоязычные – на внешней стороне, русскоязычные – на внутренней, духовной составляющей.

В центре сопоставительного исследования языковых средств, используемых для описания женского образа в англо- и русскоязычных песнях военных лет, находятся тексты песен, написанные в период Второй мировой войны (1939–1945) такими представителями двух лингвокультур, как А. Сурков, К. Симонов, В. Агатов, М. Исаковский, G. Miller, I. Berlin, C. Foster. Его актуальность обусловлена необходимостью изучения лексического воплощения образа женщины в песнях военных лет, что позволит выявить общее и специфичное в способах трансляции лингвокультурной информации представителями англо- и русскоязычной лингвокультур.

В результате сопоставительного анализа текстов песен «Темная ночь», «Огонек», «Синий платочек», «Moonlight Serenade» ‘Лунная Серенада’, «Lili Marlene» ‘Лили Марлен’, «I have been drafted, now I am drafting you» ‘Меня уже призвали, теперь я призываю тебя’ и др. было установлено, что в двух лингвокультурах женский образ представлен как один из немногочисленных источников любви, нежности и радости. Так, в исследованных текстах преобладают лексемы *smile* ‘улыбка’, *dear* ‘дорогая’, *взгляд*, *голос*. Например, в английском языке: *My love, do you know that your eyes are like stars brightly beaming* ‘Любовь моя, знаешь ли ты, что твои глаза блестят как звезды’, в русском – *Как я люблю глубину твоих ласковых глаз* и др.

Общим также является широкое употребление глаголов *проводить*, *прощаться*, *to wait* ‘ждать’, *to whisper* ‘шептать’ в форме прошедшего времени, свидетельствующих о расставании и ожидании новой встречи лирического героя с возлюбленной: *На позицию девушка проводжала бойца; Darling, I remember the way you used to wait* ‘Дорогая, я помню, как ты меня когда-то ждала’.

В проанализированных текстах глагол *to wait* ‘ждать’ часто употребляется в форме повелительного наклонения, что обусловлено отождествлением образа женщины с надеждой протагониста выжить и вернуться домой. Например, *Жди меня, и я вернусь, только очень жди; You wait where that lantern softly gleamed* ‘Ты жди меня под теплым светом фонаря’.

В песнях двух лингвокультур широкое употребление получили качественные прилагательные *dear* 'дорогой', *sweet* 'милый', 'любимый', 'родной', что обусловлено стремлением авторов текстов сделать женский образ максимально близким адресату. Например, *За них, родных, желанных, любимых таких, строчит пулемётчик*; *Weary and long the way, dear but really I don't mind* 'Каким бы ни был утомительным и долгим путь, я выдержу, дорогая'.

Широкое распространение получили и личные местоимения, используемые при обращении к лицам женского пола для создания близких, доверительных отношений между персонажами. Например, *Ты сейчас далеко-далеко*; *I want to dream so I can be with you* 'Я хочу уснуть, чтобы побыть с тобой во сне'.

Широкое употребление глаголов *не спать, ждать*, фразы *утирать слезы* в русскоязычных текстах (*В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь и у детской кроватки тайком ты слезу утираешь*) делает акцент на силе духа у женщин в военный период. В то же время в англоязычных текстах преобладают глаголы *to dream* 'мечтать', *to draft* 'представлять', *Sleep long enough to dream* 'Спи столько, чтобы видеть сны', *I've been drafted* 'Меня уже призвали', что передает тоску людей, разлученных в военное время. Сон для них является единственным воображаемым способом повидаться.

В результате исследования было установлено, что в песнях военных лет англоязычные авторы чаще обращаются к описанию внешней стороны женского образа, в то время как русскоязычные – к внутренней (духовной и душевной).

The article illustrates the results of the comparative research of linguistic means used for portraying a woman in World War Two songs composed in the Russian and English languages. The list of the most frequently used lexical items emphasizing cultural peculiarities while describing the linguistic portrait of a woman was defined. The usage of linguistic means for characterizing a woman in World War Two songs composed in the two languages has more similarities than differences, that can be noticed through a frequent occurrence of personal pronouns, qualitative adjectives, verbs in the form of Imperative Mood. The research shows that the representatives of the two cultures pay attention to different aspects of the woman's nature: the English-speaking composers focus on the outer features (appearance), however, the Russian-speaking composers lay more stress on the inner features.

В. А. Терещенко

Минск, МГЛУ

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АВТОМОБИЛЬНОМ СЛОГАНЕ

Рассмотрены особенности употребления приема парцелляции в современном автомобильном рекламном слогане. Обращается внимание на частотность употребления данной стилистической фигуры в русском и английском языках, а также на виды трансформаций, используемых при переводе англоязычных слоганов на русский язык.

Для достижения перлокутивного эффекта создатели рекламы, в частности рекламных слоганов, ставят перед собой задачу усилить выразительность рекламного текста, используя максимум информации при минимуме слов. В силу широкого распространения разных видов рекламы в современном обществе многие исследователи (О. Я. Гойхман, В. М. Лейчик, Ю. С. Бернадская, В. В. Бегун, Д. Дайер, А. Годдард, К. Л. Бове, У. Ф. Аренс) изучают особенности языка рекламы в общем и слоганов в частности.

В. Ю. Липатова определяет слоган как «сжатую, ясную и легко воспринимаемую формулировку рекламной идеи» [1, с. 184]. Для более успешного достижения иллокутивной цели в слоганах применяются различные стилистические фигуры. Одним из наиболее употребительных стилистических приемов в современных автомобильных слоганах является *парцелляция*. Этим и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Парцелляция рассматривается как «стилистический прием (в иной интерпретации – стилистическая фигура)» [2, с. 279], заключающийся в расчленении единой синтаксической структуры предложения. В результате этого парцелляция воплощается в «нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах» [2, с. 279]. Являясь средством эмотивного синтаксиса, парцелляция содержит в себе большой объем имплицитной информации, поэтому и занимает одно из центральных мест среди экспрессивных синтаксических конструкций, используемых в рекламных текстах СМИ, в частности слоганах.

В работах Н. С. Валгиной отмечается, что в современном русском синтаксисе все чаще употребляются расчлененные и сегментированные синтаксические построения, что связано с «усилением влияния разговорного синтаксиса на письменную речь» [3, с. 184]. Таким образом, появляется новый тип высказывания – «без ярко (словесно) выраженной синтаксической связи, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки» [3, с. 186]. Применение упрощенных синтаксических структур сближает язык СМИ с разговорным, что делает рекламный текст более эмоциональным и понятным для реципиента. «Через ослабление синтаксических связей, имплицитности их представления, через сжатие и опрощение синтаксических конструкций» обнаруживается «стремление синтаксиса к аналитизму» [3, с. 187].

В настоящей статье приводятся результаты анализа 70 автослоганов на английском языке в сопоставлении с их русскоязычными переводами. Отбор практического материала осуществлялся из текстов электронных статей, размещенных на сайтах adme.ru, voxfree.narod.ru, drive2.ru, видеохостинге youtube.com.

Анализ практического материала позволил установить, что в 62 % оригинальных (англоязычных) автомобильных слоганов используется прием парцелляции. Например, данная стилистическая фигура встречается в рекламной кампании автомобиля «Cadillac»: *Life. Liberty. And the Pursuit. – Жизнь. Свобода. И стремление вперед*. Среди переводов автомобильных слоганов на русский язык частотность употребления парцелляции составляет

57 %. Так, англоязычный слоган автомобильного бренда «Subaru», в котором используется парцелляция, в русскоязычном варианте сохраняет данный стилистический прием: *Subaru. The Beauty of All-Wheel Drive. – Субару. Красота полноприводного автомобиля.*

Это свидетельствует о том, что парцелляция как средство выразительности одинаково встречается в обоих языках. В предложениях, где используется парцелляция, подчинительные синтаксические связи и отношения между словами проявляются в меньшей степени, так как ослабляются типологические различия между данными языками. Однако парцелляция как особая стилистическая фигура позволяет не только достичь экономии языковых средств, но и усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений.

Вместе с тем при переводе современных англоязычных автомобильных слоганов с парцелляцией на русский язык отмечено употребление и других переводческих приемов, которые мы рассмотрим согласно классификации В. Н. Комиссарова.

Так, было установлено, что при переводе автомобильных слоганов, содержащих парцелляцию в языке оригинала, с английского на русский язык частотны случаи применения синтаксического уподобления и грамматических замен (61 %): *Nissan. Just wait you drive it. – Ниссан. Удовольствие без промедления.*

Следующим по частотности употребления выступает сочетание различных трансформаций (15 %). Например, грамматическая трансформация (объединение предложений) в сочетании с техническим приемом (опущение) и лексико-грамматической заменой (антонимический перевод) встречается в слогане автомобиля «Maserati Gran Turismo»: *Too late. She's got you. – Поздно – ты попался!*

Технические приемы перевода (перемещение, добавление и опущение) встречались в 12 % переводов слоганов с английского языка на русский. Так, при переводе слогана автомобилестроительной корпорации «Toyota» используется прием добавления: *Today. Tomorrow. Toyota. – То, что сегодня. То, что завтра. «Тойота».*

Аналогичное количество употребления при переводе автомобильных слоганов с английского языка на русский получили и лексико-семантические замены, в частности, модуляции (12 % случаев). Так, в рекламной кампании автопроизводителя «Mercedes-Benz» говорится: *Mercedes-Benz. Engineered to move the human spirit. – Мерседес-Бенц. Следуй своей звездой!*

В целом парцелляция – одна из наиболее употребительных стилистических фигур в современном автомобильном слогане, содержащая в себе большой объем имплицитной информации, делает слоган более ярким, кратким, запоминающимся, т.е. является средством усиления выразительности. Ослабляя типологические различия между английским и русским языками автослоганов, парцелляция практически с одинаковой частотностью употребляется в данных языках. При переводе англоязычных слоганов на русский язык используются как лексико-семантические, так и грамматические трансформации, их сочетания, а также технические приемы перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. – М. : Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной ; редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта, Наука, 2006. – 696 с.
3. *Валгина, Н. С.* Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.

The paper considers peculiarities of parcelling in modern automobile slogans. As a result of the analysis the frequency of this stylistic device has been determined as well as the types of transformations used in the process of translation slogans from English into Russian.

В. И. Филиппева

Минск, МГЛУ

ТЕМА «ГОРОД» В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале английского и белорусского языков)

В статье приводятся результаты сопоставительного исследования общей значимой для англо- и белорусскоязычного художественного дискурса темы «Город», а также перечень общих и различных средств вербализации данной темы на двух языках. Общим является частотное употребление языковых единиц, описывающих улицы города, а также использование урбанонимов, различным – акцентуация разнообразных черт исследуемого объекта: внушительных масштабов города в англоязычном поэтическом дискурсе и красоты городских видов в белорусскоязычном. Для белорусскоязычного дискурса характерно частое использование лексемы *рукі*, чтобы привлечь внимание общественности на труд белорусского народа по восстановлению города после Второй мировой войны. В англоязычном дискурсе авторы часто ссылаются на различные этнические и религиозные группы как результат развивающейся в Америке политики мультикультурализма.

Данное исследование посвящено выявлению языковых средств репрезентации темы «Город» в поэтическом подтипе художественного дискурса на английском и белорусском языках. Интерес к ней обусловлен вхождением данной темы в перечень общих культурно-тематических доминант современного англо- и белорусскоязычного поэтического дискурса [1]. Тема определяется как «смысловое ядро текста, конденсированное и обобщенное его содержание» [2, с. 54].

Материалом для исследования послужили стихотворения на английском и белорусском языках, написанные современными американскими и белорусскими авторами в период с 2000 по 2016 г.

Результаты анализа материала свидетельствуют о наличии как общего, так и отличного в языковой реализации темы «Город» представителями двух лингвокультур. Общим является частое употребление языковых единиц, описывающих улицы города (*абжытыя вуліцы, вуліцы як летуценні, добра на вуліцах марыць, вуліцы зрадніліся з горадам, вуліцы ў шуме; screaming streets* ‘кричащие улицы’, *siren-tidal streets* ‘нескончаемый звук сирен на улицах’ и др.), репрезентация улиц города сопровождается положительной коннотацией – в городе царит дружелюбная благоприятная атмосфера (*a place of friends* ‘место для друзей’; *дружалюбны Мінск*). Также для поэтического дискурса на двух языках характерно частотное использование урбанонимов. Из них наиболее употребительными являются астионимы *Мінск* и *New York* (*мой любы Мінск, родны Мінск, Мінск у сэрцы жыве; Your New York is a place of friends* ‘Нью-Йорк – место для друзей’, *New York City could rival home* ‘Нью-Йорк может посоперничать с домом’), что обусловлено рядом геополитических факторов. Урбанонимы, указывающие на район/микрорайон города (*Brooklyn, East Village, Manhattan Island*), годонимы (*Broadway, Houston Street; вуліца Янкі Купалы, вуліца Горкага, вуліца Багдановіча, вуліца Маякоўскага, вуліца Веры Харужай* и т.д.) также весьма употребительны в исследуемом подтипе дискурса.

Различным в реализации темы «Город» является акцентуация внутренних масштабов города в англоязычном поэтическом дискурсе (*maddening iron-clad maze* ‘сводящий с ума железный лабиринт’, *megapolis lights* ‘огни мегаполиса’, *gigantic geometric warp* ‘гигантская геометрическая ткань’), в то время как в белорусскоязычном дискурсе акцент сделан на любви протагониста к городу, восхищении красотой городских видов (*горад любы песняру, (горад) прыгажэй усіх на свеце, Мінск у сэрцы жыве*).

Уникальным для белорусскоязычного поэтического дискурса является частотное употребление лексемы *рукі* при воплощении темы «Город», что обусловлено частым описанием авторами тяжелого труда белорусского народа по восстановлению разрушенного после Второй мировой войны города (*рукі будавалі горад, рукам удзячна кожная руіна, рабоце рукі не давалі стыць*).

Для англоязычного поэтического дискурса характерно наличие в тематических частях поэтических текстов упоминаний различных этнических и религиозных групп, что связано с политикой мультикультурализма. Так, авторы говорят о множестве народов, проживающих в городе, о разнице в их культурах и языках: *Iraqi cab driver* ‘водитель такси из Ирака’, *Polish English* ‘английский с польским акцентом’, *Hebrew prayers* ‘иудейские верующие’, *gossip Tagalog* ‘сплетни на тагальском языке’, *utterances in Spanish* ‘высказывания на испанском’ и др.). Мультикультурализм при реализации темы «Город» на английском языке находит отражение и в описании актуальных проблем жителей мегаполисов. Так, авторы поднимают вопрос миграции (*people kept arriving* ‘люди всё приезжали’, *migration continues* ‘миграция продолжается’, *universal race stew* ‘«расовое рагу»’), что, в свою очередь,

приводит к необходимости и возможности интеграции в американское общество (*how to live and move in two worlds at once* ‘как жить в двух мирах одновременно’, *how to feel of one place and of one more at once* ‘как принадлежать двум местам одновременно’).

Несмотря на то, что Беларусь является многонациональной страной, вопроса об ассимиляции разных этносов и народов в проанализированном белорусскоязычном поэтическом дискурсе выявлено не было.

В ходе исследования установлено, что для вербализации темы «Город» в поэтическом дискурсе на английском и белорусском языках характерно наличие как общего (преобладание топонимов, позитивная коннотация в описании города и др.), так и отличного (акцентуация военной тематики в белорусскоязычном дискурсе и мультикультурализма в англоязычном).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Метлушко, И. В.* Культурно-тематические доминанты художественного дискурса и языковые средства их реализации (на материале английского и белорусского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. В. Метлушко. – Минск, 2015. – 154 л.
2. *Новиков, Л. А.* Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – 2-е изд., испр. – М. : Едиториал : УРСС, 2003. – 300 с.

The article elaborates upon the findings of the comparative analysis of the common for English and Belarusian poetic discourse theme “City”. It also identifies the range of the common and different means of verbalisation of the given theme in the two languages. One of the common features is the frequent usage of linguistic units that describe urban streets and denote toponyms (referring to names of the cities, streets, places, etc). The difference lies in the emphasis of different peculiarities and distinctive features of cities: the impressive scale of the city was stressed in the English discourse, whereas in Belarusian – the magnificence and beauty of the city. Moreover, the comparative study outlined a range of linguistic units unique for each of the language.

В. В. Чалагаева
Минск, МГЛУ

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ТОНАЛЬНОСТИ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ГАЗЕТНОЙ ХРОНИКИ

Приводится анализ ряда работ по проблеме категории тональности, служащей эксплицированию эмоционально-оценочной информации в массмедийном дискурсе. Материал для исследования составляют 50 текстов англо- и русскоязычной газетной хроники из качественной прессы. Предпринята попытка выделить универсальные типы тональности, используемые в газетной хронике в обоих языках.

Человек реализует и воспринимает когнитивно-прагматические, культурные знания и ценности, а также коммуникативные способности в высказывании и дискурсе, облекая их в определенную тональность, которая является значимым средством репрезентации концептуальной информации, связанной с авторской картиной мира и интенцией сделать её достоянием читателя или зрителя.

Признавая объективное существование тональности, исследователи по-разному определяют это явление. В. И. Карасик трактует тональность как эмоционально-стилевой формат, обусловленный культурно-ситуативными традициями и установками участников общения [1, с. 219]. Интерпретационный характер тональности исследует С. Е. Тупикова, отмечая, что важнейшая функция рассматриваемой категории базируется на эмоционально-экспрессивной оценке, способствующей эксплицированию эмоциональной информации [2, с. 204].

Вслед за Т. О. Багдасарян под тональностью мы понимаем способ представления текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов [3, с. 14]. Посредством тональности передается 1) субъективное отношение автора к действительности; 2) квалификация событий с точки зрения автора; 3) стремление автора каким-то образом воздействовать на реципиента.

По-прежнему остается открытым вопрос о средствах актуализации тональности, что связано с их широким диапазоном: от жестов, мелодики, графики в письменной речи до собственно языковых средств. Мы считаем, что тональность репрезентируется на следующих языковых уровнях:

- морфологическом (эмоционально-экспрессивные междометия, формы повелительного наклонения, вводно-модальные слова);
- лексическом (эмоционально-экспрессивная лексика, изобразительно-выразительные средства, фразеологические обороты, эвфемизмы, слова, относящиеся к разговорной речи, и пр.);
- синтаксическом (экспрессивная инверсия, синтаксические повторы, цитирование, синтаксические конструкции с тире и многоточиями и пр.).

Исследователи выделяют многообразные типы тональности, основываясь на различных параметрах. Т. В. Матвеева сводит все многообразие типов тональности к положительной, отрицательной и нейтральной тональности. Т. О. Багдасарян, например, анализирует 36 типов, к которым относятся официальная, безразличная, недоверчивая, удивленная, взволнованная тональности и другие [3, с. 16–17]. В. И. Карасик выделяет 12 типов тональности: информативную, фатическую, шутовую, торжественную, манипулятивную и другие [1, с. 219]. Тем не менее мы не считаем данный список исчерпывающим, его можно продолжить.

В материал исследования вошли 50 текстов англоязычной телевизионной хроники, записанных на британских телеканалах BBC News, Sky

News, Channel 4. Вслед за Л. М. Майдановой и Л. Р. Дускаевой, под хроникой мы понимаем «жанр новостной журналистики, вторичный текст, представляющий собой подборку сообщений, констатирующих наличие события в настоящем, ближайшем прошлом или ближайшем будущем. Хроникальное сообщение – текст объемом от одного до трех-четырех предложений с общим смыслом «где, когда, какое событие произошло, происходит, будет происходить» [4, с. 80].

Несмотря на то, что средства выражения тональности функционируют на всех уровнях текста, анализируемый материал англоязычной телевизионной хроники исследовался на лексическом уровне. В результате были выделены 4 типа универсальной тональности для англо- и русскоязычной газетной хроники и определена универсальная тональность как гармоничная для данного типа дискурса [2, с. 205].

Ироничная тональность: *Барак Обама отметил, какой достойной была «первая леди» Штатов Мишель Обама, но заверил американцев, что его жена не станет метить в президенты. По словам президента со встречи его с жителями Луизианы, в жизни есть три постоянные – смерть, налоги и то, что Мишель не баллотируется в президенты США, передает РИА. Вместе с этим президент не забыл и о заслугах супруги как «первой леди» США. Сейчас от демократической партии на пост президента Штатов метит Хилари Клинтон – супруга экс-президента Билла Клинтона. Этим фактом оппоненты демократов из республиканской партии пользуются для нападков на Клинтон в избирательной кампании. Также известно, что собака-мэр маленького города Рэббит Хэш будет претендовать на пост президента США* (Советская Белоруссия, 15.01.16).

Примером использования ироничной тональности в англоязычном газетном дискурсе может служить следующий текст хроники из газеты “The UK Week» от 28.02.16: *Donald Trump’s White House bid is “insane” according to actor George Clooney. “This is an election cycle and we tend to go through some craziness”, he told The Telegraph when asked about Trump. “The idea that this xenophobic, fascist theory that we are going to ban Muslims from our country or we are going to kick 12 million Mexicans back down to the border and build a wall they are going to pay – none of this is ever going to happen.*

На лексическом уровне ироническая тональность репрезентируется прежде всего изобразительно-выразительными средствами, в частности, метафорами и лексическими единицами, относящимися к разговорной речи.

Пессимистичная тональность: *Рентабельность логистических услуг, оказываемых логистическими операторами, в большинстве случаев остается **крайне низкой**. А складские помещения – заполненными на 40%-60%. Об этом говорится в исследовании кафедры «МИТСО» по итогам 2015 года. Основные тенденции минувшего года в сегменте складской недвижимости: **рост количества вакантных площадей и расторгнутых контрактов; падение** арендных ставок и продажной стоимости квадратного метра; **изменение** структуры спроса; **отказ** многих*

девелоперов от строительства новых объектов складского назначения. Привлекательность инвестирования в строительство логистических центров в Беларуси значительно снизилась (Белорусы и рынок, 2016, № 5/ 1187).

*The World Health Organization has issued a **grave warning** about levels of pollution in many of the world's biggest cities. It claims that **poor air quality is killing millions and threatening** to overwhelm health services across the globe. The new data, described by the WHO as a "**health emergency**", could influence the UK government's decision over Heathrow expansion (The UK Week, 17.01.16).*

На лексическом уровне пессимистическая тональность репрезентируется прежде всего отрицательной экспрессивно-эмотивной лексикой, а также изобразительно-выразительными средствами. В английском языке экспрессивно-эмотивная лексика представлена такими признаковыми частями речи, как прилагательное, глагол и существительное, тогда как в русском языке – глаголами, причастиями, существительными и наречиями.

Положительная тональность: *Выбирай российское! В первую очередь хочется порадовать любителей семейного отдыха. С 1 января вступит в силу закон о компенсации средств, затраченных на отдых в Крыму, Карелии, на Камчатке. Семья, купившая в турагентстве путевки для отдыха в любом российском курорте, **вернет потраченные деньги практически в полном объеме**. Расчет возвращенной суммы будет зависеть от стоимости путёвки, которая не должна превышать 50 000 российских рублей (Союзное вече, 15.01.16).*

Примером использования ироничной тональности в англоязычном газетном дискурсе может служить следующий текст хроники из газеты «The UK Week» от 25.02.16: *Singer Adele last night won four Brit awards: **best British female solo artist, best album, best British single and the Global Success trophy**. Coldplay won **best British group**, bringing their career tally of Brits to nine and making them **the most successful act in the awards' history**.*

Использование представленных выше языковых средств репрезентации положительной тональности (положительная эмоционально-экспрессивная лексика) показывает общее одобрительное отношение автора к описываемым событиям и создает легко воспринимаемую зрителями положительную тональность.

Следующий тип тональности может быть определен как универсальный лишь для русскоязычной газетной хроники:

Торжественная тональность: *В Минске **торжественно** открылась 22 Минская международная книжная выставка-ярмарка. В ней примут участие гости из 29 стран (Советская Белоруссия, 11.02.16).*

Торжественная тональность данной газетной хроники передается лексемой, имеющей в качестве основной семы значение торжественности.

Нижеуказанный тип тональности выделяется как универсальный для англоязычной газетной хроники.

Критическая тональность: *The Daily Mail claims that “conman” Tony Blair presided over a “silent conspiracy” to change the face of Britain for ever with mass immigration. According to the report, Blair’s ministers were quietly instructed to wave tens of thousands of asylum seekers into the UK under cover of their being “economic migrants”. The aim of allowing in millions of people was to make the country “see the benefit of a multicultural society”, according to a book serialized in the paper* (The UK Week, 27.02.2016).

Критическая тональность проявляется в том, что в газетной хронике приводится несколько существенных критических замечаний в адрес Тони Блэра и министров, работающих под его руководством.

Таким образом, тональность – это коммуникативная категория, служащая эксплицированию эмоционально-оценочной информации в дискурсе, репрезентируемая на нескольких уровнях языка, в частности, лексическом, грамматическом и морфологическом. Результаты исследования позволяют резюмировать: для англоязычной телевизионной хроники универсальными типами тональности являются ироничная, пессимистичная, критическая, положительная тональности, тогда как в русскоязычной телевизионной хронике к универсальным типам можно отнести ироничную, пессимистичную, положительную и торжественную тональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Коммуникативная тональность медиадискурса / В. И. Карасик // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты / Е. А. Баженова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2014. – С. 218–229.
2. Тупикова, С. Е. Универсальные тональности жанра светской хроники публицистического дискурса / С. Е. Тупикова // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2011. – Вып. 2(94). – С. 203–207.
3. Багдасарян, Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. О. Багдасарян. – Краснодар, 2000. – 22 с.
4. Майданова, Л. М. Жанры публицистического стиля / Л. М. Майданова, Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 79–88.

The article considers the problem of detecting emotive evaluative information in newspaper discourse. The data for research includes 50 news-in-brief in the English and Russian languages. The analysis made it possible to single out types of sentiment, which are frequently employed in newspaper news-in-brief in both the languages.

Т. Ю. Щепачёва
Минск, МГЛУ

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В КИНОДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассмотрена проблема речевого поведения участников в конфликтной ситуации с целью выявления коммуникативно-прагматических характеристик и языковых средств реализации речевой агрессии в бытовых конфликтных ситуациях в англо- и русскоязычном кинодискурсе. На основании результатов сопоставительного анализа показано, что наиболее частотными тактиками, реализующими речевую агрессию, являются давление, возмущение и упрек. Также автор дает характеристику языковых средств, используемых для выражения речевой агрессии в англо- и русскоязычном кинодискурсе, и приходит к выводу о том, что коммуникативное поведение в конфликтных ситуациях в обеих лингвокультурах имеет схожий характер, что обусловлено скорее психоэмоциональными особенностями личностей коммуникантов и уровнем развития их морально-нравственных качеств, чем принадлежностью к той или иной языковой культуре.

На сегодняшний день речевая агрессия встречается в различных сферах коммуникации и является одной из главных причин нарушения продуктивности общения. Термин *речевая агрессия* в современных лингвистических и психологических исследованиях употребляется применительно к разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации участников коммуникативного акта, ситуациям проявления, формам словесного воплощения и целям, которые преследуют собеседники.

Ю. В. Щербинина определяет речевую агрессию как 1) грубое, оскорбительное, обидное общение и 2) словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме. Речевая агрессия может выражаться в форме угрозы, грубого требования, грубого отказа, обвинения, насмешки. По мнению автора, условиями проявления речевой агрессии в высказывании или речевой ситуации являются отрицательное коммуникативное намерение говорящего (например, унижить адресата, выразить негативные чувства и эмоции и т.п.); несоответствие высказывания характеру общения и «образу адресата» (например, фамильярное обращение в официальной обстановке; обращение только к одному собеседнику при групповом общении; обидные намеки в адрес собеседника и т.п.); отрицательные эмоциональные реакции адресата на данное высказывание (обида, гнев, раздражение и т.п.) и отражающие их ответные реплики (обвинение, упрек, отказ, выражение протеста, несогласия, ответное оскорбление и т.п.) [1].

В результате сопоставительного анализа репрезентации речевой агрессии, проведенного на материале англоязычных и русскоязычных фильмов, можно проследить сходство в поведении коммуникантов в англо- и русскоязычном

кинодискурсе, которое реализуется с помощью таких тактик, как давление, оскорбление, обвинение, угроза, возражение, возмущение и упрек, наиболее частотными из которых являются *давление, возмущение и упрек*.

Тактику давления мы рассматриваем как коммуникативное воздействие одного коммуниканта на другого с целью достижения поставленной цели, выполнения желаемого. Ее реализацию можно представить следующими маркерами. *Императивные высказывания*, выражающие запрет или побуждение к какому-либо действию, в английском языке реализуются с помощью глагола в форме повелительного наклонения (*Cut it! Get that cheap stud out of me ear!* ‘Прекрати! Достань эту дешевую сережку из моего уха!’). В русском материале обнаружены и другие формы глагола, выражающие функцию императива: глаголы в изъявительном наклонении 3-го лица единственного числа в прошедшем времени и 2-го лица единственного числа в настоящем или будущем времени (*Значит так, взяла животное и вынесла в чисто поле и вернулась!*). *Условные высказывания* как способ выражения давления встречаются как в англоязычном, так и русскоязычном дискурсе, но чаще в материале на русском языке (*Your door will be returned to you, Anna, if and when you can explain...* ‘Тебе вернут дверь, Анна, если ты объяснишь...’; *Хочешь со мной – будь со мной*). Использование модальных глаголов для языковой реализации обнаружено только в английском языке (*You have to disappear!*); высказывания, уточняющие сказанное, создают дополнительное воздействие на собеседника (*Do you understand?* ‘Ты понимаешь?’; *Слышишь?; Ты понимаешь, что...?*).

Под упреком мы понимаем высказанное или обращенное к кому-нибудь неудовольствие, неодобрение или укор.

(1) – *Get to the point, Annie. I'm busy. The guys are waitingg for me* ‘Ближе к делу, Энни. Я занят. Меня ждут ребята.’

– *You can't run out every time things get complicated here. The kids are sick!* ‘Ты не можешь уходить из дома всегда, когда появляются проблемы! Дети больны!’

– *They got calamine lotion. What do you want me to do? ...* ‘У них есть лосьон. Что ты хочешь, чтобы я сделал?’

(2) – *Бабка, ты че мне наготовила? Здесь один жир и холестерин! Я это есть не собираюсь!*

– *Я сколько раз тебя просила меня так не называть? Просто бабушка. Неужели так сложно?*

Тактика *в о з м у щ е н и я*, как правило, используется в начале сюжетного развития ссоры; обычно она представляет собой остро негативно заряженную реакцию на происходящее или конкретный поступок собеседника. В отличие от упрека, возмущение обычно несет более сильное эмоциональное напряжение и не всегда требует от адресата изменить ситуацию.

(1) – *Where are you going?* ‘Куда ты собираешься?’

– *I have something I've got to do* ‘Мне нужно кое-что сделать.’

– *Now?* ‘Сейчас?’

– *Are you capable of taking care of yourself for an hour? Do you need me here every minute, or what?* ‘Ты способна позаботиться о себе хотя бы на час? Я должен находиться рядом каждую минуту или что?’

(2) – *Давайте расставим точки над и?*

– *Какие точки над и? Ты кто такой вообще? Я тебя не звал точно! Мама, скажи ему, пускай он уходит!*

Тактики возмущения и упрека имеют тесную связь друг с другом: они обладают схожим характером языкового проявления, часто будучи взаимодополняющими. Поэтому разграничение данных тактик, с одной стороны, возможно при глубоком контекстуальном анализе, с другой – полностью обособить их невозможно, поскольку их объединяет негативное отношение коммуниканта к своему собеседнику или окружающей действительности. Поскольку у данных тактик имеется значительное количество сходных черт, в проведенном исследовании они рассматривались как одна гибридная тактика возмущение-упрек, обладающая рядом языковых средств. Общими для англо- и русскоязычного дискурса являются негативная экспрессивно-оценочная (*slime* ‘омерзительный’, *absurd* ‘абсурдный’, *gorilla* ‘горилла’, *тупой*, *водила*, *безалаберный* и т.д.), стилистически сниженная и бранная лексика, сравнение (*like a suspect* ‘как подозреваемый’, *like a kid* ‘как ребенок’; *как корова*, *как слон* и т.д.), экспрессивные усилители (*even* ‘даже’, *just* ‘только’, *right now* ‘прямо сейчас’, *always* ‘всегда’, *never* ‘никогда’, *absolutely* ‘абсолютно’; *что за*, *да*, *нет*, *ну*, *так*, *же*, *уже*, *ну и*, *вот что*, *даже*, *просто*), междометия (*My God!* ‘Господи’, *Jesus Christ* ‘Господи Иисусе!’, *Oh* ‘Ох!’; *Надо же!*, *Все!*, *Господи!*, *Ах!*, *Фу!*, *Блин!*), преувеличение *always* ‘всегда’, *never* ‘никогда’, *all* ‘все’, *10 000 times* ‘10 000 раз’; *все*, *всегда*, *весь двор*, *33 работы*, восклицательные предложения (полные или эллиптические), которые могут сопровождаться междометиями, например, *Jesus Christ, Dad!* *I went on a date!* ‘Господи, папа! Я пошла на свидание!’; *Блин, всегда так!* *Ты мне три дня назад чё сказал? Что мы пойдём. Чего ты обламываешь меня сейчас?*; вопросы-переспросы (– *Ease up there, love chop! Just ease up.* ‘Успокойся, пирожочек! Успокойся!’; – *Ease up? Ease up? Since I walked through that door, I have cooked, cleaned, scrubbed, chopped wood. I've waited on you, your dogs, your kids and your friends in the hopes that I would remember some shred of my life and now it is entirely clear to me why I've chosen to block it out!* ‘Успокойся? Успокойся? С того дня, как я перешагнула порог этого дома, я только и делала, что прислуживала тебе, твоим собакам, детям, друзьям с надеждой на то, что я вспомню хотя бы кусочек своей жизни, а теперь мне стало ясно, почему я решила заблокировать это в своей памяти.’; – *Катюша, но откуда такая грубость? Тетя Галя старалась и мы с панпой – тоже. – С панпой? А где мой панпа?*). Отличительной чертой англоязычного дискурса является активное использование междометий и инвективной лексики, которая неприемлема для русскоязычного дискурса. В русскоязычном материале отмечены такие маркеры, как фразеологические обороты (*яблочко от яблоньки недалеко падает*, *брюки через голову одевать*; *веревки вить*, *со*

свету сживатьь); риторический вопрос (*Когда же ты уже исчезнешь из моей квартиры?*); Будильник, пожалуйста, покажи мне этот счастливый час!); повествовательный вопрос, или самовопрос (*Ты мне три дня назад чё сказал? Что мы пойдём. Чего ты обламываешь меня сейчас?*); цитирование коммуникантом своего собеседника (*– И, правда, четыре. Ах, зараза ты маленькая. Это же надо, серьезная такая, да! А я ей и поверила. Нет, ты мне скажи, зачем ты на ней цифру пять написала?*); – *Прикольно...*; – *Нет, ну, надо же! Ей прикольно!*).

Таким образом, проанализировав и сопоставив способы выражения речевой агрессии в конфликтных ситуациях в кинодискурсе на английском и русском языках, мы обнаружили ряд схожих черт в поведении англоязычных и русскоязычных коммуникантов. Данные сходства обусловлены скорее психоэмоциональными особенностями личностей коммуникантов и уровнем развития их морально-нравственных качеств, чем принадлежностью к той или иной языковой культуре. Также необходимо учитывать и бытовую среду, в которой находились коммуниканты исследуемого кинодискурса: для нее характерен повышенный уровень искренности, вследствие чего участники общения не всегда придерживаются принципов кооперации и вежливости и используют плохо продуманные или, наоборот, умышленно грубые приемы достижения своей коммуникативной цели, что нередко приводит к проявлению речевой агрессии и развитию конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербинина, Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина [Электронный ресурс]. – Электронная библиотека RoyalLib.Com, 2010-2016. – Режим доступа : http://royallib.com/read/shcherbinina_yuliya/russkiy_yazik_rechevaya_agressiya_i_puti_ee_preodoleniya.htm l#9913. – Дата доступа : 05.05.2016.

The article is devoted to the study of communicative tactics and language peculiarities of their representation used to express aggressive behaviour in conflict situations. The research is based on the comparative analysis of the English and Russian cinematographic discourse.

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

Р. С. Барановский
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СИГНИФИКАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Выявлены особенности синтаксической и семантической структуры предложений, включающих сигнификативные глаголы. Основное внимание уделяется таким критериям, как возможность субституции глагола, приемлемость пассивных трансформов соответствующих предложений, а также ролевая структура последних. Установленные закономерности иллюстрируются конкретными предложениями с двумя сигнификативными глаголами. На основании выявленных особенностей поверхностной и глубинной структуры предложений, включающих в свой состав сигнификативные глаголы, делается вывод о том, что в семантической структуре таких глаголов могут быть выделены два лексико-семантических варианта, которые отличаются друг от друга и в то же время тесно взаимосвязаны.

В лексической системе английского языка имеется ряд глаголов, предназначенных по своей основной семантике для точной экспликации плана содержания некоторого терминологического знака (случай <1>) или для обобщенного, приблизительного указания на более абстрактный класс, к которому относится замещаемая термином понятийная сущность (случай <2>). В силу такой способности глаголов *denote*, *refer*, *designate*, *signify*, *mean* и др. соединять две стороны знака – форму, т.е. внешнюю оболочку в виде термина, и понятийное содержание терминологического знака, т.е. сигнификат [1, с. 444], – эти глаголы названы нами *сигнификативными*.

В случае <1> рассматриваемые глаголы соединяют термин и его дефиницию. Поскольку дефиниция указывает (в идеальном случае) на весь набор существенных признаков понятия, по которым последнее можно было бы однозначно распознать, то между правым и левым окружением сигнификативного глагола наблюдаются отношения истинной эквивалентности. Особенности поверхностной структуры таких предложений заключаются, во-первых, в возможности субституции сигнификативного глагола на прототипическую связку *be*, лексическое значение которой характеризуется предельной абстрактностью, во-вторых, в специфичности или невозможности применения активно-пассивной трансформации:

(1) *The verbal primary time **denotes** the absolute timing of the process.*

(1a) *The verbal primary time **is** the absolute timing of the process.*

(1б) **The absolute timing of the process is denoted by the verbal primary time. (The absolute timing of the process **is denoted** by the **term / category** “verbal primary time” ← The **term** “verbal primary time” **denotes** the absolute timing of the process.)*

Из примера (1) и попыток его трансформации – (1а) и (1б) – видно, что глагол *denote* проявляет в таких случаях сходство со связками: он может быть заменен на бытийную связку без порождения грамматически аномального построения, хотя, возможно, с некоторой модификацией семантики – (1а). Также видно, что мнимый пассивный трансформ предложения (1), заключенный в скобки в (1б) и расположенный до знака «←», на самом деле не является таковым, поскольку связан трансформационными отношениями с предложением, включающим оператор терминологических отношений *term / category / notion* (после знака «←»). Пассивные формы без подобного оператора грамматически не отмечены.

Похожие закономерности прослеживаются и в предложениях с глаголом *refer*. Рассмотрим следующее предложение:

(2) *Markers refer to features which the item has in common with other items.*

Глагол *refer* допускает и здесь субституцию на бытийную связку:

(2а) *Markers are features which the item has in common with other items.*

Имеется также мнимый пассивный коррелят данного предложения:

(2б) *Features which the item has in common with other items are referred to as markers.*

Однако при более последовательном теоретическом исследовании окажется, что трансформ (2б) коррелирует не с исходным предложением (2), а с объектной вторично-предикативной конструкцией следующего вида (на это косвенно указывает союз *as* вместо предлогов *by* или *with*):

Linguists refer to features which the item has in common with other items as markers.

С точки зрения ролевой (семантической) структуры предложения типа (1) и (2) характеризуются двухместной пропозицией $P_e (Obj, Ess)$, где P_e – предикат эквивалентности, *Obj* (объектив) – семантема неодушевленного аргумента, являющегося исходным объектом отношений эквивалентности [2], *Ess* (эссив) – семантема, обозначающая устойчивое или продолжительное состояние [3, с. 528] (отношения эквивалентности являются, как правило, вневременными и устойчивыми). Левое окружение сигнификативного глагола экспонирует аргумент *Obj*, а его правое окружение – аргумент *Ess*.

В случае <2> между левым и правым окружением сигнификативного глагола складываются мнимые отношения эквивалентности, поскольку экспликации существенных признаков первого понятия не наблюдается, а имеет место дейктический акт референции, т.е. указание на обобщенный диапазон референции термина. Этот случай можно проиллюстрировать следующими примерами:

(3) *Statal verbs denote the state of their subject.*

(4) *Middle English borrowings refer to various fields of social-political, scientific and cultural life.*

Принципиальное отличие предложений (1), (2) от предложений (3), (4) сигнализируется как особенностями поверхностной (синтаксической) структуры, так и глубинной (семантической) структуры. Предложения (3), (4) не

допускают субституции сигнификативного глагола на бытийную связку (ср. аномальность (3а) и (4а)) и имеют соответствующие прямые пассивные трансформы (ср. допустимость (3б) и (4б)):

(3а) **Statal verbs are the state of their subject.*

(4а) **Middle English borrowings are various fields of social-political, scientific and cultural life.*

(3б) *The state of the subject is denoted by statal verbs.*

(4б) *Various fields of social-political, scientific and cultural life are referred to by means of Middle English borrowings.*

Вышеприведенные примеры и попытки их трансформации показывают, что в предложениях с семантикой мнимой эквивалентности сигнификативные глаголы проявляют свойства полнозначных глаголов, правое окружение которых является дополнением.

Ролевая структура предложений типа (3) и (4) характеризуется следующей двухместной пропозицией – P_r (*Med*, *Obj*), где P_r – предикат референции (мнимой эквивалентности), *Med* (медиатив) – семантема, обозначающая неодушевленный аргумент средства осуществления действия, указанного предикатом [2] (в нашем случае это средство референции), а *Obj* (объектив) – семантема, обозначающая объект действия, указанного предикатом и достигаемого обозначенным средством (в нашем случае – объект референции). Левое окружение сигнификативного глагола экспонирует аргумент *Med*, а его правое окружение – аргумент *Obj*.

Впрочем, имеются также разумные основания полагать, что пропозиция в данном случае трехместная и включает еще функцию *Exp* (экспериенсив), т.е. семантему одушевленного аргумента, находящегося в некотором физиологическом или психическом состоянии [2] (в нашем случае это состояние ментальное, психическое), которая, однако, регулярно остается без поверхностного выражения в силу обобщенности. Но для настоящего изложения констатации двухместной пропозиции достаточно, поскольку это облегчает изложение и не вносит значимых искажений в результаты исследования.

В конкретных текстах часто встречаются также предложения следующего вида:

(5) *The term “verbal primary time” denotes the absolute timing of the process.*

Как видно из сопоставления предложения (5) с предложением (1), первое отличается от второго лишь наличием оператора терминологических отношений. Тем не менее это вносит существенные модификации и в поверхностную, и в глубинную структуры предложения, которые в большей степени соответствуют случаю <2>, чем случаю <1>. Левое окружение глагола получает поверхностную структуру «подлежащее + приложение», причем приложение вступает в отношения равнозначности с правым окружением глагола. Субституция глагола на бытийную связку не допускается. Активно-пассивная трансформация, наоборот, допустима:

(5а) *The absolute timing of the process is denoted by the term “verbal primary time”.*

Следовательно, глагол целесообразно трактовать в (5) как полнозначный, а его правое окружение – как дополнение. Пассивный трансформ (5a) рассматриваемого предложения (5), в свою очередь, косвенно свидетельствует, что семантическую структуру предложения (5) можно квалифицировать как пропозицию $P_r (Med, Obj)$, где функция *Med* экспонируется левым окружением глагола, а функция *Obj* – его правым окружением.

Подводя итог всему сказанному, отметим, что в семантической структуре сигнификативных глаголов английского языка могут быть выделены два четко противопоставленных и одновременно взаимосвязанных лексико-семантических варианта – ‘истинная эквивалентность’ и ‘мнимая эквивалентность (дейктический акт референции)’. Важно также, что семантическое различие между этими двумя аллолексами находит свое отражение на уровне синтаксического функционирования этих глаголов, своеобразно проявляясь в трансформационном потенциале и в ролевой структуре соответствующих предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
2. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. – 203 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Сов. Энцикл., 1969. – 608 с.

The author singles out a special semantic group of English verbs called significant verbs. The aim of the research is to reveal the peculiarities of the syntactic and semantic structure of the sentences containing such verbs. It may be concluded that the semantic structure of the verbs under analysis contains two distinct lexico-semantic variants (allomorphs) which clearly influence both the transformational potential and role structure of the corresponding sentences.

Е. В. Войтишенюк

Гомель, ГГТУ им. П. О. Сухого

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЗАПРОСА ИНФОРМАЦИИ В ЖАНРЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ ТЕЛЕБЕСЕДЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (на материале англоязычных телепрограмм)

Рассмотрены синтаксические средства реализации семантической стратегии запроса информации, используемой телеведущим в диффузном жанре интерактивной телебеседы, на материале англоязычных телепрограмм в медийном дискурсе. Наиболее типичными синтаксическими средствами запроса информации в данном жанре являются вопросительные предложения в речи ведущего. Анализируются типы вопросов, причины их

употребления ведущим при запросе информации. Полученные данные могут быть использованы в исследованиях, посвященных прагмалингвистическому контрастивному анализу жанров в публицистических англоязычных текстах медийного дискурса.

В ходе развития инновационных технологий, которые затрагивают и средства массовой коммуникации (печатные издания, радио и телевидение), к информационным каналам активно подключается Интернет и тем самым изменяет их традиционный вид. В нашем исследовании мы обращаем внимание на такой подтип медийного дискурса, как телевизионный, поскольку телевизионные жанры стали активно взаимодействовать с жанрами интернет-дискурса. В результате этого взаимопроникновения развиваются диффузные жанры. Диффузия жанров в целом определяется нами как процесс взаимодействия и взаимовлияния языковых средств, а также элементов структур двух и более жанров, в результате которого образуется особая жанровая модель, обладающая собственной прагмалингвистической организацией и целью в рамках медийного дискурса. Под диффузией жанров мы понимаем процесс взаимодействия жанров *телебеседы* и *интернет-блога*, ведущий к возникновению особой жанровой модели, именуемой *интерактивная телебеседа*, обладающей собственной прагмалингвистической организацией и целью в рамках медийного дискурса.

Анализ проводится на материале англоязычных телепрограмм «Q&A», которые представляют собой беседы на актуальные темы между ведущим, приглашенными экспертами и телезрителями. Одним из каналов связи с аудиторией служит блог, в котором объявляются темы программ, пользователи могут оставить свои вопросы, а также прокомментировать записанные программы. Цель жанра интерактивной телебеседы – вовлечь адресата в активную коммуникативную деятельность с тем, чтобы стимулировать желание задать вопрос и получить ответ в рамках обсуждаемой темы посредством таких каналов, как интернет-блог и телепрограмма.

В результате диалога со зрителем через комментарии в блогах рождаются темы новых выпусков передач. Поскольку одной из задач жанра интерактивной телебеседы является привлечение аудитории к участию в дискуссии онлайн или посредством блога, запросы телезрителей оказываются тем главным ориентиром, на который опирается автор телепрограммы. Поэтому в ходе телебеседы ведущий заинтересован организовать диалог с приглашенным в студию экспертом так, чтобы не только представить его с положительной стороны, но и стимулировать эксперта к ответу на актуальные вопросы телезрителей, т.е. максимально реализовать потребности аудитории. Для осуществления успешного речевого воздействия, эффективность которого определяется мерой совпадения цели воздействия и его результата [1, с. 48], ведущему телепрограммы необходимо владеть коммуникативными стратегиями и тактиками. Мы присоединяемся к мнению Е. В. Лавренко, которая, ссылаясь на таких исследователей, как О. Я. Гойхман, Г. А. Золотова, О. С. Иссерс, Т. Н. Никульшина, Е. М. Верещагин, Е. В. Клюев, А. В. Уржа, делает вывод о том, что коммуникативная

стратегия включает в себя комплексное планирование процесса воздействия на адресата в ходе речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения, личных особенностей партнеров по коммуникации, их коммуникативных целей, прогнозирование результатов общения, а также осуществление этого плана. Тактика же представляет собой комплекс речевых приемов построения текста для достижения поставленных целей в конкретной ситуации общения на некотором этапе коммуникации [2, л. 24; 3].

По мнению О. С. Иссерс, с функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические и когнитивные) и вспомогательные (коммуникативно-ситуационные) речевые стратегии [4, с. 107]. Анализ англоязычных телепрограмм, показывает, что ведущий использует основную семантическую стратегию запроса информации, реализуемую синтаксическими языковыми средствами, а именно вопросами разного типа. Проанализировав 10 телепрограмм, отметим, что вопросы, реализующие стратегию запроса информации, в зависимости от адресанта и времени можно разделить на три класса: 1) вопросы, оставленные зрителями в блоге; 2) вопросы ведущего; 3) непредвиденные, спонтанные вопросы зрителей, возникающие в ходе программы. В процессе анализа мы выявили следующие типы вопросов: общие, специальные вопросы общего характера, специальные вопросы с апелляцией к мнению эксперта, вопросы с прямым обращением, разделительные вопросы и вопросы-утверждения, используемые для уточнения смысла.

Рассмотрим примеры реализации стратегии запроса информации в речи ведущего. В большинстве случаев они представлены специальными вопросами, в которых прослеживается апелляция к мнению эксперта. Так, Тони Джоунз спрашивает эксперта, что думает лично он по поводу беседы, почему он сожалеет о сложившейся ситуации: *TONY JONES: OK. What do you think about the discussion? Why are you sorry? What's wrong with that?*

Достаточно распространены вопросы с прямым обращением к эксперту по имени, после чего следует специальный, условный или общий вопрос: *Germaine, what do you think? Lisa, does Shakespeare mean anything to a young woman from Tasmania? A final question for Germaine – will you come back later in the year and talk to us a whole program on Shakespeare ...?*

Для ведущего типично озвучивать вопросы телезрителей, после чего повторять их своими словами. К примеру, косвенный вопрос может смениться общим вопросом с повтором некоторых глаголов: *That does bring up the point that our questioner Margaret has made. She asks whether or not women **should be** more responsible for being in these abusive relationships? **Should they be** accountable in some way for being in these relationships?*

Из данного примера видно, что первое предложение ведущий вводит для обозначения темы (*Это действительно поднимает тему, которую задала Маргарет*). Далее следует косвенный вопрос (*Она спрашивает, следует ли*

женщинам быть более ответственными за то, что они оказались в этих оскорбительных отношениях?). После этого ведущий перефразирует вопрос, повторяя модальный глагол *should* (Должны ли они нести ответственность в некотором роде за то, что находятся в этих отношениях?). Такие вопросы-переспросы, по нашему мнению, помогают телезрителю сконцентрироваться на сути самого вопроса и, соответственно, на сути ответа.

Косвенные вопросы с вводной конструкцией *I hope, I think* и т.д. могут служить для уточнения информации, поскольку в них выражена неуверенность ведущего относительно обсуждаемых деталей. Поскольку на такой вопрос ожидается утвердительный либо отрицательный ответ, мы предполагаем, что они используются ведущим для верификации уже полученной ранее информации, на основе которой он может выстроить следующий вопрос. Рассмотрим следующий пример:

TONY JONES: I'll go back to Margaret. I hope I haven't mischaracterised what you said.

MARGARET MCARTHUR: No.

TONY JONES: Are you trying to make the case that women need to take more personal responsibility for the violent situations they find themselves in?

В первом предложении Тони снова обращается к Маргарет и уточняет, правильно ли он интерпретировал ее слова (*Я надеюсь, я не понял превратно то, что вы сказали*). После ответа ведущий задает следующий общий вопрос (*Вы пытаетесь сделать так, чтобы женщинам необходимо было нести больше собственной ответственности за насильственные ситуации, в которых они оказываются?*), на наш взгляд, основанный на уточнении предыдущего сказанного факта, который ведущий озвучивал ранее.

В качестве уточнения информации отметим использование разделительных вопросов, когда ведущий уверен в тех фактах, о которых знает, и просто подтверждает их: *This is the sort of Theodore's point, isn't it?*

Уточнение может происходить и тогда, когда ведущий прерывает длинную речь эксперта коротким вопросом с прямым порядком слов, который по своей грамматической структуре выглядит как утверждение, по смыслу напоминает вывод, но интонационно звучит как вопрос, на который ожидается ответ. В следующем примере ведущий прерывает речь эксперта и уточняет: *Итак, вы говорите, что надо сдать/все бросить?* Но, как видно из дальнейшего ответа, имелось в виду совсем не это. Эксперт утверждает, что все оставить как есть все равно не удастся, поскольку человечество придет к некой форме многонационального налогообложения, но пройдет немало войн, пока оно этого достигнет. Далее следует долгое объяснение, которое ведущий опять прерывает вопросом (*Вы просто не доверяете их исследованиям?*). На этот вопрос мы видим положительный краткий ответ: *Вы правы:*

TONY JONES: So you're saying give up?

GERMAINE GREER: No, I'm not saying give up, because we will eventually arrive at some form of multinational taxation, but we might have to fight a few wars before we get there. It's not going to be easy, and it's a fact about taxation ...

TONY JONES: You don't trust their research?

THEODOREDALRYMPLE: Quite right.

В вопросах *So you're saying give up?* и *You don't trust their research?* наблюдается прямой порядок слов, что делает их похожими на утверждения. Такие уточнения в данном случае помогают сэкономить время и увидеть суть обсуждаемого вопроса.

В ходе анализа синтаксических средств реализации стратегии запроса информации нами были выявлены вопросы трех классов: вопросы от зрителей, оставленные в блоге; вопросы ведущего; непредвиденные, спонтанные вопросы зрителей, возникающие в ходе программы. В данном исследовании мы рассматривали вопросы второго класса, т.е. вопросы ведущего. Такие типы вопросов, как специальные, в которых прослеживается апелляция к мнению экспертов, косвенные вопросы, сменяющиеся общими вопросами с повтором, реализуют стратегию запроса информации. Косвенные и разделительные вопросы, а также вопросы с прямым порядком слов, по смыслу и структуре похожие на утверждения или выводы, но интонационно звучат как вопросы, на которые ожидается положительная либо отрицательная реакция, употребляются для уточнения запрашиваемой информации, а также помогают сэкономить время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Целеобразование в коммуникации. Оптимизация речевого воздействия / Б. А. Ермолаев [и др.]; под ред. Р. Г. Котова. – М., 1990. – С. 46–55.
2. *Лавренко, Е. В.* Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе (на материале британского и американского вариантов английского языка): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Лавренко. – Минск, 2008. – 120 л.
3. *Золотова, Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.
4. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 4-е изд. – М. : УРСС, 2006. – 288 с.

The repertoire of syntactic means of realization of the strategy of information request used by a TV presenter in the diffuse genre of interactive TV-discussion on the material of English TV-programmes in media discourse is presented in this article. The most typical syntactic means of information request in this genre are interrogative sentences in the speech of a TV presenter. Different types of questions are analyzed as well as some reasons for their usage. The data obtained can be used in further studies of the pragmatics of media genres in different linguacultures.

О. А. Гергиев
Минск, МГЛУ

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЙ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В рамках прагматического аспекта функционирования местоимений в англоязычной и белорусскоязычной публичной речи на культурно-исторические темы анализируются личные и притяжательные местоимения, репрезентирующие категорию адресанта. Рассмотрены случаи как прототипического (включающего говорящего), так и непрототипического (исключающего говорящего) употребления местоимения *мы*. Показано, что использование в публичной речи местоимений является эффективным средством достижения цели убеждения.

Местоимения как непростые в описании элементы языка всегда приковывали к себе пристальное внимание ученых-лингвистов. Традиционный вопрос, поднимаемый исследователями, касается местоименного значения. В силу отсутствия денотативного компонента семантика местоимений размыта. Референциальный же компонент в каждом новом речевом акте появляется заново. Такая семантическая неопределенность делает местоимения прагматически богатым классом слов [1, с. 43].

В пределах предпринятого анализа прагматических функций местоимений в англоязычной и белорусскоязычной публичной речи на культурно-исторические темы нами рассмотрены не все местоимения, а лишь те, которые репрезентируют категорию адресанта. К таким местоимениям в анализируемых языках относятся личные (*я, мы, I, we*) и притяжательные (*мой, наши, ту, mine, our(s)*).

Наибольший интерес представляет местоимение первого лица множественного числа *мы*. Давно замечено, что оно не является «простой плюрализацией» личного местоимения *я* [2, с. 266], т.е. «мы означает 'я' + 'кто-то другой'» [1, с. 58]. Безусловно, встречаются случаи, когда *мы* = 'я' + 'я' + 'я'... Это ситуации употребления так называемого *хорового мы (choral we)* [3, р. 10]. В качестве примера можно привести политическую демонстрацию, церковную службу или скандирование фанатами футбольных слоганов. Однако такие случаи очень редки и скорее составляют исключение из правила. Чаще всего вторым компонентом *мы* является либо адресат сообщения, либо третье лицо, непосредственно не участвующее в общении. Исходя из этого, некоторые языки различаются по принципу включения/исключения адресата из области референции местоимения *мы*. Однако английский и белорусский языки не дифференцируют на морфологическом уровне *мы*-инклюзивное и *мы*-эксклюзивное, что в действительности еще больше увеличивает прагматический потенциал данного местоимения. Неочевидность второй составляющей *мы* позволяет говорящему прибегать к различным речевым манипуляциям в отношении адресата [4].

Так, используя в своем выступлении личное местоимение *мы* и посессив *наш*, оратор солидаризируется с адресатом и тем самым создает эффект общности и единения с публикой: *This is an enormous achievement. One that we have done together. It serves our country well; will serve it further in the future. It is something we will and must cherish* ‘Это огромный успех. Успех, которого мы добились все вместе. Это достижение приносит огромную пользу нашей стране и будет приносить ее в будущем. Это то, о чем мы должны и будем заботиться’; *Мы з вамі сведкі таго, як поўным ходам ідзе інфармацыйнае проціборства.*

Приведем еще один пример: *Я хацеў бы завяршыць сваю ўступную прамову і пажадаць нам усім паспяховай працы ў Кансультацыйным савеце.* Оратор благодаря местоимению *мы* кооперируется со слушающими, показывает свою вовлеченность в общее дело. Сравните: *Паважаныя калегі, я жадаю вам, каб праблемныя пытанні абмяркоўваліся плённа, цікава і ярка.*

Вместе с тем использование *мы* вместо *я* дает возможность говорящему спрятаться за неоднозначным референтом [5, p. 234] и частично снять с себя ответственность, т.е. разделить ее либо со слушающими, либо с третьими лицами, не участвующими в общении: *Years ago, before coming to the government, I said that we would make the arts and culture part of our “core script”* ‘Несколько лет назад, еще до моего прихода в правительство, я заявил, что вопросам культуры и искусства мы отведем центральное место в нашей программе’; *Перад намі стаіць важная і адказная задача па рэалізацыі плана юбілейных мерапрыемстваў, зацверджаных пастановай Савета Міністраў. Але выканаць яе дастойна мы зможам толькі разам і толькі тады, калі ў кожнага з нас у сэрцы будуць гучаць словы Максіма Багдановіча.*

В то же время местоимения *мы* и *наш*, выражая коллективный субъект, т.е. некую группу людей, используется с целью дистанцирования от другой группы, которое проходит по линии «свой–чужие»: *I read recently that London is home to more billionaires than any other city on the planet. One of the reasons such people choose to live here is our world-beating cultural scene and there’s no reason why they can’t do more to support it* ‘Недавно я прочитал, что в Лондоне живет больше всего миллиардеров, чем в любом другом городе на планете. Одна из причин, почему они выбирают именно Лондон, кроется в нашей уникальной культуре. Однако нет объяснения тому факту, почему они не могут оказать ей поддержку’; *Я думаю, што і на нашу з вамі працу хтосьці паспрабуе навесіць нейкія ярлыкі – што, маўляў, у Беларусі ізноў уздымае галаву нацыяналізм і гэтак далей...*

Во всех приведенных выше примерах в местоимении *мы* присутствует компонент ‘я’. Однако в некоторых случаях ‘я’ может практически исключаться из ‘мы’: *докторское мы (medical we)*. В целом местоимение первого лица множественного числа с референциальной точки зрения является самым сложным из всех местоимений [6, p. 33].

В публичной речи нами отмечены случаи использования так называемого директивного *мы* (*directive we*): *Мы не павінны дапусціць падобных пралікаў пры рэалізацыі праграмы “Культура Беларусі” на 2016–2020 гады. Выкананне яе заданняў з першых дзён рэалізацыі будзе знаходзіцца пад пільным кантролем Міністэрства культуры.* В данном случае местоимение *мы* выполняет функцию вежливости. В действительности *мы* подразумевает *вы*, однако использование местоимения второго лица множественного числа создает угрозу коммуникативному имиджу адресата [7, p. 325]. Поэтому оратор, предпочитая *мы*, сокращает социальную дистанцию и тем самым увеличивает вероятность выполнения адресатом той или иной просьбы. Приведем еще несколько примеров, где *мы* выступает в качестве средства коммуникативного смягчения: *But culture comes in many forms and we need to recognise that too...* ‘Культура существует в различных формах, и мы тоже это должны с вами понимать...’; *Пры гэтым я заклікаў бы ўсіх нас быць рэалістамі і не патрабаваць адразу і ўсё, і ў матэрыяльным выглядзе, скажам так.*

Местоимение *мы* и посессив *наш* часто используются с целью выражения эмоциональной или социальной связи говорящего с определенной группой. Чаще всего в роли такой группы выступает народ, страна. В таких случаях говорящий может и вовсе исключаться из области референции местоимения *мы*: *Аснова паразумення з суседзямі і светам – у нашай ваеннай гісторыі. Гэтае адзінства выратавала нас у ваенны перыяд.* Во втором предложении форма *нас* не подразумевает говорящего, поскольку тот не является исполнителем действия. Очевидно, что оратор не принимал участие в войне, однако местоимением *мы* он демонстрирует свою эмоциональную связь с нацией.

Что же касается местоимений первого лица единственного числа, то спектр прагматических функций здесь гораздо уже, чем у местоимений *мы* и *наш*. Так, в следующем примере оратор, используя местоимение *я*, берет на себя всю ответственность за сказанное: *I’ll be encouraging philanthropists to support culture right across the UK* ‘Я буду стремиться к тому, чтобы филантропы оказывали поддержку культуре по всему Соединенному Королевству’.

Еще одним прагматическим аспектом использования местоимений *я* и *мой* является желание говорящего представить себя в лучшем свете: *So, I’m delighted that broadening access and opportunities to the arts is a priority for my department* ‘Я рада, что расширение доступа и возможностей для населения в сфере искусства является приоритетной задачей моего министерства’; *Я не скарджуся. Я магу паехаць у іншыя краіны, ды і ў нашай вывесіць афішы, і людзі прыйдуць, і купяць білеты менавіта на тым кошыце, што мы ўстанавім.* В данных примерах выступающие демонстрируют свой более высокий по отношению к адресату социальный статус.

В целом анализ показал, что использование оратором личных и притяжательных местоимений является эффективным средством достижения основной цели публичной речи – убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Лингвопрагматические особенности личных местоимений / Б. Ю. Норман // Лингвистическая прагматика: На материале русского и других славянских языков : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – С. 43–62.
2. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. *Daniel, M.* Understanding inclusives / M. Daniel // *Clusivity. Typological and case studies of the inclusive-exclusive distinction* / ed. E. Filimonova. – Amsterdam; Philadelphia, 2005. – P. 3–48.
4. *Норман, Б. Ю.* Русское местоимение мы : внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // *Russian Linguistics*. – 2002. – Vol. 26, № 2. – С. 217–234.
5. *Pyukkö, R.* Who is 'we' in Russian political discourse / R. Pyukkö // *Us and others : social identities across languages, discourses and cultures* / ed. A. Duszak. – Amsterdam; Philadelphia, 2002. – P. 233–248.
6. *Helmbrecht, J.* Grammar and function of we / J. Helmbrecht // *Us and others : social identities across languages, discourses and cultures* / ed. A. Duszak. – Amsterdam; Philadelphia, 2002. – P. 31–50.
7. *Du Bois, I.* Grammatical, pragmatic and sociolinguistic aspects of the first person plural pronoun / I. Du Bois // *Subjectivity in language and discourse* / ed. N. Baumgarten, I. Du Bois, J. House. – Bingley, 2012. – P. 319–338.

The paper is focused on the pragmatic functions of the first person singular and plural pronouns in British and Belarusian public speeches. It is shown that the pronouns are an effective means of persuading the audience.

Л. Е. Качалова

Минск, МГЛУ

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИИ «УЧИТЕЛЬ → УЧЕНИК» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассмотрены особенности речевого поведения ведущего участника коммуникации ситуации «учитель → ученик» в рамках употребления в речи грамматических средств воздействия на английском и русском языках. Выявленные сходства и различия представлены с учетом специфики функционирования в речи наиболее частотных речевых приемов грамматического характера на обоих языках.

Коммуникативная стратегия речи как «способ реализации замысла предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата» [1, с. 189]. Схожей точки зрения придерживается польский исследователь Я. Микуловски-Поморски, который пишет, что коммуникация в процессе развертывания речевой ситуации всегда носит намеренный характер, т.е.

«адресант может желать быть правильно (хорошо) понятым, чтобы создать у адресата определенное впечатление, убедить его, уговорить или импонировать ему» (Цит. по: [2, с. 468–469]), что достигается посредством реализации используемых в речи приемов грамматического, лексического и стилистического характера. Так, в данной работе мы сконцентрируем наше внимание на специфике употребления в речи адресанта грамматических средств, через которые реализуется коммуникативная интенция педагогического воздействия, а также представим выделенные в процессе анализа речевого поведения ведущего участника коммуникации сходства и различия на английском и русском языках.

Речевые ситуации «учитель → ученик» относятся к педагогическому дискурсу и были выделены из художественных произведений второй половины XX – начала XXI в. на английском и русском языках. Их суммарное количество составило 186 единиц: 112 и 74 речевые ситуации на английском и русском языках соответственно.

Рассмотрим специфику функционирования грамматических единиц языка в речи ведущего участника коммуникации на обоих языках. Приводимая ниже табл. 1 иллюстрирует выборку речевых приемов грамматического характера, выявленных в речи адресанта рассматриваемого типа коммуникативной ситуации. Не только в качественном, но и в количественном отношении (1215 и 648 единиц, извлеченных из материала исследования на английском и русском языках соответственно) полученная выборка грамматических средств является неравнозначной для обоих языков: в англоязычном практическом материале грамматические средства представлены достаточно шире, чем в русскоязычном.

Таблица 1

Соотношение грамматических средств
в коммуникативной ситуации «учитель → ученик»

Грамматические средства	Источники выборки			
	англоязычные		русскоязычные	
	количество	%	количество	%
модальные глаголы	274	22,5	61	9,4
вопросительные предложения	225	18,5	110	17
императивы	175	14,4	203	31,3
местоимение <i>мы</i>	151	12,4	39	6
условные предложения	89	7,3	20	3
синтаксические конструкции	79	6,5	4	0,6
степени сравнения	59	4,9	17	2,6
герундий/ причастие	56	4,6	-	-
пассивные конструкции	43	3,5	1	0,2
неопределенные местоимения	42	3,5	4	0,6
восклицательные предложения	18	1,5	161	24,8
инверсия	4	0,3	28	4,3
Всего	1215		648	

Из табл. 1 следует, что в речи ведущего участника коммуникации на английском языке, в зависимости от частоты употребления, преобладают модальные глаголы, вопросительные предложения, императивы, местоимение *we*, составляющие в совокупности 67,8 % относительно других средств данного речевого приема. В свою очередь в речи адресанта на русском языке преобладают императивы, восклицательные и вопросительные предложения, составляющие 73,1 % соответственно.

Модальные глаголы, процент выраженности которых в речи рассматриваемого участника коммуникации ситуации «учитель → ученик» на английском языке составляет 22,5 %, занимают доминирующую позицию на фоне остальных единиц грамматического характера, в то время как в русскоязычных источниках выборки они составляют лишь 9,4 %, что более чем в два раза меньше. Заметим, что если в англоязычной речи адресанта наиболее употребляемыми глаголами являются модальные глаголы *can/could* ‘мочь/уметь’, *may/might* ‘возможно’ (выражают вероятность действия), *need* ‘нужно/надо’, *have to* ‘приходиться’ и *should* ‘следует’, то в русскоязычной речи чаще всего присутствуют такие модальные глаголы, как *мочь/уметь* и *нужно/надо* (табл. 2). Остальные глаголы, относимые к разряду модальных, в обоих языках представлены единичными случаями употребления в речи либо отсутствуют вообще. Приведем примеры из практического материала исследования: *I bet you can find lots to research based on your observations and the questions you have... Then you can include some personal anecdotes, which will really liven up your presentation... [A1, p. 133]; If you connect with a character, then you'll be able to tell me..., or if you are reminded of a different story, then you might be able to make... And if you really connect with your story, then you might also be able to tell me how it helps you in your life [A1, p. 237]; **He надо было** мне вмешиваться! Какая разница: сначала над тобой издевались, теперь ты над Куликовой. От перемены фамилии ничего не изменилось... А разве сильной можно быть только за счет других?.. [B1, с. 277–278].*

Относительно употребления в речи адресанта императивов прослеживается следующая тенденция: в речи ведущего участника коммуникации на русском языке они употребляются в два раза чаще, составляя 31,3 %, чем в речи адресанта на английском языке (14,4 %). В обоих языках преобладает стандартная форма построения императива *Do* ‘Сделай/Сделайте’ – побуждение адресата речи к выполнению какого-либо действия, причем в русскоязычном тексте форма императива *Сделайте* имеет хоть и незначительный, но перевес в сравнении с формой *Сделай*, что свидетельствует о том, что адресатом ситуации «учитель → ученик» чаще выступает группа обучающихся, а не конкретно взятый ученик (табл. 3). Проиллюстрируем сказанное следующими примерами: *Write one paragraph, asking a probing question on any topic you wish. Give it a suitable title. Remember what you've learned about the use of imagery in conveying emotion [A2, p. 402]; Поэтому, прежде чем высказать мнение, сделайте усилие. Покрутите мяч! Но имейте в виду: чем ближе вы будете подходить и дольше вглядываться, тем больше нюансов найдете, тем*

сложнее будет сделать вывод... [B1, с. 61–62]; *Я запишу тебя в школу, но ты не пугай бабушку и слушайся маму. Помни – с этой минуты ты уже почти что школьница. Веди себя хорошо...* [B2, с. 11–12]. Кроме того, в речи адресанта были выделены случаи употребления нестандартной формы построения императива, под которой понимаем синтаксические конструкции построения предложения, где побуждение адресата речи к выполнению действия проявляется через интонацию, поскольку отсутствуют формальные признаки традиционной формы императива. Например: *You go and you sit there until both of us think you have things under control again. You just sit, that's all* [A3, p. 43]; *Все, сели, тишина! К доске идут Сысоев и Баюшкина. Сысоев решает задачу – вот она, а Баюшкина расскажет нам про бензол и вообще про ароматические углеводороды – их строение, свойства и так дальше...* [B3, с. 148–149]. Данная форма построения императива присутствует в художественном тексте на русском языке в три раза чаще, нежели в текстовом материале на английском языке (табл. 3).

Вопросительные предложения, имеющие равный достаточно высокий процент выборки на фоне остальных грамматических средств, составляют 18,5 и 17 % на английском и русском языках соответственно. Как показывает табл. 4, не прослеживается значительной разницы в употреблении адресантом речи типов вопросительных предложений (общий вопрос, специальный вопрос, расчлененный вопрос) для каждого из рассматриваемых языков. Заметим лишь, что в речевых ситуациях на английском языке был выявлен достаточно высокий процент вопросительных предложений, имеющих нестандартную форму построения, отличительной особенностью которой является вопросительная интонация как формальный признак вопроса ввиду отсутствия иных формальных элементов структуры вопроса. Приведем соответствующий пример из художественного текста: *Ah, so you are the culprit, eh?.. And it is for you that your classmates have already suffered so much – and so undeservedly?.. And you found you could not go on, eh?..* [A4, p. 117–118]. В русскоязычном материале исследования подобной формы построения вопросов зафиксировано не было.

Восклицательные предложения в речи адресанта на английском языке практически полностью отсутствуют (1,5 %), в то время как в речи ведущего участника коммуникации на русском языке они составляют 24,8 %. Среди всех выделенных типов восклицательных предложений на русском языке абсолютное большинство составляют восклицания-императивы, за которыми следуют восклицания, выражающие оценку (табл. 5): *И долго мы будем вертеться?.. Ну, соберись, соберись!.. Знаешь, почему не пишется? Потому что туман в голове, сумбур... Кто ясно мыслит, тот ясно излагает!..* [B4, с. 99].

Как показывают рассмотренные коммуникативные ситуации анализируемого типа на английском языке, через местоимение *we* (12,4 %) адресант речи не только ставит учебную задачу перед обучающимися, но и передает факт вовлеченности в учебный процесс непосредственно преподавателя

наравне с обучающимися, что наблюдается, в частности, в следующем примере: *We're going to figure out the number of blades of grass in the soccer field... We'll actually do some calculating to get a reasonable approximation... Besides, if everything we did were easy, then you wouldn't learn anything. We need to be challenged in order to learn...* [A5, p. 100–101]. Заметим, что в речи адресанта на русском языке местоимение *we* составляет лишь 6% от общей выборки грамматических средств.

Остальные грамматические средства, представленные в табл. 1, составляют в целом невысокий процент для каждого из сравниваемых языков и, соответственно, не влияют на формирование картины речевого поведения ведущего участника коммуникации ситуации рассматриваемого типа.

Таблица 2

Количество модальных глаголов
в коммуникативной ситуации «учитель → ученик»

Источники выборки																			
англоязычные										русскоязычные									
<i>can/could</i>	<i>may/might</i>	<i>need</i>	<i>have to</i>	<i>should</i>	<i>must</i>	<i>ought to</i>	<i>force</i>	<i>dare</i>	<i>allow/let</i>	<i>мочь/уметь</i>	<i>возможно</i>	<i>нужно/надо</i>	<i>следует</i>	<i>приходиться</i>	<i>должен</i>	<i>обязан</i>	<i>заставлять</i>	<i>осмеливаться</i>	<i>позволить</i>
129	49	26	23	21	16	3	1	1	5	27	3	15	5	5	6	-	-	-	-

Таблица 3

Количество императивов
в коммуникативной ситуации «учитель → ученик»

Источники выборки								
англоязычные				русскоязычные				
<i>Do smth</i>	<i>Don't do</i>	<i>Let's do/ Let smb do</i>	Нестандартная форма	<i>Сделай</i>	<i>Сделайте</i>	<i>Не делай/ Не делайте</i>	<i>Пусть/ Давайте сделаем</i>	Нестандартная форма
125	17	20	13	54	63	19	27	40

Таблица 4

Количество вопросительных предложений
в коммуникативной ситуации «учитель → ученик»

Источники выборки							
англоязычные				русскоязычные			
Общий вопрос	Специальный вопрос	Расчлененный вопрос	Нестандартная форма	Общий вопрос	Специальный вопрос	Расчлененный вопрос	Нестандартная форма
81	79	16	49	49	55	6	-

Таблица 5

Количество восклицательных предложений
в коммуникативной ситуации «учитель → ученик»

Источники выборки					
англоязычные			русскоязычные		
Восклицания-императивы	Восклицания, выражающие оценку	Восклицания-приветствия	Восклицания-императивы	Восклицания, выражающие оценку	Восклицания-приветствия
10	7	1	91	65	5

Итак, проведенная работа по анализу речевых ситуаций «учитель → ученик» показала следующие особенности в линии построения коммуникативного поведения адресанта относительно употребления в речи грамматических средств: если в англоязычной речи более чем в два раза чаще встречаются модальные глаголы, то в текстовом материале на русском языке в два раза чаще употребляются императивы. Типы предложений в свою очередь представлены следующим образом в материале исследования: вопросительные предложения выявлены в равной степени часто в речи адресанта на обоих языках, составляя значительный процент выборки, в то время как восклицательные предложения с достаточно высоким процентом выборки зафиксированы лишь в речевых ситуациях на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет : учеб. пособие для вузов / М. В. Колтунова. – М. : Экономическая литература, 2002. – 288 с.
2. Бугайски, М. Язык коммуникации : пер. с польск. / М. Бугайски. – Х. : Гуманитарный центр; Артеменко Э. Г., 2010. – 544 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

A1 – *Buyea, R.* Mr. Terupt Falls Again / R. Buyea [Electronic resource]. – Mode of access : http://robbuyea.com/books/mr_terupt_falls_again. – Date of access : 20.10.2014.

A2 – *Kaufman, B.* Up the Down Staircase / B. Kaufman [Electronic resource]. – Mode of access : <http://avidreaders.ru/book/up-the-down-staircase.html>. – Date of access : 15.10.2015.

A3 – *Hayden, T. L.* One Child / T. L. Hayden. – N. Y. : Avon Books, 1980. – 221 p.

A4 – *Hilton, J.* To You, Mr. Chips / J. Hilton [Electronic resource]. – Mode of access : <http://freeread.com.au/@rglibrary/JamesHilton/JamesHilton.html>. – Date of access : 03.10.2014.

A5 – *Buyea, R.* Because of Mr. Terupt / R. Buyea [Electronic resource]. – Mode of access : http://robbuyea.com/books/because_of_mr_terupt. – Date of access : 20.10.2014.

B1 – *Камаева, О.* Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы / О. Камаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.litres.ru/olga-kaeva/elka-iz-shkoly-s-lubovu-ili-dnevnik-uchitelnicy-2/>. – Дата доступа : 17.10.2014.

B2 – *Шварц, Е. Л.* Первоклассница / Е. Л. Шварц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/64784/Shvarc_-_Pervoklassnica.html. – Дата доступа : 17.10.2014.

B3 – *Полонский, Г.* Ключ без права передачи / Г. Полонский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/103199/Polonskiii_-_Klyuch_bez_prava_peregachi.html. – Дата доступа : 17.10.2014.

B4 – *Полонский, Г.* Доживем до понедельника / Г. Полонский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/103198/Polonskiii_-_Dozhivem_do_ponedel%27nika.html. – Дата доступа : 17.10.2014.

The article studies common features as well as differences in the usage of grammatical means of speech in communicative situations «Teacher → Pupil» based on English and Russian Fiction.

Т. П. Ключенович
Минск, МГЛУ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕМАТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Чужая речь представляет собой сложный лингвистический феномен, который предполагает наличие разнообразных структурно-семантических и прагматических способов включения слов исходного говорящего в авторское повествование в зависимости от коммуникативных намерений последнего. Тематическая речь является одним из гибридных типов чужой речи. Исследование показало, что чужое речение воспроизводится в тематической речи крайне сжато, обладая способностью «сужения» темы высказывания до минимума. Рассматриваемый способ передачи чужих речений широко используется в художественной прозе как особая коммуникативная стратегия, где автор делает акцент не на форму и даже не на содержание, а лишь на тему высказывания персонажа. Ряд выделенных признаков позволяет определить статус тематической речи как особого вида, отличного от других типов чужой речи.

На сегодняшний день художник слова располагает богатыми языковыми средствами для передачи чужого высказывания. Помимо традиционных (прямого и косвенного) появляются все новые структурно-семантические, а следовательно, и прагматические типы конструкций с чужой речью. Такие нестандартные способы включения слов другого лица в авторское повествование зачастую именуют *гибридными*, так как они представляют собой различного рода переплетения или модификации классических типов. Актуальный говорящий имеет возможность тем или иным способом включить слова исходного говорящего в собственное высказывание в зависимости от своих коммуникативных намерений.

Одним из гибридных способов передачи чужого высказывания, уходящим корнями в глубокую древность, как и традиционные два, является *тематическая речь*.

Согласно определению, данному О. П. Барановой, «тематическая речь представляет собой особым образом переработанное чужое высказывание, которое включается в авторскую речь в синтаксической позиции объекта при глаголе речи, и служит для передачи темы чужого высказывания» [1, с. 46].

Для понимания сущности тематических речений необходимо иметь в виду тот факт, что, с одной стороны, тематическая речь непосредственно соотносительна с косвенной, как речь зависимая, пересказываемая, но, с другой стороны, она представляет собой самостоятельный структурно-семантический и прагматический тип.

Существующие точки зрения относительно статуса тематической речи сведем к трем:

- 1) тематическая речь вообще не упоминается среди типов чужих высказываний;
- 2) некоторые формы тематической речи относятся учеными к косвенной речи;

3) тематическая речь рассматривается учеными как самостоятельный, особый способ передачи чужой речи [1; 2; 3; 4; 5].

Интересен также тот факт, что рассматриваемый структурный тип у разных лингвистов определяются различными терминами. Так, А. В. Смирнова для обозначения тематической речи использует термин «скрытая речь» [6, с. 9]. Исследователь относит рассматриваемый тип к нецитированным способам передачи, где актуальный говорящий склонен приносить свою собственную оценку и в большей степени берет на себя ответственность за воспроизводимое высказывание, чем в цитированных способах передачи, которые оказываются в этом плане менее рискованными. Обозначенная выше особенность является прагматической характеристикой тематической речи, поскольку отражает речевое намерение актуального говорящего, а также характер воздействия, оказываемого на адресата.

Говоря о прагматических особенностях исследуемых структур, необходимо отметить, что оба типа речи – и косвенная, и тематическая – возникли из потребности в кратком и обобщенном изложении чужого высказывания, но в максимальной степени эта черта свойственна именно тематической речи. Если косвенная речь передает (более или менее подробно) содержание чужого сообщения, то тематическая называет лишь предмет его, указывает лишь на его тему, откуда и термин для наименования этого способа передачи – *тематическая речь*. Исследование показало, что чужое речение воспроизводится в тематической речи иногда крайне сжато, обладая способностью «сужения» темы высказывания до минимума. Говоря иначе, тематическая речь называет лишь предмет чужого сообщения, сжимая его до предела, что не характерно для косвенной речи. Таким образом, основной интенцией адресанта здесь является речевая компрессия. Ср.:

He confessed that his behaviour had been rather foulish, and he felt guilty about it (косвенная речь; пересказ содержания);

When Elizabeth came home, she told her father about the incident (тематическая речь; указание на тему; речевая компрессия).

Семантические различия косвенного и тематического типов чужого сообщения состоят зачастую не столько в объеме информации (тематическое сообщение тоже может содержать очень емкую информацию, особенно в тех случаях, где члены его распространены обособленными оборотами и придаточными предложениями), сколько в самом характере информации и способах ее передачи.

Важной особенностью конструкций с чужой речью является их бинарность, которая предполагает наличие вводящего (репрезентирующего) и вводимого (репрезентируемого) компонентов. При этом косвенная речь состоит из двух частичных предложений, связанных по способу подчинения (вводящий компонент – главное, вводимый – придаточное). Тематическая же речь представляет собой только простое предложение с речевым или ментальным глаголом и объектом при нем.

Вводящий компонент, представляющий в конструкциях с тематической речью слова актуального говорящего, обычно является препозитивным, но встречаются конструкции, где авторская ремарка постпозитивная:

The boy told her about his fears (препозитивный ввод);

About her doubts she talked to Mrs. Highton (постпозитивный ввод).

По характеру передачи чужого высказывания, т.е. по общей его семантике, выделяются две разновидности рассматриваемого структурного типа.

От чужой речи остается либо

1) сообщение темы:

Hildy was thinking about how to keep that from happening;

Sitting down at the table, Hildy and Ruby were talking about the details;

She urged everyone to come inside;

In twenty minutes? There was an unanimous agreement around the table about what was to be done;

Last night I figured out that Granny must have told Vester about the ranch;

Slowly, reluctantly, she asked him to come home,

либо 2) перечень вопросов, затронутых в передаваемой речи:

Spud talked about seeing honest men stealing dangerous rides freight trains, about skilled, educated people sleeping in giant concrete pipes at idle construction sites, about hard-working men drifting from one place to another, desperately hunting work but finding none;

Hildy's voice began to break as she recounted how her grandmother had betrayed her and how Vester Hardesty was on their trail.

В английском языке тематическая речь может быть выражена

1) придаточным дополнительным предложением:

...she told him how exquisite his nose was;

2) дополнением в форме слова:

We talked for a few minutes about poison;

3) дополнением в форме словосочетания:

Garda spoke of calling the doctor.

Таким образом, весь строй подобных конструкций с чужими предложениями – их структура, семантика, прагматика, средства связи – подводят к единственному правильному решению о типологической принадлежности их к тематическому способу передачи чужой речи. Ряд признаков действительно определяет статус тематической речи как особого вида, отличного от других типов чужой речи. Сжатость, обобщенность передачи содержания чужого высказывания, характерные для тематической речи, служат проявлением способности мышления человека к абстракции и обобщению. Рассматриваемый способ передачи чужих предложений широко используется в художественной прозе как особая коммуникативная стратегия, где автор делает акцент не на форму и даже не на содержание, а лишь на тему высказывания персонажа. При этом мы можем наблюдать объективацию экспрессии и искажающее влияние интерпретации, где автор занимает доминирующее положение по отношению к исходному говорящему, привнося свою оценку. Указанные выше примеры также ярко иллюстрируют тот факт, что тематическая речь проигрывает в эмоциональном плане, но зато обеспечивает емкость и речевую компрессию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова, О. П. Текстобразующие функции тематической речи в современном английском языке / О. П. Баранова // Лингвостилистические проблемы организации речевого сообщения : сб. науч. трудов / ДГУ. – Днепропетровск, 1985. – С. 45–58.
2. Бырка, М. Г. Тематическая речь в системе способов непрямо́й передачи чужого высказывания / М. Г. Бырка // Дериватология и динамика в романских и германских языках : межвуз. сб. / Кишинев. гос. ун-т; редкол. : Г. С. Чинчлей (отв. ред.) [и др.]. – Кишинев, 1989. – С.23–28.
3. Чумаков, Г. М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г. М. Чумаков; Днепропетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения с Россией. – Днепропетровск, 1977. – 48 с.
4. Моисеева, М. Н. Тематическая речь в рамках категории эвиденциальности: структурно-семантический и функциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Моисеева; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2012. – 23 с.
5. Нурулаев, П. М. Конструкции с тематической чужой речью в современном русском языке / П. М. Нурулаев // Лингводидактические основы обучения языкам : сб. науч. тр. / ТашГУ. – Ташкент, 1988. – С.36–42.
6. Смирнова, А. В. Чужая речь как элемент аргументации в британском газетном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Смирнова; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб, 2006. – 21 с.

The article examines the structural, semantic and pragmatic peculiarities of the thematic speech as one of the hybrid types of the represented speech. The constructions under study are widely used in fiction when the author focuses neither on the form nor on the contents, but only on the topic of someone's words included into the narration.

А. П. Мерчи

Минск, БГУ

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРОПОРЦИИ ПРЯМОЙ И СВЕРНУТОЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЯЗЫКОВОЙ ТКАНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на материале рассказов русских и американских писателей)

На материале рассказов русских и американских писателей (А. И. Куприна, Дж. Лондона, В. А. Пьецуха, Дж. Лахири), написанных в повествовательной форме от 1-го и от 3-го лица, определялись факторы, влияющие на соотношение объемов прямой и свернутой речи. Представление речи персонажей рассматривалось с точки зрения оппозиции «изображения» и «интерпретации» общения: прямая речь позволяла «изобразить» общение героев и служила движущей силой сюжета, а свернутая речь в большинстве случаев «интерпретировала» коммуникацию и делала повествование более динамичным, хотя и менее «живым», сценичным. Наибольший объем прямой и свернутой речи представлен в рассказах, написанных от 3-го лица. Во всех произведениях объем прямой речи превышает объем свернутой минимум в 1,8 раза до максимума – в 111 раз. В тех рассказах, где коммуникация представлена в большем объеме, количество отдельных сцен общения меньше.

В представлении речи персонажей оппозиция «изображения» и «интерпретации» реализуется в том, что общение может быть передано с разной полнотой: как бы дословная «имитация» той сцены общения героев, которая разыгрывается перед мысленным взором автора, или сжатый пересказ речи героев, когда писатель уточняет и сжимает ее, убирает ненужные, по его мнению, детали.

Наиболее ярким примером «изображения» общения является прямая речь героев. Она ближе всего к «реальному» воплощению высказывания: оставляет впечатление подлинности и точности передачи слов героев, как на сцене. Однако автор может сжать часть реплик героев, передать только главное и важное. В такой свернутой речи обмен репликами более или менее сокращен и в той или иной мере интерпретирован. Средствами интерпретации являются: 1) более или менее сжатый пересказ диктального содержания реплик, 2) экспликация модуса путем раскрытия иллюкуции реплики. Основанием для выделения фрагмента свернутой речи является наличие глагола речи или его контекстуального синонима и синтаксически зависимой группы, передающей содержание речи, например, *As they [the pirates] got into their boats, after an hour's stay, we were invited to join them in the raid with the assurance of "the more the merrier"* (Lond III-1, 1104)¹ 'Когда они [пираты] сели в свои лодки, после часового пребывания, нам предложили присоединиться к ним в набеге, с уверениями, что «чем больше [людей], тем веселее»'. Называется иллюкуция (*were invited, with the assurance*) и передается содержание речи героев (*to join them in the raid*), причем в изложение «для правдоподобия рассказа» вставлено несколько как бы «подлинных слов» пиратов (*"the more the merrier"*).

Для повествователя речь персонажей является своего рода вкраплениями чужого дискурса в собственный нарративный, или как писал М. М. Бахтин, это «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [1, с. 113].

В рассказе большая роль отводится повествователю, или рассказчику. В истории литературы сложились две основные формы повествования: 1) «объективный» «всеведущий» третьеличный рассказчик, 2) герой-рассказчик, или перволичный повествователь. В. Шмид предлагает противопоставлять диегетического и недиегетического нарраторов [2, с. 82]. К. Н. Атарова и Г. А. Лесскис замечают: «В IIIф. наличие автора-творца,

---

¹ При цитировании исследуемых произведений в скобках после цитаты приводится сокращенно фамилия автора, затем римская цифра указывает на порядковый номер рассказа в данном корпусе произведений данного автора по хронологии написания, а арабская цифра (1 или 3) указывает на лицо повествователя; и далее номер страницы по указанным изданиям: 1. *Куприн, А. И.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Рассказы. – Минск: Реликт, 1994: «К славе» – С. 47–76; «Тапер» – С. 214–225; «Болото» – С. 253–270; 2. *London, J.* The unabridged Jack London. – Philadelphia: Running Press, 1981: «To the man on trail» – P. 65–72; «The priestly prerogative» – P. 73–84; «The king of the Greeks» – P. 1090–1098; «A raid on the oyster pirates» – P. 1099–1107; «The siege of the "Lancashire Queen"» – P. 1108–1116; 3. *Пьеух, В. А.* Искусство существования: эссе, рассказы. – М.: ЭНАС, 2009: «Он никогда не сидел в тюрьме...» – С. 169–178; «Дачники» – С. 178–189; «Авель и сыновья» – С. 189–197; *Пьеух, В. А.* Я и прочее. Циклы, рассказы, повести, роман. – М.: Худож. лит., 1990: «Анамнез и Эпикриз» – С. 125–150; 4. *Lahiri, J.* Interpreter of maladies. – London: Flamingo, 1999: «Interpreter of maladies» – P. 43–69; «The third and final continent» – P. 173–198; «Mrs. Sen's» – P. 111–135.

стоящего над персонажами, предполагает объективность изложения материала, в отличие от Иф., где повествователь – свидетель и участник событий – имеет свой субъективный взгляд на происходящее, оказывается необходимо пристрастным, как всякий заинтересованный человек» [3, с. 34].

Одним из факторов, влияющих на объем представления коммуникации, является хронотоп, т.е. система пространственно-временной повествуемой реальности. М. М. Бахтин называет хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [4, с. 234]. В рассказе повествовательный хронотоп сконцентрирован на узком промежутке времени и пространства, а количество персонажей обычно меньше, чем в романе или повести.

Поскольку важно было охарактеризовать относительный объем прямой (без учета авторских сопровождений) и свернутой речи и коммуникации в сопоставлении с нарративом в целом, то для каждого рассказа было вычислено процентное соотношение представления речи к общему объему произведения в знаках (количество знаков с пробелами из расчета 40 000 знаков на 1 печатный лист). Также были посчитаны сцены общения и говорящие. Полученные данные об объеме, занимаемом прямой и свернутой речью в ткани произведения, представлены в таблице.

Таблица

Относительный объем фрагментов, передающих межличностную коммуникацию, в языковой ткани произведения

Условные сокращения рассказов	Название рассказов и год написания	Число сцен, число говорящих	Объем произведения в печатных листах	Объем прямой речи (А), %	Объем фрагментов свернутой речи (Б), %	Отношение А:Б.	Суммарный процент фрагментов, передающих коммуникацию
Купр I-1	«К славе» (1894)	19, 19	1,55	20,6	7,0	2,9	27,6
Купр II-3	«Тапер» (1900)	13, 14	0,61	16,3	4,9	3,3	21,2
Купр III-3	«Болото» (1902)	6, 7	0,90	26,6	1,1	24,1	27,7
Lond I-3	«To the man on trail» [‘За человека в пути’] (1898)	6, 11	0,43	34,8	4,6	7,5	39,4
Lond II-3	«The priestly prerogative» [‘Привилегия священника’] (1899)	9, 9	0,63	31,7	1,5	21,1	33,2
Lond III-1	«The king of the Greeks» [‘Король греков’] (1902)	15, 6	0,51	11,7	3,9	3	15,6

Lond IV-1	«A raid on the oyster pirates» [‘Набег на устричных пиратов’] (1902)	17, 13	0,52	21,1	3,8	5,5	24,9
Lond-V-1	«The siege of the “Lancashire Queen”» [‘Осада «Ланкаширской королевы»’] (1903)	11, 9	0,54	7,4	3,7	2	11,1
Пьец I-3	«Он никогда не сидел в тюрьме...» (1989)	9, 4	0,40	10	2,5	4	12,5
Пьец II-1	«Анамнез и Эпикриз» (1989)	15, 11	1,31	42,7	1,5	28,4	44,2
Пьец III-3	«Дачники» (2001)	4, 8	0,45	44,4	0,4	111	44,8
Пьец IV-3	«Авель и сыновья» (2001)	8, 9	0,41	12,1	2,4	5	14,5
Lah I-3	«Interpreter of maladies» [‘Толкователь болезней’] (1999)	12, 6	1,14	17,5	8,7	2	26,2
Lah II-1	«The third and final continent» [‘Третий и последний континент’] (1999)	19, 5	1,08	8,3	4,6	1,8	12,9
Lah III-3	«Mrs. Sen’s» [‘Миссис Сен’] (1999)	35, 10	1,07	14,9	5,6	2,6	20,5

Наибольший объем прямой речи отмечен в произведении «Дачники» (44,4 %). В этом тексте – и самый низкий процент удельного веса свернутой речи (0,4 %). «Объективный» рассказчик, выступающий как «беспристрастный хроникер и судья» [3, с. 38], передает межличностное общение персонажей, оценивая и информативно передавая в сжатой форме моменты коммуникации. В произведении представлен вечерний спор дачников. Наименьший объем прямой речи – в «The siege of the “Lancashire Queen”» (7,4 %), который являет собой рассказ участника событий, разворачивающихся в бухте Сан-Франциско между браконьерами и патрульными. Скупые реплики даны как средство изображения и конкретизации ключевых и поворотных событий сюжета.

Наибольший объем свернутой речи зафиксирован в «Interpreter of maladies» (8,7 %). При представлении общения в таком виде автор убирает массу подробностей: мы не можем знать о том, как долго «реально» мог развиваться и длиться тот или иной разговор, который передает автор в своем пересказе. К тому же большой удельный вес свернутой речи указывает на стремление автора придать рассказу ускорение и динамизм.

Наибольший объем прямой и свернутой речи наблюдается в рассказах, написанных от 3-го лица. Это объясняется существованием рассказчика в позиции наблюдателя, когда он дистанцирован от повествовательного мира и может объективно излагать события, т.е. в более или менее полной мере изображать своих героев.

Во всех произведениях объем прямой речи превышает объем свернутой минимум в 1,8 раза («The third and final continent») до максимума – в 111 раз («Дачники»). При представлении коммуникации автор дает слово своим героям, тем самым он «изображает» их речь и общение.

В тех рассказах, где коммуникация присутствует в большем объеме, в основном, меньшее количество сцен общения: четыре («Дачники») и шесть («To the man on trail»). Сюжеты этих рассказов охватывают события, происходящие в настоящем, описываемом времени, в едином конкретном пространстве: на веранде у жителей дачного поселка и в доме Кида. Действие рассказов во многом продвигается с помощью полилогов героев.

В рассказах, которые более нарративны, т.е. имеющие низкий суммарный процент фрагментов, передающих коммуникацию, сюжет строится на описании событий, протяженных во времени и пространстве. Например, герой-рассказчик описывает те события, которые происходили в его далеком прошлом еще до приезда в Америку, повествует про жизнь до и после приезда жены («The third and final continent»), т.е. истории как далекого прошлого, прошлого-повествуемого, так и настоящего.

Таким образом, факторами, определяющими пропорции прямой и свернутой речи персонажей в языковой ткани произведения, являются формы повествования, количество сцен общения и особенности сюжета. Реплики прямой речи позволяют «изобразить» общение героев, а свернутая речь в большинстве случаев «интерпретирует» коммуникацию. Во многом прямая речь служит движущей силой сюжета. Свернутая же речь делает повествование более динамичным, хотя и менее «живым» и сценичным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волошинов, В. Н.* [Бахтин М. М.] Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. – Л. : Прибой, 1930. – 157 с.
2. *Шмид, В.* Нарратология / В. Шмид. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2008. – 304 с.
3. *Атарова, К. Н.* Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 33–46.
4. *Бахтин, М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике (1937–1938) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.

On the basis of American and Russian short stories, the author of the article identifies the main factors, which determine the proportions of the direct and compressed speech of the characters in literary texts. Among them there are the forms of narration (1st and 3^d person), configurations of time and space in the texts, quantity of scenes of communication and heroes, the plot. The representation of speech is analyzed regarding the depiction and interpretation opposition (as two contrasting ways of representation of reality in a literary text).

В. В. Серeda
Минск, МГЛУ

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Основной целью политического дискурса является влияние на адресата, достигаемое посредством использования средств интенсификации высказывания. В большинстве случаев ораторы употребляют средства снижения интенсивности – деинтенсификаторы (наречия-понижители, существительные, прилагательные, местоимения, способствующие снижению определенности), при этом речь политиков звучит менее категорично и резко. Существуют следующие группы деинтенсификаторов: аппроксиматоры, компромизаторы, диминизаторы, минимизаторы. Аппроксиматоры (*almost, nearly, virtually, practically*) – наиболее распространенная группа средств снижения интенсивности. Они выражают минимальную степень снижения интенсивности. Наименее употребляемой группой деинтенсификаторов являются минимизаторы (*a bit, barely, hardly, scarcely*), которые находятся ближе всего к нулевому показателю шкалы интенсивности, т.е. к полному отсутствию коммуникации.

Оценка занимает важное место в практике речевого общения людей как средство выражения степени соответствия свойств предмета (явления) какому-либо эталону (стандарту), системе ценностей, принятой в данном обществе. С понятием оценки тесно связаны категории эмоциональности и экспрессивности. Эмоциональность, будучи показателем возбужденного состояния чувств, состоит в выражении собственных впечатлений говорящего, его личного чувственно-оценочного отношения к явлениям действительности. Экспрессивность же заключается в целенаправленном воздействии на слушателя посредством повышения впечатляющей силы высказывания, отражающейся в коммуникативной активности слушающего [1].

Характерной особенностью выражения оценки является возможность ее *интенсификации* (усиления) и *деинтенсификации* (ослабления). Интенсивность – есть семантическая категория, в основе которой лежит понятие градации в широком смысле этого слова. Это количественная мера оценки качества, экспрессивности и эмоциональности, сигнализирующая градуальность. Существует шкала интенсивности, строящаяся относительно некоторой величины (нормы качества) и имеющая два полюса: «+» и «-». Процесс, отражающий движение вниз по шкале интенсивности, есть процесс деинтенсификации, которая обеспечивается деинтенсификаторами, или ослабителями.

Операторы шкалы интенсивности, характеризующие ее снижение, могут быть классифицированы как *аппроксиматоры, компромизаторы, диминизаторы* и *минимизаторы* [2].

Прагматический эффект употребления деинтенсификаторов достигается за счет размывания конкретного содержания сочетающихся с ними единиц, что ведет к снижению определенности и, следовательно, интенсивности высказывания. В связи с этим политический дискурс оказывается наиболее подходящим объектом для изучения интенсификаторов в целом и деинтенсификаторов в особенности. Высказывания в политическом дискурсе наце-

лены преимущественно на оказание влияния на адресата. Поэтому любое выступление включает в себя речевые методы воздействия посредством использования средств интенсивности высказывания.

К лексическим средствам снижения интенсивности относятся наречия-понижители или деинтенсификаторы, существительные, прилагательные, местоимения со значением неопределенности.

А п п р о к с и м а т о р ы – наиболее частотная группа деинтенсификаторов, которые встречаются в текстах политических дебатов (*almost, nearly, virtually, practically, basically, technically*). Их главной функцией является выражение минимальной степени снижения интенсивности. Они могут передавать приближительность значения глагола, прилагательного или другого наречия. В исследованных текстах наиболее частотными деинтенсификаторами являются *almost* в значении ‘почти’, *nearly* в значении “almost or near to a particular amount of time, money, people or things” и *virtually* в значении “used for emphasizing that a statement is almost completely true”.

Д и м и н и з а т о р ы – вторая по частотности группа деинтенсификаторов. Их главной функцией выступает интенсификация утверждения. Они включают в себя следующие понижители тона: *a little, pretty, in part, partly, somewhat, partially, slightly, in some respects*. Наиболее распространенными являются *a little, pretty, in part*, модифицирующие ядерные связочные конструкции оценочно-признаковой структуры.

Менее употребляемой группой деинтенсификаторов оказываются к о м п р о м и з а т о р ы. Они используются как умеренные деинтенсификаторы, и главной их функцией является ослабление положительной оценки (*comparatively, enough, more or less, quite, rather, relatively, sort of*). Наиболее распространенными компромизаторами являются *enough* и *quite*, реже встречаются такие ослабители тона, как *sort of, rather, relatively* и *sort of*.

Самая неупотребляемая группа – м и н и м и з а т о р ы. Наиболее частотны среди них *a bit* и *barely*. *Hardly* и *scarcely* используются реже. Минимизаторы находятся ближе всего к нулевому показателю шкалы интенсивности, т.е. к полному отсутствию коммуникации.

Средства снижения интенсивности высказывания в политическом дискурсе используются ораторами для того, чтобы высказывания были менее категоричными и резкими, а речь звучала размыто, способствуя снижению определенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемяева, М. А.* Категория интенсивности в публицистике: общее и индивидуальное в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. А. Артемяева; Рос. акад. наук, Ин-т рус.яз. – М., 1992. – 23 с.
2. *A University Grammar of English / R. Quirk [et al.].* – М., 1982. – 392 p.

The paper analyses the usage of intensifiers in political discourse. The major functions of downtoners (approximators, compromisers, diminishers and minimizers) have been identified in accordance with their frequency.

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

A. K. Anisimovich

Ormskirk, Edge Hill University (EHU)

COLLECTIVE MEMORY: ALTERNATIVE WAYS OF REMEMBERING IN BULGARIA

Распад СССР, революции 1989 года и последующий переход от одной социальной системы к другой привели к культурному шоку в странах Восточной и Западной Европы.

Несмотря на большое количество исследований в этой области, постоянное присутствие признаков болезненного прошлого в современной культуре Болгарии еще предстоит оценить. На сегодняшний день поле исторических репрезентаций переходного периода в болгарском кино остается слабо изученным. Данное исследование ставит своей целью восполнить этот пробел, а также сделать современное болгарское кино более «видимым» в европейском контексте.

Today, twenty-five years after the fall of socialism in Eastern Europe, people who have experienced these events and those who learned about them through history books, films and personal stories of the witnesses, face the challenge of heterogeneous interpretations of history.

Each country of the former Eastern bloc finds its own effective interpretation of history, some successfully building their new European identity on it, others – still struggling to come to terms with it. The differences in these interpretations define the focus of remembering, the ideology of processing the past and the agenda of public discussions even now.

As Antoaneta Puncheva, a Bulgarian correspondent for Deutsche Welle, says in an article about a car crash including a very old bus Chavdar:

One crashed bus Chavdar became a sad metaphor for the old habits of socialism. And answered indirectly the question why there is no museum of socialism/communism in Bulgaria. Because its artefacts are still on the move.

Nikolai Vukov also supports this idea, using the terms *unmemorable* and *unforgettable* describing the urge for remembering limited by the inability to conceptualize the past [1].

Nevertheless, the absence of official «places of remembering» does not stop people from searching for their own varied interpretations of history. On the contrary, it may be the case that the absence of governmental interpretations of history is facilitating the emergence of multiple grassroots initiatives that sometimes can be even more effective than the official ones. For example, virtual museums in Bulgaria seem to fulfil the need for alternative remembering institutions. As G. Gospodinov [2], S. Kazalarska [3] and R. Gencheva [4] note, virtual museums in Bulgaria emerge from the narrative tropes of a «lack», «void», «concealment» and «delay».

In her analysis of contemporary Bulgarian virtual museums (or, E-socialism, as she puts it), Gencheva argues that they all can be ascribed to one of the two categories:

totalitarian (accent on terror and victims) or revisionist (focus on material culture) [4, p. 2]. For example, a number of museums are web projects reflecting on the secret police files, crimes of the communist regime and the less known aspects of history of the times before the fall of communism (totalitarian approach): Victims of Communism (an online memorial to the victims of the regime), State Security (or Darzhavna sigurnost, a virtual analogue of the secret police files archive) and 1968bg The Prague Spring (a project aimed at coming to terms with the participation of Bulgarian troops in the events of 1968 in Prague).

The so-called revisionist museums focus mainly on a nostalgic image of the past, exploring the artifacts of the socialist Bulgaria: SocMus (virtual museum of socialist era graphic design in Bulgaria), Museum of Communism (a private collection of photos, propaganda, press from the socialist era), Our Childhood (a virtual collection of personal stories about the socialist past), Memories from People's Republic (also a collection of memories in forms of stories, photos, etc.).

R. Gencheva (2012) notes that all these virtual museums do not contribute to filling the gap between the two opposite ideologies: the nostalgic and the extremely victimizing one. However, through the past few years there have been some attempts to go beyond this bipolar approach to history.

For instance, there are numerous small initiatives presented in forms of blogs and web discussion platforms, that experiment with multiple viewpoints on the historical events. Probably the biggest and most significant one is the project PrehodBG (the TransitionBG), which is a virtual media library and public platform organised by the University of Sofia (St. Kliment Ohridski). Another recent alternative programme of remembering was the 25 Years of Freedom in Bulgaria, celebrating the anniversary of the fall of communism organised by the Sofia Platform organisation, that included a number of poster and photography exhibitions, public history lectures, concerts and films screenings. These initiatives engage with a more critical and dialectic approach to history and memory, creating more public spaces for discussions and debates.

Filmmaking, as well, becomes an alternative form of processing and discussing history in Bulgaria, where cinema has always been a vibrant platform for political and historical debates translated into visual artistic form. A recent revival of Bulgarian cinema coincides with the need of narrating history in a more varied way. The role of cinema in post-communist countries is even more important, as it has always been a form of art accessible to the masses, as well as an indicator of the well-being of the country. In the era of mass production, cinematic representations of historical events not only retain their ideological function, but also take on the role of therapeutic processing of traumatic events. A great number of modern Bulgarian films are about the Transition, and this obsession is a clear sign of the society finally being able to distance itself from the events of the past and reflect on them.

REFERENCES

1. *Vukov, N.* The 'Unmemorable' and the 'Unforgettable' 'Museumizing' the Socialist Past in Post-1989 Bulgaria / N. Vukov. – N.Y. : Central European University Press, 2008.

2. *Gospodinov, G.* The Missing Museum. Literature Journal / G. Gospodinov [Electronic resource]. – 2005. – Mode of access : <http://www.slovo.bg/litvestnik/index.php?ar=1304>. – Date of access : 24.11.2015.
3. *Kazalarska, S.* Museum, museum gaze, museum effect, museufication / S. Kazalarska. – Piron, 2011.
4. *Gencheva, R.* E-socialism: Virtual Museums of Communism in Bulgaria : Seminar Bg. / R. Gencheva [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.seminar-bg.eu/spisanie-seminar-bg/broy7-kiberfolk/item/350>. – Date of access : 24.11.2015.

The collapse of communism in the 80s-90s and the subsequent painful transition from one social system to another contributed to the anxiety and cultural shock both in Eastern and Western European countries.

Even though there have been numerous studies on post-communist legacy in Europe, the constant presence of the traumatic events of the past in contemporary Bulgarian culture is yet to be evaluated. To date, the field of historical representations of the transition in Bulgarian cinema remains relatively unexplored. Current research intends to fill that gap as well as to make contemporary Bulgarian cinema more “visible” in the European context.

Т. В. Барановская
Минск, МГЛУ

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются проблемы коммуникативной организации публичных выступлений. Проанализированы различные аспекты и характеристики устного научно-популярного текста, выявлены коммуникативные характеристики устного научного текста, которые являлись типичными для выступлений TED TALK. Анализ показал, что научно-популярный текст не является однородным по своей структуре. Основная задача публичных выступлений – донести до слушателя сообщаемую информацию. Устные научно-популярные тексты имеют ряд характерных черт: логичность, однородность лексического состава, наличие интенций, монологический характер высказываний с элементами диалогизации.

Актуальность данного вопроса подтверждается тем, что изучение лингвистических особенностей устных научно-популярных текстов имеет не только общетеоретическое, но и прикладное значение: например, при обучении иностранному языку.

Теоретической базой нашего исследования послужили работы ученых в области лингвистики (Р. С. Аликаев, Л. Щерба, Л. М. Васильев), теории дискурса и дискурс-анализа (В. И. Карасик, В. Е. Чернявская), стилистики (Л. В. Сретенская, М. Н. Кожина).

Анализ был построен на основе материалов конференций TED TALK, которые являются примером публичных выступлений, ежегодно собирающих самых выдающихся мыслителей и деятелей со всего мира. Для исследования были выбраны 50 выступлений.

Публичные выступления можно отнести к научно-популярному стилю, особенностями которого являются дробная, порционная подача информации, ее членение на сегменты, монологический характер с элементами диалогизации. Публичные выступления имеют характерные черты как устной, так и письменной речи [1].

Отметим, что устная форма профессионально-научной коммуникации сближает устный научно-популярный текст с разговорной речью, а содержательный фактор – с соответствующими книжными письменными текстами. Обращенность к конкретной аудитории и значимость тематики роднит такого вида текст с устной публичной речью, определяя отбор, модификацию и организацию языковых средств, строение и композицию. Специфика устного научно-популярного текста выявляется на разных уровнях и в формально-грамматическом аспекте. Насыщенность терминологией, преобладание имен существительных, генитивные цепочки, употребление прилагательных в роли составной части термина, преобладание именных словосочетаний над глагольными, осложнение структуры предложений рядами однородных членов и обособленными определениями – эти черты отличают устный научный и научно-популярный текст [2].

Рассмотрим отрывок из лекции Карла Сафины «What are animals thinking and feeling?»:

Один репортёр сказал мне: «Возможно. Но откуда вы точно знаете, что животные умеют думать и чувствовать?». Я начал рыскать в сотнях ссылок на научные работы, которые указал в своей книге и понял, что ответ был прямо в моей комнате. Когда моя собака встаёт с ковра и подходит ко мне, – именно ко мне, а не к дивану, – переворачивается на спину, подставляя живот, мысли её таковы: «Я бы хотела, чтобы мне почесали живот. Я знаю, что могу подойти к Карлу. Он поймёт, о чём я прошу. Я знаю, что могу доверять ему, потому что мы семья. Он сделает то, о чём я прошу, и мне будет приятно».

Мы причиняем им столько боли. Загадка в том, почему они не причиняют нам больше вреда, чем могли бы?

Текст лекции содержит устно-разговорные элементы: диалогизацию речи в форме вопросно-ответных фраз при формулировке проблемы, местоименно-глагольные формы, указывающие на говорящего (лектора), сегменты текста, содержащие дублирующую информацию (повторы, уточнения и разъяснения). На наш взгляд, такие языковые особенности структурной организации устного научного текста обусловлены фактором адресованности звучащего слова к конкретной аудитории в определенный временной отрезок протекания речи, в отличие от письменной формы сообщения научной информации.

Важной коммуникативной особенностью публичных выступлений является привлечение внимания аудитории к выступающему. Поэтому первые фразы, произносимые оратором, служат для привлечения внимания и установления контакта с аудиторией. Они носят название *зачин*. Им может служить, например, вопрос к аудитории, шутка или интригующий факт. Например, *Готовы?* или *Здравствуйте, мы с вами уже знакомы?* [3].

Научно-популярные публичные выступления отличаются логичностью мысли, последовательным представлением и объективностью изложения. Лексический состав характеризуется относительной однородностью.

Коммуникативной особенностью публичных выступлений является использование интенций, что воспринимается как намерение, цель, направление сознания на какой-то предмет. В нашем понимании, интенция представляет собой цель сообщения, которая сформировалась на основе определенных потребностей и мотивов общения. Распознать ту или иную интенцию помогают языковые маркеры, которые выделяются на уровне семантики, лексики, синтаксиса. Например, из лекции Эл Гора «The case for optimism on climate change» видно, что оратор пытается донести идею того, что человек может и должен способствовать разрешению проблемы глобальных климатических изменений: *Так что ответ на вопрос о том, должны ли мы измениться, однозначен: «Да, должны». Второй вопрос: можем ли мы измениться? Вот где радостная новость! Мы добьемся успеха. Мы одержим верх. Экспоненциальный рост солнечной энергии ещё более отчётлив и стремителен.*

Коммуникативные особенности публичных выступлений обусловлены ограничением ситуации общения пределами конкретной сферы, которая определяет актуальную для каждой области знания тематику и соответствующие языковые и речевые средства [4]. Например, анализ выступления Расса Альтмана «Что на самом деле происходит, когда вы смешиваете лекарства?» показал, что лексические единицы выступления представлены медицинской терминологией, включающей в себя названия лекарственных препаратов, болезней и их симптомов: *Clopidogrel is an integral part of the management of several important vascular diseases. Vaccines protect children by preparing their bodies to fight many diseases if they do not have «maternal immunity» against some diseases.*

Обратим внимание на еще одну особенность публичных выступлений: их язык представляет собой проявление групповой речевой деятельности, так как данная сфера предполагает коллективное обсуждение какой-либо проблемы или факта, а в ряде случаев и выработки общего мнения по тому или иному вопросу. На примере лекции Андреса Рузо «How I found a mythical boiling river in the Amazon» мы видим, что оратор неоднократно ссылается на мнение других ученых, коллег, которые проводили исследования той же проблемы: *Я спрашивал коллег из университетов, правительство, нефтегазовые, добывающие компании и получил единодушный ответ: «Нет»; Мы выяснили, что в реке и вокруг неё – мы работали с коллегами, доктором Спенсером Уэллсом из «National Geographic» и доктором Джоном Айзенем из университета Дэвиса, – сохранились потомки организмов-экстремофилов, обитающие в реке и около неё, а также обнаружили новые формы жизни – уникальные виды, живущие в кипящей реке.*

Публичным выступлениям присущи свои собственные формы и признаки реализации диалогичности. Это свойство обуславливает употребление рассматриваемых средств. Говорящий также прибегает к экспрессивности, исходя

из коммуникативно-прагматических установок. Вопросительные предложения, употребляемые в научно-популярных текстах, можно разделить на несколько групп: риторический вопрос, вопросно-ответный комплекс, диалогическое единство. Широко используются лексико-семантический и синтаксический повторы, которые выполняют экспрессивно-эмфатическую и экспрессивно-поясняющую функции [5].

Наиболее продуктивными и частотными лингвистическими приемами, использующимися в публичных выступлениях, являются лексические (метафора, литота, перифраз) и синтаксические (многосоюзие и бессоюзие, риторический вопрос, градация, антитеза), стилистические тропы и фигуры, что обусловлено эмоциональным потенциалом данных средств, позволяющих полнее раскрыть отношение говорящего к предмету обсуждения и более эффективно воздействовать на слушателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Одинцов, В. В.* Качества речи и структура текста // Филол. науки. – 1979. – № 4. – 326 с.
2. *Телия, В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 5–35.
3. Выступления перед аудиторией [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://studme.org/>. – Дата доступа : 23.05.2015.
4. *Кожина, М. Н.* О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1986. – 92 с.
5. *Болдак, И. А.* Диалогическая форма коммуникации в научно-популярном тексте / И. А. Болдак // Лингвистика и методика в высш. шк. : сб. науч. ст. – Гродно, 2011. – Вып. 3. – С. 19–23.

The article deals with the problem of communicative characteristics of public speeches. Having analyzed the communicative organization of oral popular scientific texts on the basis of TED TALK conferences, we singled out the features which are most common for such types of texts.

N. V. Batishcheva
Minsk, MSLU

MORAL STANDARDS AND SPEECH ETIQUETTE IN MODERN PRINT MEDIA DISCOURSE

В статье рассматривается проблема нарушения морально-этических норм и правил речевого этикета в дискурсе печатных СМИ. На основании анализа русско-, белорусско- и англоязычной современной прессы делается вывод о том, что сегодня СМИ нельзя считать образцом нормированного литературного языка. Использование жаргонизмов, арготизмов, просторечий, а также табуированной лексики говорит не только о неуважительном

отношении к адресату, но и об уровне культуры, образования и воспитания адресанта. Нарушение правил речевого этикета часто приводит к непониманию между автором и читателем, что снижает качество общения и не позволяет достигать поставленных коммуникативных целей.

The modern period of the society's cultural development is characterized by the shift of social dominant. The cultural dominant that is perfectly shown in modern mass-media becomes determinative replacing the former economic, technical and political dominant. We should be in accordance with the statement that the media stands right at the center of human activities. Not so long ago print media was considered to be a standard gauge of national literary language. Nobody could find jargonisms, cant expressions, dialecticisms, common language, all the more invectives in newspapers and magazines. But today we associate with the press the following words: tabloid, sensationalist, scribbler, jargon, grub street, penny-a-liner, cant, slang, ballyhoo, gutter press and so on. A new style formed as a result of the information society's appearance: it is characterized by citing former literary epochs, revaluation of the past cultural elements, showing off, speaking ironically, by multilevel texts' organization and freedom in choosing speech means to express ideas. After all this led to lowering of moral standards and ethics of speech behavior in modern print media. Violation of speech etiquette, using by many journalists taboo topics and the spoken language in newspapers and magazines is still an instant problem of print media discourse.

It is common knowledge that observance of ethical standards is a skilled showing of proper speech behavior. This display is based on moral standards and national traditions. Speech etiquette is a product of the men's activity and an important element of national culture. Speech etiquette is understood not only as the system of verbal units but it is a set of the formulas of good communication. It also regulates people's speech behavior according to social requirements and reflects personal relations in the formal (official) and informal situations of communication.

The knowing of speech etiquette is very important not only for journalists but for every person as it is promotes the establishment of the benevolent relations. It is an external manifestation of different attitudes, not only greetings and farewells. For example, ways of drawing attention, verbal forms of expressing apology, gratitude, wish, invitation, request, compliment and some others.

It is known that speech etiquette is notable for the bright national specific character. The correct interpretation of speech etiquette requires not only knowledge of words but also the social and cultural aspects. That's why inadequate interpretation of communication process complicates interaction of carriers of different cultures and even can cause the cross-cultural conflicts. Sometimes violation of speech etiquette can lead to the unpredictable consequences for the person because according to the researcher N. I. Formanovskaya the communicative validity is higher in value for a cultural community of people, than sincerity (the truth). Speech etiquette regulates the difficult choice of the most suitable, the most relevant means of this particular person for this concrete addressee in this specific situation and conditions of communication [1].

Here we should underline the importance of “the speakers’ cultural awareness, how language reflects the world through consciousness of the person, how the individual and collective mentality, ideology and culture are reflected in the language, how language and culture create a world picture. Language is not only the best indicator of the general culture, but it is also the best tutor of the person. Accuracy, correctness and frankness without roughness in language are moral indicators of the social relations, the family life and the key to success in the life” [2].

Different cultures for the same situation are specified of the different cultural discourse and speech norms. The standard of speech is the set of such qualities which make the best impact on the addressee taking into account a concrete situation and in compliance with goals and tasks. That’s why any journalist has a “moral obligation to be truthful and factually accurate. It even specified that journalists writing about a foreign country should acquire the necessary knowledge of such country which will enable them to report and comment accurately and fairly thereon” [3, p. 144].

As is generally known there are very important classic criteria of speech construction in journalism. They are: accuracy, the purity of the speech, logicity, appropriateness, correctness of style, expressiveness. But in fact the speech of modern publications is not always replied to these criteria. The standards in many journalists’ speech behavior have disappeared lately under the influence of the democratization’s general processes. Today advertising and mass-media are legislature establishment of modern style and speech fashion. Of course, journalism must be a service of collective interest, it should be estimating, free and expressive. But journalists mustn’t break speech etiquette, moral principles, they must be accurate in choosing the topics of their materials and speech means to express their thoughts.

Good speech presupposes the conformity with the ethics of communication both from the viewpoint of its content (e.g. intercourse on abstruse, forbidden and tactful topics) and from the standpoint of used forms to express this content. Fixed ethical frames dictate the content of speech activity. But with the help of colloquial and common vocabulary journalists try to “mark their audience”. Sometimes they can use not only the colloquial expressions, but even the words of vulgar nature. This overrunning the standards of the journalistic genre reflects the general tendency of published magazines’ liberalization, its breach with the previous direction of the standards of formal speech.

The text analysis of modern mass media (the magazines and newspapers *Cosmopolitan*, *Glamour*, *Gentlemen’s Quarterly*, *Men’s Health*; *Icon*, *Таймер*, *Наша Нива*, *Женский журнал*, *Elle*, *Reader’s Digest*, *She* and many others) reveals abnormalities of the standards in literary language and speech etiquette. Quite often we can find in these editions grammar mistakes, incorrect using of prepositions, misunderstanding of words’ meanings, unknown abbreviations and shortenings. But the main feature of modern print media is the wide expansion of nonstandardized speech, which makes unsteady the existing system of literary norms. The flow of

argot, slang, loan words and jargon is very visible in modern press. For example, such words and expressions as *треш*, *клевый*, *все через одно место*, *обычно-жизнь*; *во губу раскатала*, *не пляці лухты*, *вось дык адваліў*, *да халеры*, *паказуха*; *stud*, *funky*, *detestable*, *idiot*, *sexy look*, etc. change considerably the stylistic and emotional systems of the language. And as we know, the established stylistic system serves not only for the aesthetics, but also for the precise understanding of information. Therefore the destruction of this system automatically contributes to the lowering of the quality of communication.

Ethical taboo is the prohibition of contents, not only of the form of speech activity. Very often we can find taboo topics in Russian magazines, less in Belarusian and English editions. That's why using the euphemisms is the basic rule of ethical speech behavior. Moreover, the number of such expressions used in speech helps to define an individual's belonging to one or another type of speech culture.

Nowadays one of the burning issues concerning ethics and moral is the problem of hate speech that is called "race hate", "group libel" and defined as "any form of expression regarded as offensive to racial, ethnic and religious groups and other discrete minorities, and to women. Aiming to exclude, subordinate, discriminate against, and create second-class citizenship for entire groups of people, racist hate speech is used not only to intimidate and humiliate, but also to silence opposition" [4, p. 871]. Here journalism must play the important role in contribution to peaceful coexistence, self-determination of peoples, mutual understanding and disarmament.

One more rule of speech etiquette is respectful attitude to any interlocutor. It's evident that skills and abilities of successful speech activity stand in close relation to the cultural level of interlocutors. But today we can speak about "the author's snobbishness" that is manifested in disrespectful attitude to the addressee, speaking with emphasis and breaking the principle of a target audience as well as in materials' content and in choosing speech means to express the thoughts. Invective way of intercourse is absolutely unacceptable for good standard speech in any situation as such speech destroys the ethical and aesthetic expectations of the recipients. Sometimes the media has to use words in haste and in excitement, but any author should remember, that many words "can kill, in countless different ways. They can destroy characters as well as possessions. But words can also enlighten, comfort, uplift and inspire. They are the basic coinage of all culture, the essential units on which a civilization rests" [5].

Of course, many of these problems should be situated in the broader context. But taking into account all the mentioned above, we can draw the following conclusion: the language of print media today can't be considered as a model of public communication. Moral standards and rules of speech etiquette are often violated by using jargonisms, cant expressions, common language, taboo topics and even invectives in modern newspapers and magazines.

But everyone knows that an accurate expression of the thought, a rich language, and the exact selection of words in the speech forms thinking of the person and his professional skills. That's why the journalists should always have a good dictionary at hand, not merely to be sure of the significance of their verbal

tools, but to acquire new ones. “They should amass words in the banks of their minds and spend them with judicious generosity and scrupulous regard for their value. But they should also rejoice in their richness and power – a richness which is one form of wealth available to all humanity, and a power to make that humanity better. Respect for words and love of words are two sides of the same coin; and that coin is the currency which will enable the media to make a decisive contribution to world culture in the 21st century. But it must be a moral media, conducted by people with a strong sense of their moral obligations to society” [5]. We are of opinion that these words summarized the main idea of this article in the most accurate way. Moreover, they can be considered as one of the main moral and ethical principles in journalism on the whole and in print media discourse particularly.

REFERENCES

1. *Формановская, Н. И.* Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – 2-е изд. – М. : ИКАР, 2005. – 250 с.
2. *Goshkheteliani, I.* Teaching English speech etiquette to Georgian students [Electronic resource] / I. Goshkheteliani, N. Surguladze. – Mode of access : http://www.academia.edu/21263142/teaching_english_speech_etiquette_to_georgian_students. – Date of access : 19.04.2016.
3. *Frederick, H. H.* Global communication and international relations / H. H. Frederick. – Belmont : Wadsworth, 1993. – 288 p.
4. *Erni, J. N.* War, incendiary media and international human rights law / J. N. Erni // Media, culture and society. – 2009. – № 6. – P. 867–886.
5. *Johnson, P.* Can the Media Make a Moral Contribution to our Culture? [Electronic resource] / P. Johnson. – Mode of access : <http://www.tparents.org/library/unification/Talks/Johnson/MRL-MDIA.htm>. – Date of access : 22.02.2016.

The article deals with the problem of violation of speech etiquette and moral standards in modern print media discourse. The language of the press today can't be considered as a model of public communication. It is underlined that only accurate, logical, precise, expressive and appropriate speech in print media can make a moral contribution to our culture.

Н. Ю. Жданова
Минск, МГЛУ

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

Основное внимание уделяется определению понятия неожиданной развязки, а также анализу ее природы, которая основана на психологическом восприятии человека. Немаловажную роль играет определение положения данного приема в системе других способов создания комического эффекта. В заключительной части рассматривается классификация высказываний, основанных на использовании неожиданной развязки, которая разработана на основе анализа афоризмов известных деятелей культуры.

Неожиданная развязка – это прием, который все чаще используется в современных средствах массовой информации, социальных сетях, а также употребляется ораторами для привлечения внимания к определенной проблеме или явлению, что достигается за счет создания комического эффекта. Несмотря на растущую популярность этого приема, он не получил широкого освещения в сфере лингвистического познания. Именно поэтому актуальность данного исследования заключается в необходимости всестороннего анализа феномена неожиданной развязки для последующего определения его места в системе способов создания комического эффекта и разработки способов перевода таких высказываний на другие языки.

Неожиданная развязка – это прием, который связан с обманом ожиданий, когда ситуация, описываемая в высказывании, завершается совсем не так, как предполагает читатель. Именно поэтому можно сделать вывод, что данный феномен основан на психологической природе восприятия человека. Он исходит из того, что, как правило, контекст помогает читателю выстроить определенные предположения о том, какой будет развязка. В устной речи слушатель опирается не только на уже известную информацию, но и на экстралингвистическую ситуацию, чтобы додумать возможную концовку. При неожиданной развязке несоответствие возникает из-за того, что контекст и ситуация намекают на одно развитие событий, а в результате происходит нечто совсем другое. Третьим фактором, который помогает предсказать развитие событий, является личный опыт читателя/слушателя, что подтверждает и С. Л. Рубинштейн: «Нормальное восприятие человека характеризуется тем, что, воспринимая единичное, он обычно осознает его как частный случай общего. Уровень этой обобщенности изменяется в зависимости от уровня теоретического мышления. В силу этого наше восприятие зависимо от интеллектуального контекста, в который оно включается. По мере того как мы иначе понимаем действительность, мы иначе и воспринимаем ее. В зависимости от уровня и содержания наших знаний мы не только по-иному рассуждаем, но и по-иному непосредственно видим мир» [1, с. 288].

Зависимость от личного опыта придает феномену неожиданной развязки некоторую субъективность. Если человек раньше уже слышал конкретное ироничное высказывание, созданное при помощи данного феномена, то оно уже не произведет на него такого эффекта, как в первый раз. Выразительность высказывания может быть снижена, если оно создано на основе часто используемой модели. В таком случае компоненты высказывания будут варьироваться, но общий смысл не изменится.

Для создания комического эффекта прием неожиданной развязки может использоваться как отдельно, так и совместно с другими приемами. В первом случае обычно обыгрывается экстралингвистическая ситуация, которая сама по себе уже несет некоторый заряд комичности:

– *Когда я выйду на пенсию, то абсолютно ничего не буду делать. Первые месяцы буду просто сидеть в кресле качалке.*

– *А потом?*

– *А потом начну раскачиваться...* (Ф. Г. Раневская).

Данное высказывание является прекрасным примером того, как сила привычки влияет на человеческое восприятие. Все привыкли к тому, что словосочетание *сидеть в кресле качалке* подразумевает сидеть и раскачиваться, то есть значение слова *сидеть* расширяется. Ф. Г. Раневская использовала это слово в прямом значении, а дополнительное отделила и перенесла в другую фразу, за счет чего и получился комический эффект.

Если же высказывание основано на комплексном использовании нескольких приемов, то неожиданная развязка дополняет основной прием:

У настоящих художников есть внутренняя стратегия поведения: «кнутом и пряником». К этой позиции многие мои друзья призывали и меня. Я согласно кивал и даже пытался, но, увы. Когда кнут находится в руках у пряника... (А. А. Ширвиндт).

В данном высказывании неожиданная развязка основана на обыгрывании известного афоризма и олицетворении неодушевленного существительного.

Если учесть вышеизложенные факты, то возникает закономерный вопрос: о том, какое место занимает прием неожиданной развязки в системе способов создания комического эффекта. Ведь, как мы убедились, этот прием может использоваться и отдельно, и совместно с другими, и даже базироваться на них.

В системе комического основным способом создания данного эффекта является игра слов. В. З. Санников дает следующее определение данному понятию: «Языковая игра – некоторая языковая неправильность (или необычность), и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [2, с. 23]. Исходя из этого определения необходимо решить, является ли неожиданная развязка языковой неправильностью или нет?

Рассмотрим следующий пример:

«Мы бы с тобой неплохо дополняли друг друга!» – воскликнул Колобок, увидев всадника без головы! (М. Н. Задорнов).

На языковом уровне высказывание составлено грамотно, тем не менее, оно производит сильный комический эффект. Неожиданная развязка здесь строится не на лингвистических, а на экстралингвистических средствах, а именно на обыгрывании двух литературных персонажей, которые известны всем.

– *Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, – похвастался Раневской Виктор Розов. – Люди у касс устроили форменное побоище!*

– *И как? Удалось им получить деньги обратно?* (Ф. Г. Раневская).

В данном примере неожиданная развязка строится на противопоставлении положительного и отрицательного значения слова *побоище*, но, несмотря на использование лингвистических средств для создания комического эффекта, в этом высказывании нет никакого нарушения норм.

Приведем третий пример, где языковая неправильность создается с помощью оксюморона:

Странная актерская болезнь – привыкаемость к узнаваемости. Ужас этого недуга в том, что узнаваемость подчас исчезает, а привыкаемость к ней – никогда (А. А. Ширвиндт).

Это высказывание является примером комплексного использования методов по созданию самоиронии, одним из которых стала неожиданная развязка. «Привыкаемость к узнаваемости» – это оксюморон, в результате разделения которого и получается эффект непредсказуемого финала.

Таким образом, неожиданная развязка не является подвидом языковой игры, а существует как отдельный самостоятельный способ создания комического эффекта. Тем не менее, согласно общей тенденции языка, эти приемы тесно связаны друг с другом и могут использоваться параллельно, тем самым увеличивая экспрессивность высказывания.

Неожиданная развязка – очень продуктивный прием. Он применяется как политиками, так и деятелями искусств или простыми людьми для достижения разных коммуникативных целей. И всегда высказывания такого типа будут обладать яркой экспрессивной окраской и привлекать внимание слушателей. По уровню экспрессии устные высказывания являются более выразительными, так как уникальная интонация говорящего и расстановка акцентов помогают в правильном восприятии высказывания и лучше передают замысел автора.

Для более глубокого понимания данного феномена необходимо проанализировать высказывания, созданные на основе неожиданной развязки, и привести несколько классификаций, разработанных на основе этого анализа.

По характеру создания все высказывания можно разделить на:

- *спонтанные* (часто встречаются у Ф. Г. Раневской):

Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много — в Книгу о вкусной и здоровой пище (Ф. Г. Раневская);

- *продуманные заранее* (характерны для комиков и сатириков, выступающих со сцены):

Известный бизнесмен Альфред Шпок очень любит путешествовать. Благодаря своему увлечению ему удалось собрать уникальную коллекцию домашних белых тапочек, вывезенных из самых дорогих отелей мира (М. Н. Задорнов).

В зависимости от степени самостоятельности выделяются:

- *самостоятельные афоризмы*:

С возрастом мы всё время преодолеваем разного рода пороки, и, когда, наконец, всё преодолено, образуется огромное количество времени, которое нечем занять. Тут и выручает рыбалка (А. А. Ширвиндт);

- *афоризмы-ответы на реплику собеседника*:

Приятельница сообщает Раневской:

– Я вчера была в гостях у N. И пела для них два часа...

Фаина Георгиевна прерывает ее возгласом:

– *Так им и надо! Я их тоже терпеть не могу!* (Ф. Г. Раневская).

Также можно рассмотреть группы афоризмов в зависимости от тематики, но такая классификация является очень обширной, так как предложенные ситуации относятся ко всем сферам жизни общества.

Таким образом, в данной работе основное внимание было уделено природе и определению понятия неожиданной развязки. На основе изученного материала стало возможным установить положение данного приема в системе других способов создания комического эффекта, а также разработать классификации высказываний, которые основаны на использовании данного приема. Принимая во внимание факты, освещенные в этой работе, можно продолжить дальнейшее исследование метода неожиданной развязки в прикладных сферах, например, в переводческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии* / С. Л. Рубинштейн. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с.
2. *Санников, В. З. Русский язык в системе языковой игры* / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2012. – 552 с.

This paper covers the major issues which will help to understand the deep nature of the phenomenon of unexpected conclusion through the analysis of its definition, relation to psychology, place in the system of other methods of comical effect creation, classification based on quotations of famous Russian cultural figures.

Ю. И. Солянка

Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИМИДЖА УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются проблемы исследования модели имиджа высшего учебного заведения, определения составляющих ее блоков, выявления функций имиджа учреждения высшего образования, изучения его структуры, а также создания и поддержания его позитивного имиджа. Выделены обязательные и факультативные компоненты структуры имиджевых текстов учреждений высшего образования, проведен тщательный анализ блоков информации в данных компонентах, а также рассмотрены лексические, грамматические и стилистические средства речевого воздействия в данных текстах.

Для идентификации и позиционирования учреждения высшего образования на конкурентном рынке образовательных услуг отделы по связям с общественностью и маркетинга разрабатывают модели корпоративной культуры, реализуя их через вербальные, визуальные и аудиовизуальные каналы. Одним из способов отражения корпоративной культуры учреждения

высшей школы является имиджевый дискурс, под которым мы понимаем совокупность рекламных и PR-текстов, отражающих образ учреждения во внешней среде и формирующих положительный имидж. Имиджевый дискурс наиболее эффективно передает функции воздействия и информирования внешней общественности. Данный вид дискурса относится к современным PR-коммуникациям и является вербальным способом создания и отражения корпоративной культуры, способствующим положительному позиционированию и имиджу учреждения высшего образования на рынке образовательных услуг [1].

Имиджевый дискурс – это форма интегрированных маркетинговых коммуникаций, с помощью которых целевая аудитория создает в своем языковом сознании целостный образ учреждения высшей школы благодаря интеграции информирования и воздействия различными способами [2].

Целевая аудитория рассматриваемого имиджевого дискурса, на которую направлены информационные и воздействующие обращения, разнообразна – от директоров школ до абитуриентов и их родителей. Каждый сегмент аудитории имеет свое языковое сознание, поэтому целесообразнее отражать корпоративную культуру учреждения высшего образования и формировать имидж индивидуально.

Воздействие на узкие сегменты должно проводиться по доступным каналам и учитывать языковые формы реализации целевой группы. При этом язык устанавливает взаимосвязь между содержанием мысли и ее речевой формой, а сам процесс воздействия происходит при использовании рекламного сообщения и PR-текста и восприятии звучащей (слышимой) и письменной (видимой) речи.

Речевое воздействие на языковое сознание абитуриентов, являющихся основным сегментом, способствует продвижению учреждения высшего образования на рынке образовательных услуг.

Для повышения уровня восприятия данного имиджевого дискурса абитуриентами необходимы 1) информативность; 2) воздействие; 3) отражение корпоративной культуры. Эти рекомендации должны реализовываться на лексическом, грамматическом, семантическом уровнях и в различных языковых формах выражения [3].

Неотъемлемым атрибутом любой системы является ее структура. Рассматривая имидж учреждения высшего образования как социально-психологический феномен, мы можем выделить в его структуре обязательные и факультативные компоненты.

В структуре имиджевых текстов учреждений высшей школы выделяются обязательные компоненты, которые встречаются более чем в 70 % рекламных текстов. К их числу относятся год основания, инфраструктура образовательного процесса, наличие базы практик и дальнейшее трудоустройство выпускников, места в рейтингах, условия зачисления и форм обучения, перечень специальностей и сроков вступительных испытаний и их формы, профессорско-преподавательский состав с указанием остепененности сотрудников [4].

Год основания используется в имиджевых текстах для описания истории создания и образования конкретного заведения, а также для придания статусности и повышения уровня престижности. Инфраструктура образовательного процесса, в которую включаются условия внеаудиторной деятельности студентов, является для потенциальных абитуриентов наглядным примером широких возможностей в пределах кампуса. В блоке о наличии базы практик и дальнейшее устройство выпускников учреждения высшего образования приводят информацию не только о странах, городах, с которыми налажено сотрудничество, но и о конкретных компаниях, предлагающих возможность стажировки и прохождения практики для углубления профессиональных знаний, накопления опыта. Места в рейтингах упоминают все учреждения высшей школы, которые занимают первые места, для придания статусности и поддержания позитивного имиджа. В условиях поступления и формах обучения указываются минимальные баллы, необходимые для зачисления, а также конкурс предыдущего года. В перечне специальностей и сроков вступительных испытаний и их формы приводится информация о всевозможных курсах и программах обучения, которые студенты могут выбрать самостоятельно. Многие учреждения приводят также список специальностей и курсов, пользовавшихся популярностью среди студентов в прошлом году. Информация о профессорско-преподавательском составе используется заведениями при описании штаба сотрудников, а также их остепенности для поднятия уровня своей популярности среди абитуриентов.

В структуре имиджевых текстов учреждений высшего образования выделяются также факультативные элементы, которые встретились в 69 % рекламных текстов. К ним относятся:

1) возможность получения дополнительной специальности, углубления изучения отдельных дисциплин, где приводится информация о курсах, дисциплинах, которые можно изучать на более глубоком, профессиональном уровне на различных ступенях получения образования (*graduate, post graduate*);

2) связи с зарубежными партнерами и программы стажировок и студенческого обмена, в которых указан список компаний, с которыми налажено сотрудничество;

3) наличие послевузовского образования и подготовительных курсов с указанием сроков [4].

Ведущим средством формирования позитивного имиджа учреждения высшего образования являются лексические средства речевого воздействия. Экспрессивные лексические средства используются для оказания воздействия, создания большей эмоциональности высказывания. С этой целью чаще всего используются фразеологический оборот (*stand out from the crowd*), эпитет (*nurturing ground for enterprising minds*), эмфатические конструкции (*founded in 1495, the University of Aberdeen is one of the UK's most internationally distinguished universities* – инвертированная конструкция). Наиболее употребительным средством воздействия в данных имиджевых текстах является эмоционально-экспрессивная лексика, из которой 38 % составляют прилага-

тельные, среди которых можно выделить эмоционально-окрашенные прилагательные, такие как *brilliant, significant, outstanding*, а также прилагательные в превосходной степени, например, *the most prestigious, the best*. Второе место по употребительности занимают группы эмоционально-окрашенных глаголов (31 %): *immerse, boost, shine, tackle* и т.п. Менее частотными являются частицы (19 %) и наречия (12 %), обозначающие высшую степень качества, например, *the most, extremely*.

Каждое учреждение высшего образования стремится использовать как можно больше лексических средств для создания благоприятного имиджа, поднятия статусности, престижности, а также уровня популярности среди абитуриентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева, В. И. Имидж образовательных учреждений [Электронный ресурс] / В. И. Николаева // Маркетинговые исследования. – Режим доступа : <http://science.wsu.ru/publications-and-patents/publications/articles/details/material/5800>. – Дата доступа : 13.03.2015.
2. Шефер, О. В. Отражение корпоративной культуры вуза в имиджевом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Шефер. – Челябинск, 2007. – 163 л.
3. Борисова, Ю. В. Анализ конкурентоспособности образовательного учреждения / Ю. В. Борисова, И. В. Тихомирова. – М. : Открытое образование, 2002. – 53 с.
4. Ананченкова, П. И. Совершенствование имиджа как фактор конкурентоспособности высшего учебного заведения : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / П. И. Ананченкова. – М., 2009. – 163 л.

This article deals with the problems of studying the structure of a higher educational establishment, analyzing its main functions and creating its positive image. The research reveals the fact, that PR-texts of all examined higher educational establishments have their specific structure realized by obligatory and optional components. Lexical, syntactic and stylistic means of creating a positive image of higher educational establishments have been identified.

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

K. A. Voskovich

Minsk, MSLU

THE GERMAN FACTOR IN THE EMERGENCE OF AMERICAN ENGLISH

Описан анализ влияния германских заимствований на развитие американского английского в условиях массовой германской иммиграции в США в XIX – начале XX в.

From its earliest days, the USA has been a nation of immigrants, starting with its original inhabitants, who crossed the land bridge connecting Asia and North America tens of thousands of years ago. Many immigrants came to America seeking greater economic opportunities, better conditions, and religious freedom. In this respect, as the Germans are one of the predominant immigrant groups of the 19th century, German immigration and its contribution to the USA occupies a special position. Moreover, when German immigrants came to America in the late 1800s, especially due to the Homestead Act, they brought its language, customs and religion to the new land. Their mark on the American variety of English can be observed in the amount of borrowed words and established dialects.

Actually borrowed words undergo a process of being assimilated so that they can become permanent members of a language. The number and character of borrowed words may illustrate the relations between nations, the level of their culture. No wonder that borrowings have often been called the milestones of history. The number and character of borrowings do not only depend on historical factors, on the nature and length of the contacts, but also on the degree of the genetic and structural proximity of languages [1].

Since English is considered to be a Germanic language, containing lots of German origin words, some of them can be encountered as identical in both languages or slightly changed (e.g. *finger-finger*, *winter-winter*, *onkel-uncle*, *blau-blue*). These words are identical because they evolved from a single language. Their closeness derives from their shared ancestry: the West-Germanic language family. Words in these groups are called cognates, that need not have the same meaning: *dish* (English) and *Tisch* ('table', German), or *starve* (English) and *sterben* ('die', German), or *head* (English) and *chef* ('chief', 'head', French) serve as examples as to how cognate terms may diverge in meaning as languages develop separately, eventually becoming false friends.

The German language has provided American English with a huge number of words, many of them pertaining to food, music, science, and politics, due to the influence of German-speaking people on those areas of human endeavor. Borrowing or sharing words between languages is a natural process that occurs when different cultures and societies intermix. It is important to appreciate that cross cultural contact has been a part of the human condition since the beginning of

civilization and continues to be part of the modern world. Furthermore, German borrowings have been a powerful, constructive force in the formation of the American language and culture. They managed to add many terms to the American vocabulary. Most of the words have become so common in American English, at least, in some areas, that they are considered part of the American language (*wunderkind*, *Bildungsroman*, *hamburger*, *schnitzel*, *waltz*). Samples of the impact of German culture on the English-speaking world are numerous and the fields in which borrowing has taken place are fairly well known. Many of the loanwords relate to:

- food (*sauerkraut*, *hamburger*, *pretzel*, *noodle*, *schnitzel*, *pumpernickel*, *frankfurter*, *delicatessen*, *bratwurst*);
- music (*leitmotif*, *spiel*, *concertmaster*);
- sport (*abseil*, *snorkel*);
- politics (*lebensraum*, *putsch*, *Reichstag*);
- military (*blitzkrieg*, *diktat*, *Gestapo*, *flak*);
- education (*kindergarten*);
- feelings (*angst*, *Weltschmerz*, *schadenfreude*, *katzenjammer*).

German has had a considerable impact on American English as it is spoken in the US. Many common American expressions turn out to be of German origin. *Hold on* in the sense of ‘wait a minute’ is from German *halt on*. The English say *good-bye*, but the Germans gave Americans *so long*, from their salutation *so lange*. Whenever someone talks rapidly and without stopping he is said to *talk a blue streak*. This comes from the German expression *das Blaue vom Himmel schwatzen*. The German expression, *gesundheit* means ‘to your good health’ as ‘God bless you’ and is commonly uttered when someone sneezes. And at times the German word gives the text some special flair (*zeitgeist* is used for some stylistic reason instead of ‘spirit of the age’). There are slang phrases, obviously suggested by German, as *ach Louie* and *on the Fritz* (‘not working properly’) or *shyster* (‘a person who uses fraudulent or deceptive methods in business’). The word *dumbhead* appeared obviously from the German *dummkopf*.

In many cases groups of German immigrants settled in such a way as to establish speech islands characterized by a distinct local dialect. The largest and best known of them is the Pennsylvania German dialect. Dutch was applied not just to the language of Holland. Due to the fact that it has always been primarily a colloquial, spoken dialect, very different in form and content from standard German, Pennsylvania German presents serious problems with orthography. Almost any statement can be rendered in a variety of spellings [2, p. 144–145].

Die Hundstage kumme all Jahr un bleibe sechs...

De hoons-dawga cooma alia yohr un bliva sex...

Die Hundsdaage kumme alle Yaahr un blwewe sex...

During its long years of isolation, Pennsylvania German has become increasingly distinct from mainstream German. Many words bare the unmistakable mark of English influence; others preserve archaic or dialectal German forms. And still others have been coined in situ. The drift away from standard German can be seen in the following:

Aagelesser → *brillen* → *eyeglasses*;

Elfder → *elf* → *eleven*;

Feierbletz → *kamin* → *fireplace*;

Alde dage → *alter* → *old age*;

Grischtdaag → *Weihnachten* → *Christmas*.

In discussing the significance of borrowings, it is also important to consider the different types of linguistic borrowings possible:

1) simple and compound words of German form. Both the meaning and the form are transferred (*angst*);

2) hybrid compounds made in German (*autobahn*). *Auto-* is a short form of *automobile* and *bahn* is German;

3) partial adaptations or translations (*alpenglou*). *Alpen-* is German and *glou* is English;

4) loan translations (*afterburner* for German *Nachbrenner*);

5) semantic loans (*elector* for German *Kurfürst*). The meaning was borrowed from German;

6) English derivations made from German bases (*alpenstocker* after *alpenstock*);

7) Proper names and (German) derivations made from these (*fahrenheit*, *gauss*);

8) neo-Latin/Greek compounds and derivations first suggested by a German (*activism*);

9) partial translations from these (*abreact* for German *abreagieren*). The prefix is retained but the English form used for the verb [3].

English has not only borrowed words from Germany there are also some quite common affixes taken from German which are used for building new words in English: *-burger* (*beefburger*, *cheeseburger*, *veggie-burger*), *-fest* (*bookfest*, *fanfest*, *songfest*), *wunder-* (*wonderland*) and *-meister* (*schockmeister*, *talkmeister*).

Definitely in the last 300 years and especially in the 19th century German immigration was in the lead among other immigration groups, which came to the USA and has significantly contributed to the development of the country and language.

REFERENCES

1. Гинзбург, Р. З. Лексикология английского языка : учеб. пособие для вузов / Р. З. Гинзбург [и др.] – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1979. – 271 с.
2. Bryson, B. Made In America: An Informal History of American English / B. Bryson. – William Morrow Paperbacks; Repr. ed. – N. Y. : HarperCollins Publishers Inc., 2001. – 1310 p.
3. Capturing the Zeitgeist [Electronic resource]. – Mode of access : http://skemman.is/stream/get/1946/9996/24994/1/BA_Hjaltason_German_Loanwords.pdf. – Date of access : 17.02.2016.

The article highlights and analyzes the role and influence of mass German immigration to the USA in the 19th and early 20th centuries on the emergence and peculiarities of American English. In this sense, the German factor affected American English profoundly, especially due to its flexibility, word-stock and applicability.

М. С. Габрусенок

Минск, БГУ

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО СЦЕНАРИЯ В РАКУРСЕ ЕГО ПЕРЕВОДА НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

Настоящая статья представляет собой практическое исследование жанрово-стилистических черт сценария мультипликационного фильма «Король Лев» и их учет при переводе на русский язык. Автор рассматривает, каким образом переводчику удалось передать особенности на лексическом, грамматико-синтаксическом, фонетическом и стилистическом уровнях.

Мультипликационному сценарию как виду детской художественной литературы присущи свои жанровые и стилистические особенности. Сценарии для мультипликационных фильмов создаются с учетом того, что их основной зрительской аудиторией являются дети, с чем и связана специфика данных произведений: достоверность и правдоподобность картины, разговорный язык, наличие средств художественной выразительности. С целью выявления жанрово-стилистических особенностей мультипликационного фильма и принципов их учета при переводе на русский язык нами был проведен анализ отрывка из мультипликационного фильма «Король Лев», написанного Брайаном Тиманном, и перевода, выполненного Станиславом Шаровым.

На лексическом уровне были выделены следующие черты:

1) наличие лингвострановедческих названий (преимущественно географических): *Pride Rock – Львиная скала, Pride Lands – Львиная Долина*. Для того чтобы адаптировать содержание картины для русскоязычного реципиента переводчик применяет такие трансформации, как калькирование (*Pride Rock – Львиная скала*), модуляцию (*beyond the borders – Чужие Земли*), калькирование с заменой части речи (*Circle of Life – Жизненный Круг*);

2) отсутствие сложной лексики, терминологии, неологизмов и соответственное использование простой лексики: *принц, друг, опасность, гость, prince, friend, danger, guest*). Данная черта обусловлена особенностями детского развития и мировосприятия.

Однако следует выделить случай использования устаревшего слова: *I shall practice my curtsy. – Пойду поучусь реверансам*. При переводе данного предложения переводчик использовал устаревшее слово, которое может вызвать у ребенка трудности в понимании. В данном случае можно было бы дать наиболее приемлемый вариант перевода: *Пойду поучусь кланяться*.

Грамматико-синтаксические особенности составляют:

1) простые грамматические формы в виде простых по структуре предложений с небольшим количеством лексических единиц, где отсутствуют сложные инфинитивные, причастные и герундиальные конструкции: *Kill him.* – *Убейте его*; *Will I like the surprise?* – *А мне понравится сюрприз?*;

2) слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *daddy* – *папочка*, *doves* – *голубочки*. Необходимо отметить, что в некоторых случаях переводчик прибегает к таким трансформациям, как объединение и членение предложения. Применение данных трансформаций является целесообразным и не влияет на содержание и смысловую нагрузку картины: *Look Simba. Everything the light touches is our kingdom.* – *Смотри, Симба, всё, чего касается солнечный луч – наше королевство*;

3) передача информации в форме диалога (диалог как наиболее легко воспринимаемая форма передачи информации):

Simba: Isn't this a great place?

Nala: It is beautiful... But I don't understand something. You've been alive all this time. Why didn't you come back to Pride Rock?

Симба: Правда здесь замечательно?

Нала: Здесь прекрасно. Но я не могу понять одного. Все это время ты был жив. Но почему ты не вернулся на Львиную Скалу?

На фонетическом уровне при переводе учитываются особенности произношения героев, например, заикание: *I-I-I didn't know it.* – *Я-я-я не знал*. Так как данная особенность отражена в оригинале мультфильма, то и в переводе она сохраняется.

Жанрово-стилистические особенности представлены:

1) разговорной лексикой: *No. It's really cool!* – *Не, там очень круто!*; *What' cha do, kid?* – *Чего натворил-то?*;

2) эпитетами как основным средством образно-художественной выразительности: *Your father has a marvelous surprise for you.* – *Твой отец приготовил просто **убийственный** сюрприз*.

В результате проведенного анализа было обнаружено, что в оригинале сценария употреблено больше эпитетов, чем в русском переводе. В некоторых случаях они опускаются. Этот прием можно считать не вполне уместным, так как перевод эпитетов в данных случаях не вызывает особых трудностей;

3) сравнениями: *He's as mad as a hippo with a hernia.* – *Он зол, как бегемот, наступивший на колючку*. В данном случае переводчик сумел правильно подобрать необходимое сравнение в русском языке (так как использование эквивалента было бы неуместным).

4) фразеологическими оборотами и пословицами (что характерно как для оригинала, так и для перевода): *It's like you are back from the dead.* – *Как будто ты восстал из мёртвых*. В данном случае в обоих языках имеются эквивалентные устойчивые выражения;

5) игрой слов. Этот стилистический прием применяется для создания комического эффекта в произведении: *The buzz from the bees is that the leopards are in a bit of a spot.* – Пчелы прожужжали, что леопарды заняли свое имя; *And the baboons are going ape over this.*– Макаки же обезьяничают над всеми. Переводчику удалось передать смысл реплик, несмотря на языковые различия двух языков;

6) песнями (переводчик сумел сохранить как смысловую нагрузку текста, так и ритм песен).

Таким образом, учитывая популярность русскоязычной версии анализируемого мультфильма, мы можем отметить, что переводчик хорошо справился с задачей и передал все жанрово-стилистические особенности, а используемые им приемы могут рассматриваться в качестве образца при обучении художественному переводу.

Understanding genre and stylistic peculiarities of a cartoon script is a key factor for a translator to make his version in a foreign language understandable for a young audience. Lexical, grammar, phonetic and stylistic features of the text require particular approaches in translation which, due to the analysis, is skillfully done by the translator of *The Lion King* cartoon.

P. Y. Kaplunou
Minsk, MSLU

BILATERAL SOCIOLINGUISTIC CORRELATIONS BETWEEN THE INDIGENOUS MAORI AND THE ENGLISH NEWCOMERS

Рассматривается историческое, этническое и социолингвистическое взаимовлияние культур коренного народа Новой Зеландии и англоговорящих колонизаторов, отражено взаимопроникновение новой лексики в лексикон обеих культур. Проводится связь между освоением языка чужеземцев как одним из факторов мирного (относительно других колонизованных регионов) исторического процесса становления английского языка в Новой Зеландии и его дальнейшее развития и преобразования в новозеландский вариант английского языка. Выделяются социальные взаимоотношения между двумя народами, которые привели к образованию языкового субстрата и суперстара. Также рассматривается сдвиг определённой картины мира под влиянием религии и государственности; приведены примеры последствий языковой интерференции. Автор стремится объяснить комплекс причин, которые способствуют образованию языковых вариантов в условиях конвергенции.

As observed by David Crystal English has spread globally due to major socio-historical factors. British English dominated up to the latter half of the 20th century to be replaced by American English due to the superpower status of the USA. However spreading globally, especially in the days of imperial dominance of the UK the English brought by the colonizers to different parts of the world was also prone to enrich itself by consuming many of the languages of the indigenous

population of the Empire, forming new variants of English on the conquered territory. New Zealand was no exception to the process of interference of the language of the newcomers and the indigenous Maori population [1, p. 489].

The non-native (pakeha) population of New Zealand began shaping the worldview of the native Maori in its own image from the first days of settlement. Much of this was done to the end of self-enrichment and profit, which could be derived from the then-gullible Maori, who were awed by the arrival of the Europeans. It is this intentional influence that manifested itself in the formation of a superstratum of vocabulary and the development of syncretic concepts. Yet the Maori were not eager to relinquish their own beliefs as a result of the pakeha invasion. The interference of languages and differing spheres of concepts led the Maori to monotheistic views, in comparison to the mythological origins linked with folklore characters. The rule of a tribal elder was seceded by the introduction of the concept of a Supreme Being and thus, by the 1840s over 60 percent of the natives were more or less peacefully converted to Christianity (40 percent – Anglican, 15 percent – Methodist, 5 percent – Catholic).

The manifestation of new concepts often relied on prototypes from the culture of Maori social relations, however, as for religious beliefs, these were introduced without any metaconcepts. In order to relate Christian concepts to the Maori, pre-existing terms were expanded upon and received supplemental meanings. Such was the case with the Maori terms for *Atua* and *Ariki*, meaning ‘ancestor’ and ‘first-born in a privileged family, hence priest or chief’ respectively; these received the meanings of ‘God’ and ‘Heavenly Spirit’. According to traditional Maori beliefs their people descended from two mythical ancestors and their six children. Despite not having a central divine figure the imposition of the Europeans’ own concepts and practices of the Christian way of faith soon became associated with similar concepts and practices of the Maori. *Iriiri* – the cutting of the umbilical cord – came to signify ‘baptism’, *karakia* – chants and charms addressed to the many gods of the Maori – became the appellation of prayers, *matua* – meaning parent, often father, or elder – became the term for ‘Heavenly Father’. The study of the Bible translated into Maori showed that many of the parochial words were simply transliterated, without supplemental annotations. Some concepts even became adjoined to others; such was the case with the word *Ihowa* (Jehovah, or God, as named in the Old Testament), which was coupled with *Atua*, thus becoming *Ihowa Atua* – ‘Holy God’. Though often adapted to the phonetic structure of the natives’ language the transliteration of English religious terms that had no counterparts in the natives’ tongue led to the introduction of new lexemes and syllabic structures into Maori. The Maori later went on to independently develop new worldview concepts based on those that were imposed on them by the Europeans. *Io* became the proper name for the one supreme being – God. It can be argued that the Maori derived the name *Io* from *Ihowa* (*Ihowa/Ihoa/Io*). The fact that many Maori were acquainted with the idea of a Supreme God by the 20th, whereas the Polynesian peoples, from whom the Maori were said to have originated, were not, is attributed to the strong spiritual rule of Christianity, which was superimposed on the indigenous people of New Zealand.

The sphere of concepts of “statehood” was also unknown to the Maori before the arrival of the Europeans. No form of government had existed thereof. The creation of such a thematic segment was an attempt by the non-native population to find common ground in differing worldviews. This is well reflected in the 1835 United Tribes of New Zealand Treaty and the New Zealand Declaration of Independence, the precursor to the Treaty of Waitangi of 1840, which essentially formally established British sovereignty over the country. The terms and conditions in the Treaty were translated as best as possible to the realia of the Maori, however even this did not suffice in bringing the natives closer to understanding the more complex concepts of the Europeans. As a result, conventional Maori terms were updated and expanded upon to bring the natives closer to the worldview of the non-natives. *Whenua*, referring to land, earth or a specific tribal territory, came to mean ‘country’; *wakaminenga*, or a group of tribes, was expanded to mean ‘confederation of tribes’; *rangatiratanga*, literally meaning ‘the will of the tribal chief’, came to signify tribal authority or rule. The last was a key term in expanding the Maori understanding of authority. Certain English lexemes were mixed with the Maori suffix *-tanga*, similar in meaning to the English *-ship*, to introduce new concepts. Maori terms denoting social relations were thus intentionally altered to accommodate foreign ideas [2].

As for English in New Zealand, it is considered to be a de facto language on the territory of the island nation. Yet it has developed its own distinct lexicon, which singles New Zealand English out as another variety of English. A specially coined term – ‘New Zealandisms’ – refers to several layers of vocabulary such as words that relate to New Zealand society, events, artefacts, neologisms and dialect words. However, because New Zealand English is still predominantly composed of English lexicon the term ‘New Zealandism’ predominantly refers to loan words, particularly those of Maori origin.

The Early Period of Loan Words, which came before 1860, had four main classes of lexicon: flora, fauna, Maori society and cultural practices, as well as place names. Here we find words like *kiwi* – the symbolic bird, *paua* (New Zealand abalone) – a variety of fish, *katipo* – a type of poisonous spider, *Manuka* – the tea tree. Though many words were used for previously unknown species and breeds of plants and animals, a dualism developed, with at one point there being English and Maori names for the same objects. Gradually the English words were made redundant and the Maori ones became consolidated in the language. To be objective, the reverse process, where English words prevailed over Maori words, also took place.

Onomastics, the study of the history and origins of proper names, reveals the cultural significance of indigenous place names to Maori culture. A large proportion of toponyms bear duality or possess alternative names such as Mount Taranaki (Mount Egmont) or Aoraki/Mount Cook, which are commonly spelled with the forward slash, reflecting both Maori and British Heritage. Other place names may be Maori proper (*Aotearoa*, *Kerikeri*, *Maungati*) or English proper (Christchurch, Wellington, New Plymouth). The Treaty of Waitangi is mainly responsible for conferring dual names. Ever since the New Zealand Geographic Board was set up in 1946, many of the original place names have been reinstated and have received encouragement in their use.

The Late Period of Loan Words began only after the 1970s, considered to be the beginning of the Maori renaissance and often linked to a demand by the Maori of greater say in the governing of their lives. During this period New Zealand English witnessed an influx of culturally specific words as well as words reflecting modern developments in Maori society. An example of this is *kobanga reo* (literally ‘language nests’) referring to preschool Maori language programmes, a development of the 1980s. Words for tribe – *iwi*, or canoe – *waka* that have since are now always used in lieu of their English counterparts. Overall, the Maori language remains a prolific source of borrowings [3, p. 67–74].

Thus we see how the fundamental spiritual beliefs of the Maori were accommodated to suit the ideas that came with the spread of Christianity. Conversely, the need to trade and establish commerce spurred the settlers to learn Maori vocabulary so as to give names to objects and concepts unknown to them before. In time the Maori layer of words came to be recognized as predominant and firmly secured its place in the English lexicon of New Zealand. This coevolution of people and their interaction through religion, trade and language also reflects a relatively peaceful colonisation process. Despite the 27 years of Wars with the Maori, who were displeased with the unjust land claims stipulated in the Treaty of Waitangi and the gradual decline of Maori culture in the early 20th century the progressive culture that took its roots in New Zealand showed willingness to reconcile. This may be contrasted to the oftentimes violent and prolonged colonisation of the Americas, as well as New Zealand’s closest Empire-colonised neighbour – Australia, where much bloodshed and injustice took place. Rather sooner than later the rights of the Maori were recognized and state funded programmes made it their goal to revive and preserve the indigenous heritage. Though Maori words have been present in English ever since the dawn of the colonisation of New Zealand their number and prominence has since increased and become an inalienable part of New Zealand culture. Such historical, social and cultural developments gave rise to the New Zealand variety of the English language and secured its place an undeniable entity among the Englishes of the world.

REFERENCES

1. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 489 p.
2. *Николаева, О. В.* Теория взаимодействия концептуальных картин мира: языковая актуализация (на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / О. В. Николаева ; Дальневосточ. федер. ун-т. – Владивосток, 2011. – 453 л.
3. *Hay, J.* New Zealand English / J. Hay, M. MacLagan, E. Gordon. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2008. – P. 67–74.

This article is purported to highlight the interaction of the languages of antagonistic cultures and the consequences of the process affecting the language of the native New Zealand population and the British newcomers.

Ю. О. Корень
Минск, МГЛУ

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ В РЕШЕНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ

*Не букву буквой нужно воспроизводить в переводе,
а (я готов повторять это тысячу раз!) улыбку –
улыбкой, музыку – музыкой, душевную тональность –
душевной тональностью.*

К. И. Чуковский

В статье говорится об основных мыслительных операциях в решении переводческой задачи, о сложностях переводческого процесса, проблемах переводимости и о переводе как многогранном и необходимом аспекте жизни человеческого общества.

Перевод – это сложный, но в то же время важный и необходимый аспект жизни человеческого общества, который позволяет ему развиваться и функционировать. Процесс перевода совсем не означает механическую замену слов и выражений одного языка на слова и выражения другого. Это многогранная и трудная работа переводчика с текстом, при которой обращается внимание не только на лингвистические, но и на культурные, национальные, исторические особенности происхождения переводимого текста. Как точно отметил В. Н. Комиссаров, «в переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе – переводоведении – могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты» [1, с. 11]. Перевод – это возможность познания, так как вся культура так или иначе связана с переводом.

Сам процесс перевода можно изучать только теоретически, поскольку он происходит в сознании переводчика и недоступен для исследования. Тем не менее переводчик в своей работе встречается с определенными проблемами, которые требуют обязательного решения. Одна из них – апория переводимого и непереводимого. Суть ее заключается в том, что любой текст в одно и то же время может считаться непереводимым, поскольку в переводе отсутствует полное подобие оригинального текста, и переводимым, поскольку существует текст, который воспроизводит оригинал на другом языке и в иной культурной среде, при этом не являясь его полным подобием. Переводчик всегда действовал и действует в условиях аперии переводимости и непереводимости, особенно если работает с художественными текстами. Он с помощью фоновых знаний, опыта, как жизненного, так и перевод-

ческого, и литературного таланта формирует текст, по возможности близкий к оригиналу. В этом смысле особенно показательны переводы разными переводчиками знаменитого стихотворения Артюра Рембо. В оригинале на французском языке:

*L'étoile a pleuré rose au coeur de tes oreilles,
L'infini roulé blanc de ta nuque à tes reins
La mer a perlé rousse à tes mammes vermeilles
Et l'Homme saigné noir à ton flanc souverain.*

В переводе на русский язык М. Кудинова это стихотворение выглядит следующим образом:

*Рыдала розово звезда в твоих ушах,
Цвела пунцово на груди твоей пучина,
Покоилась бело бескрайность на плечах,
И умирал черно у ног твоих Мужчина.*

Перевод Е. Головина и по форме, и по содержанию отличается от перевода М. Кудинова:

*Звездная слеза розовеет в сердце твоих ушей.
Белизна бесконечности нисходит, извиваясь, от твоей шеи к бёдрам;
Море золотисто жемчужится вокруг твоих багряных сосков...
И человек истекает черной кровью близ твоего царственного лона.*

В первом случае мы видим художественный перевод по форме максимально приближенный к оригиналу. Насколько возможно М. Кудинов сохранил смысловое наполнение, но в его переводе имеются разночтения с оригиналом. Это, видимо, сделано для того, чтобы сохранить форму стихотворения, по возможности не утратив его смыслового наполнения. В свою очередь Е. Головин, сделав практически подстрочный перевод, сохранил смысловое наполнение, но максимально отдалился от оригинальной формы. Оба переводчика справились со своей задачей, но не смогли сохранить единство формы и содержания. Ведь как точно заметил Ю. Борев, «каждый язык имеет свою специфическую систему идиоматических оборотов, синонимов и омонимов. Они ложатся в основу комедийных языковых средств и влияют на национально-стилевое своеобразие юмористического произведения. Уже в простой народной шутке, острой поговорке, остроумном речении мы сталкиваемся с этим комедийно-стилевым значением языкового материала. Например, на омонимической близости французских слов *tête* ('голова') и *bête* ('скотина, животное') основано комедийно-шуточное переименование выражения *tête-à-tête* ('один на один') в остроумное *tête-à-bête* ('один на один со скотиной') – перевод практически не передает прелести остроумия этой игры слов» [2, с. 64].

На приведенных выше примерах мы видим проявление проблемы апории переводимого и непереводаемого, уже долгое время являющейся актуальной. Ее решение в области лингвистики представляется довольно сложной задачей. Поэтому одним из способов преодоления этой проблемы является путь социального взаимодействия, т.е. то, что необходимо общест-

ву, переводится близко к оригиналу настолько, насколько это возможно, а маргинальные проявления не считаются важными для взаимодействия культурных сфер.

Сегодня в переводоведении преобладает социально-практический подход к переводу. Поскольку в данном периоде исторического развития интеграционные процессы доминируют над стремлениями к национальной и государственной замкнутости, возникают определенные социальные и экономические закономерности развития отношений стран и континентов. П. И. Копанев выделил два пути глобального развития современного мира:

а) «накопления и обмена общечеловеческими чертами и продуктами материальной и духовной культуры, имеющимися и все более развивающимися в общественной практике каждого народа, каждой нации, поскольку каждый народ, каждая нация составляют определенные части человечества, а вместе взятые они представляют все человечество»;

б) «национально-исторического своеобразия, которое накапливается в каждом народе, в каждой нации в соответствии с особенностями их национально-исторического развития, принципом которого является всемерное развертывание подлинно национальных черт культуры до интернациональных, всечеловеческих черт мировой культуры» [3].

Нельзя отрицать того, что сегодня существует неподдельный интерес к разнообразным культурам, их развитию, а также к национальным традициям разных стран. В этой связи важным представляется наличие культурных, в первую очередь литературных и научных, достижений разных стран в максимально свободном доступе. Поэтому благодаря существующей традиции перевода есть возможность знакомства с наиболее значимыми литературными памятниками разных народов, научными работами в разных сферах науки, как фундаментальной, так и прикладной, в том числе организации международных научных проектов и конференций, которые способствуют научному развитию в общемировых границах.

Сегодня идет процесс глобализации, мир модифицируется в единую социальную и экономическую систему, в которой свободно существуют информация, услуги и товары. Экономическая составляющая жизни современного общества влияет на него таким образом, что взаимодействие между странами достигает довольно высокого уровня. Поэтому именно социально-практический подход к переводу является важной составляющей жизни современного общества.

Поскольку процесс перехода к глобальным интеграционным процессам – важная часть жизни современного общества, нужен был совершенно новый подход к обработке информации. Поэтому в рамках когнитивизма зародилась когнитивная лингвистика, которая преследует цель «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [4, с. 23], иначе говоря, «когнитивная обработка и переработка (*cognitive processing; cognitive Verarbeitung*) – процесс переработки информации человеком, аналог вычислительной процедуры» [5, с. 63].

В процессе взаимодействия переводчик, будучи своеобразным посредником между исходным материалом и результатом перевода, является одновременно и получателем, и отправителем определенного текста. Поэтому при переводе он идет по следующему пути: декодирование текста – понимание текста – перекодирование текста. Здесь важно понимать, что переводчик «как транслятор концептосферы (когнитосферы) текста оригинала должен в процессе межкультурной коммуникации соотносить категориальный аппарат культуры-донора с категориальным аппаратом культуры-реципиента через призму собственной когнитивной системы, из чего следует, что, владея когнитивными механизмами категоризации, присущими его собственной культуре, он должен овладеть “чужим” культурно специфическим концептуальным аппаратом» [6, с. 134–135], т.е. переводя текст, заведомо принадлежащий к другой культуре, переводчик должен знать и использовать те культурные реалии, которые близки и понятны носителям языка, на который переводится текст. Как пример можно привести попытку перевода Библии на китайский язык. В Евангелии от Иоанна Иисус Христос говорит: «Я есмь хлеб жизни» (6:35). Перевести эти слова на китайский язык оказалось довольно сложно, так как в Китае хлеб в пищу не употребляли и значение этого слова было им тогда неизвестно. Но переводчики нашли выход. Эти слова звучат так: «Я – рис жизни». На этом примере мы видим, что перевод как процесс – это не просто механический перевод слов с одного языка на другой, это «пересадка/трансплантация» одной культуры в другую с наименьшими затратами и потерями для исходного текста.

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод – это диалог, но вместе с тем и конфликт сознаний. Нельзя отрицать того, что мир, стремясь к глобальной интеграции, остается разделенным с культурно-национальной точки зрения. Разные страны имеют свои сугубо национальные черты: язык, культуру, быт, мировоззрение, религию, свою картину мира. «Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д.» [4, с. 70]. Познавая мир, человек составляет свою картину мира, используя при этом свои знания, опыт, окружающую действительность. Закрепляясь в сознании, картина мира не статична. Она может расширяться в зависимости от условий жизни человека, его интересов, устремлений. Поэтому так важен диалог культур, диалог сознаний, и перевод способствует доступности изучения культурных и мировоззренческих особенностей других народов.

Также важно отметить, что существует и конфликт сознаний. Ведь нет гарантии, что и автор, и переводчик пользуются одним и тем же культурным кодом, под которым имеются в виду определенные типы информации, уже известные и автору, и переводчику.

Переводчик, как уже говорилось выше, является своеобразным посредником между автором и читателем. Сам процесс перевода довольно трудоемкий. «В лингвистической теории модели перевода представляют процесс перевода в виде ряда мыслительных операций над языковыми или речевыми единицами, т.е. в виде лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода. Модели процесса перевода, предлагаемые лингвистами, строятся на основе умозрительных посылок и заключений, самонаблюдений переводчиков и т.п. Любая из моделей перевода может оказаться предпочтительной для описания какого-либо конкретного вида перевода» [7, с. 207]. Моделей перевода известно достаточно много, например, а) ситуативная, б) семантическая, в) трансформационная, г) коммуникативная, д) информативная, е) теория языковых соответствий и т.п. Однако процесс перевода не сводится к какой-либо одной модели, так как используются мыслительные операции, направленные на познание объекта перевода. В психологии выделяются следующие базовые мыслительные операции.

1. Сравнение выделенных объектов

Для того, чтобы при помощи мышления увидеть связь между объектами, нужно их воспринять, выделить из других объектов и сравнить. При этом мы видим их подобие и различия, яснее представляем их назначение, применение, свойства, можем определить их своеобразие, установить сходства и различия между объектами.

2. Анализ

Под анализом понимается мысленное разложение сложного объекта на составные части или характеристики с последующим их сравнением. Выделяются части объекта, чтобы через составные части полностью его познать.

3. Синтез

Обратный анализу процесс мысленного соединения ранее разложенных частей объекта в единое целое. Так мы получаем более полное знание об объекте. Анализ и синтез обычно осуществляются вместе, способствуя более глубокому познанию. Однако неправильно понимать, что сначала должен происходить анализ, а потом синтез. Эти два понятия предполагают последовательное применение.

4. Абстрагирование

Мыслительная операция, которая выделяет существенные свойства и связи объекта при отвлечении от других, несущественных. Но выделенные характеристики как самостоятельные предметы в действительности не существуют. Абстрагирование способствует более тщательному их изучению. Результатом абстрагирования выступает формирование понятий.

5. Обобщение

Под ним понимается объединение объектов по их существенным признакам, поскольку абстрагированные свойства объектов мы сейчас же начинаем мыслить в их обобщенном виде.

Как мы уже упоминали, перевод текста невозможно проконтролировать или измерить, поскольку он происходит в мышлении переводчика, поэтому можно сделать вывод, что мыслительные процессы, описанные в психологии, имеют тесную связь с процессом перевода. Однако Ю. Найда, учитывая законы психолингвистики, предположил, что переводческий процесс состоит из трех фаз:

1) анализ, «в ходе которого поверхностная структура сообщения на языке А анализируется в терминах грамматических трансформаций с учетом грамматических отношений и значений слов и словосочетаний» [8, с. 79];

2) перенос, «в ходе которого подвергнутый анализу материал переносится из языка А в язык В» [Там же, с. 80];

3) реконструирование, «в ходе которого перенесенный материал обрабатывается с целью окончательной адаптации конечного сообщения к нормам языка перевода» [Там же].

По нашему мнению, предположение Ю. Найды, который конкретизировал и условно ограничил процесс перевода определенными рамками, – наиболее универсальное описание этого творческого процесса, поскольку включает в себя все его основные стадии. Остальные мыслительные процессы, которые могут применяться при переводе, зависят исключительно от переводчика, его фоновых знаний, подготовки, кругозора, возможностей, культурных влияний.

С процессом перевода связаны также и переводческие дихотомии (разделения целого на две части). В переводоведении можно привести следующие примеры дихотомии: «оригинал/перевод», «автор/переводчик», «буква/дух», «культура 1/культура 2», «видимость переводчика/невидимость переводчика». Рассмотрим некоторые из этих дихотомий по отдельности.

Так, имея оригинал текста и его перевод, важно помнить о том, что каким бы хорошим ни был перевод, он так или иначе будет уступать оригиналу, т.к. не все понятия, существующие в одном языке, можно точно перевести на другой. В качестве примера доминирования оригинала над переводом можно привести стихотворение белорусского поэта А. Сыса «Ляцелі ў вырай ветракі». На русский язык слово *вырай* (рус. ‘Теплые страны, куда летят зимовать перелетные птицы’) точно и одним словом перевести практически невозможно, хоть белорусский и русский языки имеют достаточное количество общей лексики.

Дихотомия «автор/переводчик» также немаловажна, так как «задача переводчика – показать, а не скрывать или деформировать творческое своеобразие и творческую личность автора. В то же время перевод не может осуществляться без переводчика. Без его эмоционального соучастия, сопереживания перевод не может быть художественно полноценным. «Отношения между личностью автора и личностью переводчика художественной литературы, их взаимосвязь и взаимообусловленность нужно искать не в исключении творческой личности автора и переводчика, а в их большем или меньшем слиянии» [9, с. 103]. С дихотомией «автор/переводчик» тесно свя-

зана дихотомия «видимость переводчика/невидимость переводчика». Перевод должен легко пониматься читателем, а для этого переводчик должен стать невидимым. Тогда перевод будет восприниматься наравне с оригиналом. Иначе говоря, читатель должен читать автора, а не переводчика, каким бы творчески одаренным он ни был.

Две следующие дихотомии «буква/дух», «культура 1/культура 2» связаны между собой, так как для перевода нужно не только знать два языка, важно проникнуться духом переводимого текста, его особенностями, спецификой подачи материала. Ведь невозможно качественно перевести текст, не зная культуры, исторических этапов развития, быта, мировоззрения страны переводимого текста. И автор, и переводчик рождаются в условиях разных культур, именно поэтому важно, чтобы при переводе использовались культурные особенности, в которых творил автор. Переводчик же должен подстраиваться под переводимый текст.

Ученые выделяют два вида решения задач перевода: макростратегию, когда решается множество переводческих задач, и микростратегию, когда решается всего одна переводческая задача. Эти стратегии взаимосвязаны между собой, поскольку решения отдельных задач представляют собой совокупность решения задач множественных. Так, в микростратегии выделяются три этапа: 1) предпереводческий анализ; 2) аналитический вариативный поиск; 3) анализ результатов перевода.

Таким образом, когда переводчик решает переводческую задачу, он должен сначала изучить условия, в которых создавался исходный текст, обратить внимание на автора текста, время создания текста, время публикации текста. Это очень важный аспект, так как, например, перевод текста (художественного или документального), связанного с историей XVIII в. подразумевает знание реалий того времени, политической, экономической, культурной, религиозной ситуаций той страны и исходного языка перевода. При недостатке информации ее необходимо восполнить. Также важно знать, для кого делается перевод (для ученых, любителей художественной литературы и т.д.), так как от этого зависит выбор языковых средств перевода. После аналитической подготовки переводчик создает текст, выбирая одну из множества известных моделей перевода и используя в нем ту информацию, которую удалось выяснить на первом этапе работы с оригиналом. Сделав перевод, анализируется уже полученный результат: сверяется текст с оригиналом на предмет пропуска слов, фраз; сопоставляется стиль перевода с оригиналом; оценивается стиль перевода как отдельно взятого текста.

Таким образом, переводчик, работая с текстами, должен, помимо знания иностранного языка, обладать обширными фоновыми знаниями, мыслить категориями культуры, в которой создан переводимый текст, уметь из множества вариантов перевода выбрать единственно верный, стараться сделаться «невидимым» для читателя и оставить его наедине с автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комиссаров, В. Н.* Современное переводоведение : курс лекций / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 1999. – 184 с.
2. *Борев, Ю.* Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Борев. – Москва : Искусство, 1970. – 269 с.
3. *Копанев, П. И.* Вопросы истории и теории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 295 с.
4. *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
5. *Демьянков, В. З.* Когнитивная обработка и переработка / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 63–64.
6. *Усачева, А. Н.* Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели / А. Н. Усачева // Вести Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 131–137.
7. *Тютебаева, А. М.* Моделирование переводческого процесса / А. М. Тютебаева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6. – Ч. 1. – С. 207–211.
8. *Сдобников, В. В.* Теория перевода : учебник для студентов лингв. вузов и ф-тов иностр. яз. / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Москва : АСТ; Восток – Запад, 2007. – 448 с.
9. *Гудий, К. А.* От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика / К. А. Гудий // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, май 2012 г.). – М. : Ваш полиграф. партнер, 2012. – С. 99–103.

The article runs about the basic cogitative operations in solving the problem of a translation task, the difficulties of the translation process, the translatable problems and about translation as a multifaceted and necessary aspect of human society.

Н. В. Савина

Минск, МГЛУ

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ АБОРИГЕНОВ НА АВСТРАЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

История австралийского варианта английского языка неразрывно связана с языковыми контактами переселенцев с аборигенами, что привело к многочисленным заимствованиям из языков коренного населения. Наибольшую часть заимствований составляют наименования уникальной австралийской флоры и фауны, элементов быта, культуры и верований аборигенов. Дискриминационная политика колонизаторов привела к резкому сокращению численности жителей и исчезновению языков и наречий коренных народов. Но с 30-х годов XIX в. в австралийском обществе наблюдается рост национального самосознания, интерес к культуре коренных народов с проникновением аборигенного культурного компонента в жизнь современных австралийцев.

История Австралии началась около 40–50 тысяч лет назад с проникновением на ее территорию мигрировавших из Индии представителей австрало-веддоидной расы [1, с. 199], которые впоследствии расселились по всему матерiku и сформировали аборигенные племена, характеризующиеся сезонными миграциями, архаичным бытом, наличием отдельных для каждого племени языков, бедной материальной и развитой духовной культурой. Первые попытки европейцев по исследованию Пятого континента датируются началом XVI в., однако долгое время Австралия считалась непригодной к использованию ввиду суровых климатических условий. Поворотным событием стала экспедиция Джеймса Кука в 1768 году. Кук обратил внимание английского правительства на большой потенциал Пятого континента, и в 1788 году в Австралии была создана первая колония ссыльных под названием Новый Южный Уэльс.

Становление австралийского варианта английского языка происходило в относительно сжатые сроки и определялось главным образом географической изоляцией континента и социальным составом первых колонизаторов, которые являлись носителями различных жаргонов и диалектов английского языка. Открытие Австралии породило уникальную лингвистическую ситуацию, поскольку никогда прежде ни один язык так остро не нуждался в значительном количестве новой лексики для обозначения принципиально новых понятий [2, р. 312]. Европейцы, ступившие на Пятый континент, столкнулись с колоссальным количеством новых реалий, не имеющих аналогов на их исторической родине, что породило неотложную потребность в номинации либо путем создания новых лексических единиц, либо их заимствованием. Поскольку на территории Австралии к началу колонизации уже обитали племена аборигенов, европейцы вступали в контакт с местным населением и адаптировали готовые названия из местных языков и диалектов. По оценкам лингвистов, к началу колонизации в Австралии существовало около 250 аборигенных языков и 700 диалектов, отражающих уникальные особенности культуры каждого племени, причем их носители были в состоянии миграции. Первые контакты европейцев с коренным населением Австралии характеризовались преимущественно односторонней адаптацией лексики, однако аборигены также перенимали лексику европейцев, преимущественно с изменением значения либо формы слова. Большая часть заимствований падает на долю племен, с которыми колонисты контактировали на первоначальных этапах освоения Австралии, а именно племен, обитавших в районе Сиднея [3, с. 45]. Первыми заимствованиями в английский язык из наречий австралийских аборигенов стали обозначения незнакомых европейцам местных реалий, в частности богатой австралийской флоры и фауны, наименований предметов домашнего обихода, вооружения, названий жилищ, обрядов и церемоний. Австралийское коренное население в свою очередь заимствовало специальную лексику английского языка с расширением ее значения. Лексические заимствования характеризовались более высокой частотой на ранних этапах

колонизации. Языковые контакты переселенцев и коренного населения носили редкий и случайный характер и привели к формированию особых контактных гибридных диалектов – креольского и пиджин, которые представляли собой смешение английского языка с языками местных племен и характеризовались отсутствием письменной формы.

Колонизация, сопровождавшаяся целенаправленным истреблением австралийцев, обезземеливанием, вытеснением в экологически неблагоприятные районы и эпидемиями, привела к значительному сокращению коренного населения Австралии до 60 000 человек к началу XX в., а также исчезновению ряда аборигенных наречий. Сегодня их число насчитывает около пятидесяти языков, многие из которых имеют лишь несколько носителей. В настоящее время языками аборигенов называется широкий спектр диалектов от австралийского английского до креольского, используемых аборигенами. Большинство этих языков доступны для понимания среднего австралийца, но представляют определенные грамматические и фонологические трудности.

С 30-х годов XX в. австралийский вариант английского языка начинает приобретать все более четкие самостоятельные черты, и в послевоенный период ввиду публикации ряда научных работ, посвященных данной тематике, и росту национального сознания можно было заявить об австралийском английском как об отдельной самостоятельной региональной разновидности английского языка. В то время наблюдается изменение отношения общественности к аборигенам. Период характеризуется резкой критикой дискриминационной политики, началом борьбы за права коренного населения, созданием ряда организаций, отстаивающих права аборигенов, а также повышенным вниманием мировой общественности к данной проблеме. Постепенно положение аборигенов в австралийском обществе начало улучшаться, однако лингвистический вклад аборигенных языков в австралийский английский на тех этапах практически закончился. Важной вехой в истории Австралии стали официальные извинения правительства, сопровождаемые рядом мер, направленных на улучшение положения аборигенного населения, однако сегодня аборигены остаются самой немногочисленной и самой социально уязвимой частью населения Австралии.

Рост интереса общественности к культуре аборигенов и переосмысление их вклада в историю развития Австралии сформировали тенденцию на возвращение к оригинальным языкам и диалектам и поспособствовали проникновению культурного компонента коренных народов в жизнь австралийцев. Традиции, обычаи и представления коренных жителей нашли отражение в литературе, произведениях искусства, повседневной жизни и речи австралийцев. Заимствования из аборигенных языков не только вошли в литературный язык, но и стали интернациональными. Языки и культура народов Австралии стали важнейшими компонентами, формирующими

отличительные особенности австралийского варианта английского языка. В ходе колонизации многие топонимы из местных диалектов были переименованы на европейский манер, значительное число оригинальных названий были утеряны, однако ввиду роста популярности аборигенной культуры с 2000-х гг. наметилась тенденция к обратному переименованию топонимов. Некоторые географические объекты получили двойное имя, причем первое из указанных в официальных источниках считается предпочтительным. В правилах номенклатуры Северной территории от 2001 года указывается, что использование названий из языков коренных народов поощряется, а сбор письменных сведений об аутентичных топонимах поддерживается. Ярким примером может служить *Айерс-Рок* – скала-монолит, являющаяся не только объектом всемирного наследия ЮНЕСКО и достопримечательностью Австралии, но и культовым элементом мифологии австралийских аборигенов. У ее подножия сохранилось множество следов первобытной наскальной живописи. Изначально скала носила название *Улуру*, однако позднее была переименована в честь госсекретаря Южной Австралии Генри Айерса. В 1993 году правительство Австралии приняло решение ввести двойные названия для географических объектов. Так, 15 декабря 1993 года скала получила двойное имя Айерс-Рок/Улуру, однако в 6 ноября 2002 года по просьбе представителей коренного населения первым стало указываться *Улуру*.

На данном этапе австралийский английский отмечен тенденцией к возрастанию влияния языков аборигенов: слова аборигенного происхождения широко используются для названия отелей, ресторанов, кораблей, кличек животных, литературных персонажей [3, с. 90]. Некоторые заимствованные слова (*boomerang, dingo, kangaroo*) стали интернациональными. Многие заимствования перешли в литературный язык как в неизменном виде, так и подвергшись известному переосмыслению. На настоящий момент широкоупотребительными являются около 130 заимствованных слов и выражений. История взаимодействия аборигенов и колонизаторов Австралии свидетельствует о способности локальных языков влиять на глобальные языки, тем самым обогащая их и внося значительный вклад в процесс языкового варьирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барановский Л. С.* Canada. Australia. New Zealand / Л. С. Барановский, Д. Д. Козикис. – Минск : Выш. шк., 2003. – 366 с.
2. *McCrum, R.* The story of English / R. McCrum, W. Cran, R. MacNeil. – London ; Boston : BBC publ., 1987. – 384 p.
3. *Беляева Т. М.* Английский язык за пределами Англии / Т. М. Беляева, И. А. Потапова. – Л. : Изд-во министерства просвещения РСФСР, 1961. – 152 с.

The aboriginal languages and culture shaped contemporary Australian English greatly. They provided lots of borrowings denoting flora and fauna of Australia, household facilities and utensils, peculiarities of life and beliefs of indigenous people of the Fifth Continent. In the early 30s, the Australian government and society reconsidered the indigenous rights and cultural heritage, which have been on the path of rehabilitation ever since and at present contribute to the development of the Australian variety of English.

Д. В. Хименкова
Минск, БГУ

ПРОСОДИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВОГО СЦЕНАРИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Настоящая статья представляет собой практическое исследование просодико-синтаксической структуры сценария документального фильма «Money, Banking, and the Federal Reserve» и его перевода на русский язык. Переводчик может сохранять или изменять синтагматическое членение фразы в соответствии с двумя главными задачами – воспроизведением средствами русского языка интонационно-эмоционального и воздействующего смысла и выполнением требований к синхронизации звукового и зрительного ряда. Полное овладение мастерством перевода для последующего озвучивания фильма требует практического опыта.

При озвучивании кинофильма требуется синхронизация звукового и зрительного ряда. Учитывая тот факт, что длительность звучания фразы в русском и английском языке разная, переводчику следует применять ряд трансформаций и адаптаций, направленных на то, чтобы фраза на русском языке звучала более лаконично, сохраняя при этом ее полную смысловую наполняемость. С целью выявления способов преодоления указанных трудностей нами было проведено исследование отрывка текста документального фильма «Money, Banking, and the Federal Reserve» («Деньги, инфляция, банки и федеральный резерв») и двух отрывков его перевода, выполненных 1) профессиональным переводчиком и 2) учащимся (на предмет членения текста на синтагмы). По результатам сопоставительного анализа были выявлены как общие закономерности членения высказывания на синтагмы, свойственные документальному тексту, так и ряд отличий структуры текста оригинала в сравнении со структурой его перевода.

Первой закономерностью является *интонационное членение* высказывания, которое можно проследить на примере следующего отрывка, вертикальными линиями разделенного на синтагмы. В первой колонке представлен текст оригинала, во второй текст перевода, выполненный профессиональным переводчиком, в третьей – перевод учащихся.

*In 1536, | less than
fifty years after
Christopher Columbus set
foot on the American soil,
| a Spanish mint in
Mexico City struck the
first coins made in the
New World.*

*В 1536 году, через
50 лет после того |
как Христофор Колумб
ступил на землю Аме-
рики, | на принадлежа-
щем испанцам монетном
дворе в Мехико | были
отчеканены первые в
Новом Свете монеты.*

*В 1536 году, | менее
чем через пятьдесят лет
после того | как Христо-
фор Колумб ступил на
американскую землю, |
испанский монетный
двор в Мехико отчеканил
первые монеты, | изго-
товленные в Новом
Свете.*

В данном примере наблюдается увеличение количества синтагм в переводе учащихся (вместо трех – пять). В свою очередь профессиональный переводчик увеличил количества синтагм только на одну единицу, что свидетельствует о профессиональном превосходстве, а также, возможно, указывает на то, что данный навык приобретается уже во время практического осуществления такого вида деятельности. Мы не знаем, был ли вариант, предложенный переводчиком, таковым изначально, или же он был доведен до совершенства уже в процессе компьютерной обработки фильма. Однако при обучении будущих переводчиков такому аспекту, как перевод документального фильма на синтагматическое членение фразы при переводе следует обращать особое внимание. Необходимо помнить, что требования к синхронизации слухового и зрительного ряда требуют большей сжатости, что и было учтено профессиональным переводчиком.

Второй задачей исследования является *смысловое членение* высказывания на синтагмы.

Смысловая группа представляет собою кратчайший, конструктивный элемент связной речи, состоящий из слова или из группы слов, связанных синтаксическими средствами языка и единством смыслового содержания. Например:

*As early as the 16th
century | in Europe, |
goldsmiths | stored gold
coins for their customers |
for a fee | and issued
receipts for the gold | to
the depositor.*

*Еще в XVI веке | в
Европе | ювелиры | за
определенную плату |
хранили у себя золотые
монеты своих клиентов,
| выдавая вкладчикам
расписки за золото.*

*Как еще в XVI веке |
в Европе, | ювелиры |
хранили золотые моне-
ты для своих клиентов |
за определенную плату |
и выписывали квитанции
на золото | вкладчику.*

Это предложение несложное по структуре и, как следствие, мы наблюдаем сохранение количества синтагм в двух текстах перевода. Профессиональный переводчик осуществил небольшую перестановку членов предложения и усложнил перевод деепричастным оборотом. В результате смысловый центр высказывания в тексте перевода сохранился в той же

позиции, что и был изначально в англоязычном варианте. Студенты в свою очередь в полной мере передали все члены предложения, не применяя никаких оборотов. Следует отметить, что перевод профессионального переводчика в нашем конкретном примере является наиболее удобным и более кратко передает необходимую для аудитории информацию.

Таким образом, в процессе перевода документального фильма тесно связаны друг с другом мысль оригинала, выраженная в словесных образах, интонация и ритм оригинала, отображенные в синтаксическом строе. Синтагматическое членение фразы при переводе может количественно изменяться, а его просодическая структура претерпевает изменения и адаптируется под просодию языка-перевода, но, с другой стороны, таких изменений может и не происходить. Переводчик может сохранять или изменять синтагматическое членение фразы в соответствии с двумя главными задачами – воспроизведением средствами русского языка интонационно-эмоционального и воздействующего смысла и выполнением требований к синхронизации звукового и зрительного ряда. Овладение таким навыком требует опыта практической работы.

The paper shows that in the process of translation of a documentary the original idea of the author conveyed in words is interconnected with the intonation and rhythm expressed by syntactic structures. The translator may preserve or change syntagmatic divisions of phrases in accordance with the two main goals – reproduction of intonation and emotional meaning and impact by means of the Russian language and compliance to the synchronization of sound and visual picture. Such skills are fully acquired in practical translation activities.

Е. А. Шпаковская
Минск, МГЛУ

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАСПОЗНАВАНИЯ РЕЧИ В ПИСЬМЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Рассмотрены некоторые возможности и сферы применения технологии распознавания речи в письменном переводе, преимущества основанных на ней систем, а также навыки, необходимые для ее эффективного применения в переводческой деятельности.

С момента информационной революции, которая произошла в 1970-х гг., технологии охватывают все больше сфер нашей жизни, побуждая представителей самых различных социальных групп к автоматизации процессов и изменению привычных доселе моделей поведения. Даже если допустить, что развитие технологий, которое в соответствии с «законом Мура» [1] происходит с экспоненциальным ускорением, в будущем покажет замедление, все равно есть все основания полагать, что к тому моменту значимые тенденции, такие как повсеместное распространение

мобильных, носимых, интерактивных устройств, продолжают существенно изменять быт и профессиональную деятельность человека. Прогресс в этих областях не может обойти стороной и такую сферу, как перевод.

На протяжении всей истории переводчики активно использовали технологические достижения как в устной, так и в письменной деятельности: от освоения аудиоаппаратуры до разработки на основе компьютерных технологий систем машинного и автоматизированного перевода; сейчас все более широкое применение получает технология автоматического распознавания речи, которая существует уже более пяти десятилетий, однако достаточного для использования ее рядовым пользователем уровня развития она достигла лишь после 2006 года, когда исследователи в университете Торонто предложили перейти в распознавании речи с модели Гауссовых смесей на технологию глубоких нейронных сетей [2]. Доступными же для рядового пользователя основанные на этой технологии инструменты стали после того, как свое внимание на нее обратили крупные корпорации – Google, Microsoft, Apple – которые внедряют ее в качестве дополнительного элемента, облегчающего процесс управления устройствами [3].

При переводе автоматическое распознавание речи может использоваться по-разному. Это имеет немалое значение как для практикующих переводчиков, так и для лиц, занятых в сфере обучения этому виду деятельности. В письменном переводе диктовка текста эффективно используется различными способами. Так, программы распознавания речи могут быть задействованы для набора перевода с применением переводческих инструментов (словарей, систем машинного перевода и т.д.) в привычном переводчику режиме с машинописным вводом, или же, наоборот, процесс набора текста осуществляется переводчиком с клавиатуры, а голосовой набор используется как вспомогательный инструмент для поиска лексических единиц в системах машинного перевода или словарях. Переводчики же, хорошо владеющие темой перевода, могут осуществлять перевод с листа, без привлечения каких-либо дополнительных средств.

Подобные инструменты имеют ряд важных преимуществ. Возможность введения текста голосом может повысить производительность переводчика: даже при условии владения навыками набора текста в совершенстве скорость перевода редко превышает 2 000–2 500 слов в день [2]. Скорость диктовки оказывается ограничена скоростью формирования переводчиком связных предложений на языке перевода. Кроме того, системы распознавания речи позволяют повысить доступность инструментов перевода. Например, для лиц с ограниченными возможностями, которые по тем или иным причинам неспособны эффективно использовать стандартные устройства ввода информации (клавиатура), или же для тех, кто не владеет слепым десятипальцевым методом печати.

Для максимально эффективного применения подобных систем оказывается необходимым развитие ряда навыков. Важным условием является хорошая дикция, в частности четкость произношения слова полностью, в том

числе флексий в конце слов. Для повышения качества распознавания на данном этапе развития технологии желательно также произносить слова раздельно, четко обозначая их границы. Для расстановки знаков препинания, форматирования текста необходимо ознакомиться с набором команд. В большинстве систем такие команды просты и интуитивно понятны: «точка», «восклицательный знак», «новый параграф» и т.п. Также важным является умение формировать полные, грамматически правильные предложения. Развитие вышеперечисленных навыков является хорошим подспорьем в обучении устному переводу.

При использовании систем распознавания речи несколько изменяется и спектр задач, возлагаемых на стадию редактирования перевода. Несмотря на доступное сегодня относительно высокое качество распознавания, которое достигается с помощью алгоритмов анализа сочетаемости лексических единиц, схожих с применяемыми в системах машинного перевода, вероятность ошибок по-прежнему выше, чем при обычном наборе текста.

Повышение доступности и производительности мобильных устройств позволяет ожидать, что в будущем получат широкое распространение как основанные лишь на автоматическом распознавании речи системы, так и интеллектуальные мультимодальные интерфейсы, сочетающие привычные способы ввода информации (ввод текста с клавиатуры, распознавание изображений и т.д.) с расшифровкой речевых сигналов. Безусловно, технология еще далека от совершенства, однако уже на данном этапе развития она может стать полезным для переводчика инструментом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майоров, С. А.* Введение в микроЭВМ / С. А. Майоров, В. В. Кириллов, А. А. Приблуда. – Л. : Машиностроение, Ленингр. отд-ние, 1988. – 121 с.
2. Microsoft Research [Electronic resource] – Mode of access : <http://research.microsoft.com/en-us/research/stories/speech-to-speech.aspx>. – Date of access : 29.04.2016.
3. *Фролов, А. В.* Синтез и распознавание речи. Современные решения / А. В. Фролов, Г. В. Фролов. – М. : Связь, 2003. – 216 с.
4. *Селескович, Д.* Устный переводчик на международных конференциях: проблемы языка и общения / Д. Селескович. – Pen and Booth, 1978. – 154 с.

The article deals with voice recognition technology in translation. It looks into some of the functions and applications of this technology, advantages provided by voice recognition systems and skills necessary for effectively using it in translation.

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

Д. В. Березюк

Минск, МГЛУ

ТЕКСТ ОТЗЫВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ОТРАЖЕНИЯ РЕПУТАЦИИ РЕКЛАМНОГО АГЕНТСТВА

Рассматривается лингвистический аспект формирования репутации рекламного агентства на материале англоязычных отзывов специализированного интернет-сайта. Особенностью отобранных текстов является то, что представленная в них информация содержит оценочную и эмоциональную составляющие. В ходе анализа были выделены группы лексических единиц, положенных в основу формирования оценочных суждений пользователей о его репутации. Был сформирован словарь положительной и отрицательной оценочной лексики, список аспектных категорий и ключевых слов предметной области «Рекламное агентство», а также дополнительные списки слов для более полного анализа степени оценочности текста.

Согласно толковому словарю И. С. Ожегова под репутацией понимается «приобретаемая кем-нибудь или чем-нибудь общественная оценка; общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-нибудь или чего-нибудь» [1]. В Энциклопедическом словаре В. Ф. Брокгауза и И. А. Ефрона слово *репутация* (от франц. *réputation*) трактуется как «создавшееся общее мнение о качестве, достоинствах и недостатках кого-либо, чего-либо» [2]. Значение слова *репутация* в Словаре бизнес-терминов определяется следующим образом: «это установившееся общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках определенного лица или компании» [3]. Таким образом, ключевыми единицами приведенных выше определений являются словосочетания *общественная оценка*, *общее мнение* о ком-либо или чем-либо. С развитием Интернета огромное количество мнений ее пользователей о различных объектах, явлениях, событиях размещаются на специализированных сайтах отзывов, форумах, в блогах, гостевых книгах, социальных сетях и т.п. Поэтому тщательный анализ и обобщение мнений большого числа людей о персонале рекламного агентства, его услугах, качестве и сроках выполнения рекламных продуктов позволяет сделать вывод о его репутации.

При рассмотрении мнения (оценки) в традиционной лингвистике особое внимание уделяется исследованию семантических и прагматических особенностей оценочных значений. Оценка имеет объективный характер как факт языка, т.е. владение словами с оценочной семантикой присуще всем носителям языка. Речевой уровень оценки связан, главным образом, с ее функциональными характеристиками. Согласно функциональному подходу оценка играет чрезвычайно важную роль при непосредственной коммуникации, в речи, где затрагиваются интересы участников общения.

Материалом исследования послужили несколько десятков текстов англоязычных отзывов об услугах рекламных агентств, взятых со специализированного сайта <http://www.clutch.co>. Особенностью отобранных текстов является то, что представленная в них информация носит, преимущественно, субъективный характер, т.е. содержит оценочную и эмоциональную составляющие. Субъективная информация неоднородна, может быть как избыточной, так и недостаточной. Основываясь на личном опыте, пользователи отмечают как положительные, так и отрицательные стороны заданного объекта и его аспектов, т.е. выражают к ним личное отношение (мнение).

В ходе анализа отобранного для исследования материала были выделены совокупности лексических единиц, позволяющих сформировать оценочные суждения пользователей о самом рекламном агентстве, его персонале, качестве оказываемых им услуг и т.п., т.е. о его репутации. Был сформирован словарь оценочной лексики, список аспектных категорий и ключевых слов предметной области «Рекламное агентство и оказываемые им услуги», а также дополнительные списки слов для дальнейшего анализа степени оценочности текста. Выделение и классификация оценочной лексики проводились с опорой на знание английского языка. Полученные результаты фрагментарно представлены в табл. 1–4.

Словарь оценочной лексики включает словоформы и состоит из двух частей: перечня положительных оценочных слов и перечня отрицательных оценочных слов. Каждая единица лексики размечена и наделена определенным семантическим весом от +3 до -3 (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Фрагмент словаря оценочной лексики, составленного на основе анализа текстов англоязычных отзывов о рекламных агентствах и оказываемых ими услугах

Положительная оценочная лексика	Вес	Отрицательная оценочная лексика	Вес
above-average	1	angry	-2
acceptable	1	annoyed	-2
adjustable	1	annoying	-2
advantage	1	anxious/anxiously	-2
advantageous/advantageously	1	arrogance	-2
affordable/affordably	1	arrogant	-2
amaze/amazed/amazes	1	ashamed	-3
amazing	2	austere	-2
...	...	...	...

В ходе анализа англоязычных отзывов о работе рекламных агентств были определены слова, обозначающие основной объект (*advertising agency*), аспектные категории (*advertisement, advertisement campaign, advertisement product, price, product placement, service*) и их ключевые слова (например, *brand, trade mark, logo, staff* и т.д.) (см. табл. 2). Выделение аспектных категорий и связанных с ними слов помогает исключить те лексические единицы, которые не влияют на оценку конкретной услуги.

Т а б л и ц а 2

Фрагмент списка аспектных категорий и ключевых слов, составленного на основе текстов англоязычных отзывов о рекламных агентствах и оказываемых ими услугах

Объект	Аспектная категория	Ключевое слово
Advertising agency	common	atmosphere conditions quality ...
	advertisement	to inform to suggest ...
	advertisement campaign	mass-media Internet ...
	advertisement product	bill board banner ...
	location	place

Исследование отобранного массива текстов англоязычных отзывов показало, что их авторы применяют различные интенсификаторы, т.е. слова, увеличивающие или уменьшающие вес оценочного слова, например, *almost, pretty, very, too, so, rather, less*. Выявленные интенсификаторы были ранжированы по следующей шкале: низкий, средний, высокий. Знак @ перед списком слов означает глобальный поиск этого слова по списку. Таким образом, если слово проверяется по @списку, то оно автоматически сопоставляется со всеми включенными в список лексическими единицами до тех пор, пока не будет найдено соответствие (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Фрагмент списка интенсификаторов, составленного на основе анализа текстов англоязычных отзывов о рекламных агентствах и оказываемых ими услугах

№ п/п	@высокая степень усиления/уменьшения	№ п/п	@средняя степень усиления/уменьшения	№ п/п	@низкая степень усиления/уменьшения
1	absolutely	1	actually	1	almost
2	amazingly	2	admittedly	2	bit
3	awfully	3	enough	3	fairly
4	bitterly	4	even	4	little
4	certainly	5	frankly	5	nearly
5	completely	6	positively	6	poorly
6	considerably	7	pretty	7	quite
...	...	...	...	...	...

В результате анализа англоязычных отзывов о работе рекламных агентств также были выявлены слова-инверторы (см. табл. 4). Это местоимения, предлоги и частицы, меняющие направление оценочного веса слова на противоположное. Например, *pleasure* (+1) – *without pleasure* (-1); *attractive* (+1) – *less attractive* (-1), *special* (+1) – *nothing special* (-1), *bad* (-1) – *not bad* (+1), *lush* (+2) – *non-lush* (-2).

Т а б л и ц а 4

Список слов-инверторов, составленный на основе текстов англоязычных отзывов о рекламных агентствах и оказываемых ими услугах

№ п/п	Инвертор
1	least
2	less
3	never
4	no
5	non
6	not
7	nothing
8	without

Выделенные четыре списка лексических единиц могут составить лингвистическую базу данных системы автоматического анализа репутации рекламного агентства.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org/words/30637.shtml>. – Дата доступа : 12.05.2016.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vehi.net/brokgauz>. – Дата доступа : 12.05.2016.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.klerk.ru/slovar/bus/term/63865/>. – Дата доступа : 15.05.2016.

The article deals with the linguistic aspect of advertising agency reputation formation. Four types of lexical units are under consideration as they can form certain opinion about the object of investigation.

П. А. Маракулина

Минск, МГЛУ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ВЫРАЖЕНИЕМ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Рассматриваются основные принципы построения системы автоматической экспертизы англоязычного художественного текста с выражением конфликтной ситуации. В основу работы такой системы положен определенный набор языковых маркеров конфликтности. В полном объеме выделенные лексические единицы составили лингвистическое обеспечение экспертной системы, на основе которого была разработана формальная модель, реализованная на языке *JAVA*. В ходе выполнения компьютерного эксперимента программа не только констатировала наличие либо отсутствие в англоязычных текстах конфликтных речевых ситуаций, но и определяла степень ее выраженности (высокая, средняя, низкая степень).

Под речевым конфликтом понимается коммуникативная ситуация, в которой происходит столкновение двух сторон по поводу разногласия интересов, целей, взглядов и т.п., в результате чего одна из сторон (или обе стороны) предпринимают речевые действия, направленные против интересов партнера по коммуникации. Как разновидность речевого общения речевой конфликт характеризуется употреблением определенных вербальных и невербальных маркеров, сигнализирующих о разной степени выраженности конфликтной ситуации. Роль маркеров речевого конфликта выполняют обладающие конфликтными свойствами языковые единицы, относящиеся к лексическому и грамматическому уровням языка. Кроме того, речевой конфликт часто усиливается такими невербальными компонентами, как мимика, жесты, позы и различные действия коммуникантов.

Языковые маркеры конфликтности были положены в основу создания системы автоматической экспертизы англоязычного художественного текста с выражением конфликтной ситуации. Материалом исследования послужили

50 диалогических фрагментов, содержащих конфликтную речевую ситуацию, извлеченные методом сплошной выборки из англоязычной прозы. Были проанализированы фрагменты произведений таких авторов, как Б. Шоу, Д. Д. Сэлинджер, Д. Браун, С. Шелдон и др. Кроме того, в качестве материала исследования использовались словарные и справочные издания: кембриджские словари и тезаурусы, словарь синонимов английского языка, словарь сленга, а также Британский национальный корпус.

На первом этапе исследования были определены следующие классы лексических единиц (маркеров конфликтности), важные для разработки процедуры автоматической экспертизы конфликтного текста:

- 1) негативная оценочная лексика, используемая для характеристики внешности и личностных качеств адресата;
- 2) зоосравнения;
- 3) междометия и эксплетивы;
- 4) устойчивые высказывания и прилагательные с негативными коннотациями;
- 5) лексические интенсификаторы;
- 6) глаголы, указывающие на невербальное поведение коммуникантов;
- 7) синтаксические средства, передающие эмоциональное состояние коммуникантов.

На втором этапе исследования из отобранного массива англоязычных текстов, словарных и справочных источников были выделены конкретные лексические единицы, вошедшие в состав указанных выше классов. Выделение маркеров конфликтности проводилось с опорой на знание английского языка, а также с учетом специальных помет в фундаментальных изданиях. Внутри каждого класса лексические единицы были разделены по группам, в зависимости от числа входящих в них компонентов. Важную роль среди всех маркеров играют лексико-семантические индикаторы речевого конфликта. При анализе отобранного массива текстов особое внимание уделялось таким маркерам конфликтной речевой ситуации, как инвективы, лексика с эмоционально-экспрессивной стилистической окраской, грубопросторечная лексика, основной функцией которой является стимулирование у речевого партнера негативных эмоций. Данные лексические единицы указывают на высокую степень выраженности конфликта.

Также были выделены лексические единицы, которые в эмоционально-экспрессивном плане нейтральны, но обладают отрицательной, актуализируемой в ходе реализации высказывания коннотацией и, следовательно, высоким конфликтогенным потенциалом. Особенно часто для характеристики адресата в конфликтном коммуникативном акте используется негативная оценочная лексика, включающая в себя зоосравнения. Наличие таких единиц в тексте маркирует еще не достигший высокой степени выраженности конфликт.

В качестве средств выражения упрека, возмущения, отказа, привлечения внимания и усиления значения других лексических единиц в отдельную группу были выведены особые языковые маркеры: частицы, междометия, эксплетивы, местоимения и интенсификаторы. Следует отметить, что сами по себе вышеназванные языковые маркеры не всегда являются признаком конфликтной речевой ситуации, но они усиливают действие других лексических и синтаксических маркеров.

Как было отмечено выше, в конфликтной ситуации общения употребляются не только лексико-семантические, но и синтаксические языковые средства, выполняющие роль вспомогательных маркеров. В ходе анализа отобранных фрагментов, содержащих конфликтную речевую ситуацию, был выделен такой синтаксический маркер, как вопрос-переспрос (индикатор возмущения). Например:

– *Well, that's just it. Perhaps I haven't. When I knew you were going to have a baby it had a funny effect on me. It's all different now. It's made me so proud.*

– *Proud? – she flung at him viciously.*

Анализ текстового массива позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев вопрос-переспрос состоит из 1–3 лексических единиц, полностью либо частично повторяющих высказывание предыдущего коммуниканта, и сопровождается лексическими единицами, указывающими на невербальное поведение участника коммуникации.

В качестве синтаксического маркера речевого конфликта был рассмотрен особый вид предложений – стратегические вопросы. К ним могут относиться разделительные вопросы, содержащие в себе глагол *to be*/модальный глагол либо глагол *to be*/модальный глагол с отрицательной частицей *not* + местоимение, расположенное на последнем месте перед знаком вопроса. Кроме разделительных вопросов, к стратегическим вопросительным конструкциям относятся вопросы, содержащие в себе упрек, возмущение, негодование. Например, *Are you delighted now?*, *Are you pleased?*, *Are you satisfied now?*

В ходе выполнения исследования в качестве экспликаторов конфликтной речевой ситуации были выделены лексические единицы, указывающие на невербальное поведение коммуниканта. В художественном произведении такие лексические единицы обычно употребляются в словах автора.

Все выделенные маркеры конфликтности составили лингвистическую базу данных, с опорой на которую была создана формальная модель системы автоматической экспертизы англоязычного текста с выражением конфликтной ситуации. Основываясь на данной алгоритмической модели, компьютер может определить наличие в тексте эмоционально-экспрессивных лексем с отрицательной коннотацией, выявить элементы, усиливающие негативную окраску эмоционально-экспрессивных элементов и отрицательно окрашенных элементов, осуществить подсчет вышеперечисленных единиц и классифицировать англоязычные конфликтные тексты по степени выраженности в них конфликтной ситуации (высокая, средняя и низкая).

Рассмотрим основные особенности данного алгоритма. Предположим, что в компьютер поступает очередной англоязычный текст, содержащий описание конфликтной ситуации. Компьютер анализирует предложения текста и фиксирует наличие в них лексических единиц из лингвистической базы данных в двух областях памяти. Если все релевантные предложения проанализированы, происходит определение степени выраженности конфликта в тексте. Показателем степени выраженности конфликта является соотношение числа найденных маркеров высокой степени выраженности конфликта (счетчик $K1$) и маркеров, указывающих на низкую степень выраженности конфликта (счетчик $K2$). Если счетчик $K1$ заполнен и полученное число маркеров высокой степени выраженности конфликта превышает число маркеров низкой степени выраженности конфликта ($K2$), то текст имеет высокую степень выраженности конфликтной ситуации. Степень выраженности конфликта определяется как высокая, если $K1=K2$, поскольку коммуникативное воздействие лексем с негативной эмоционально-экспрессивной стилистической окраской выше, чем лексем в эмоционально-экспрессивном плане нейтральных, но обладающих отрицательной коннотацией. Степень выраженности конфликтной ситуации будет определяться как низкая, если счетчик $K2$ заполнен, в то время как число маркеров высокой степени выраженности конфликта ($K1$) равно нулю. Если число элементов в счетчике $K1$ будет больше 1, но меньше числа элементов в счетчике $K2$, текст будет рассматриваться как текст, содержащий конфликтную ситуацию средней степени выраженности. Если же оба счетчика равны нулю, компьютер делает вывод, что конфликтная ситуация в тексте не представлена. Проанализированный компьютером текст и найденные в нем маркеры конфликтной ситуации выводятся на экран компьютера (принтер).

На основе формальной модели системы автоматической экспертизы англоязычного конфликтного текста на языке программирования *JAVA* была написана компьютерная программа, работающая следующим образом. С помощью кнопки *Text file* пользователь находит в памяти компьютера необходимый файл формата *txt*. Содержание текстового документа выводится на экран (окно *Text* в левой части монитора). После нажатия кнопки *Run* программа производит анализ выбранного текста и показывает результат обработки в окне *Analysis*. Результатом обработки текста является вывод о наличии в нем конфликтной ситуации и степени ее выраженности (строка *Conclusion* в окне *Analysis*). В строке *K1 Counter K2 Counter* отражаются результаты работы счетчиков числа маркеров высокой и низкой степени выраженности конфликта. В строке *Occurrences* в окне *Analysis* отражается общее количество найденных маркеров конфликтности, их список и названия списков, в которых данные лексические единицы были найдены. Следует отметить, что лингвистическая база данных не встроена в оболочку программы, поэтому списки языков маркеров конфликтности можно постоянно обновлять.

С помощью компьютерной программы было проанализировано 7 англоязычных художественных текстов: 2 текста с конфликтом высокой степени выраженности; 2 текста с конфликтом средней степени выраженности; 2 текста с конфликтом низкой степени выраженности, и 1 текст, не содержащий описания конфликтной ситуации. В целом компьютер провел правильный анализ отобранных для эксперимента текстов. Программа безошибочно выделила из каждого текста диалогические фрагменты и на основе лингвистической базы данных определила маркеры конфликтности. Наилучшие результаты анализа показали диалогические фрагменты, содержащие в себе описание конфликта высокой и средней степени выраженности, а также фрагменты, не содержащие конфликтной речевой ситуации.

По результатам компьютерного эксперимента были сформулированы следующие выводы.

1. В большинстве случаев компьютер правильно определил наличие в тексте конфликтного речевого акта и степень его выраженности.

2. Для более точной лингвистической экспертизы отдельных текстов необходимо расширить формальную модель путем включения в нее процедуры анализа микроконтекста языковых маркеров конфликтности.

3. На данном этапе компьютер может определять только эксплицитно выраженную конфликтную речевую ситуацию. Для определения имплицитно выраженного конфликтного речевого акта необходимо проводить сложный глубинный семантический анализ.

4. При условии значительного расширения лингвистической базы данных разработанную систему можно использовать для автоматической экспертизы конфликтных речевых ситуаций, представленных в текстах других функциональных стилей речи.

Возможность практического применения полученных результатов видится в том, что представленная в работе формальная модель может стать основой для создания системы автоматического определения степени выраженности конфликта в письменном тексте с целью решения отдельных проблем в области судебной экспертизы, а также в работе специалистов-конфликтологов.

The article deals with the main principles of automatic appraisal system organization which can examine any fiction text with the description of the conflict situation between its characters. The linguistic data base and the formal model of this system are under consideration.

А. В. Молоткова

Минск, МГЛУ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТА НОВОСТНОГО СООБЩЕНИЯ О ДОРОЖНОМ ПРОИСШЕСТВИИ

В статье рассматриваются основные репрезентативные и смысловозначительные признаки новостного сообщения как оперативного сообщения информационного характера. Любое значимое событие характеризуется наличием главного героя, драматизмом (иногда конфликтом и даже насилием), актуальностью, необычностью,

новизной. Разновидностью новостного сообщения является текст новостной сводки о дорожно-транспортном происшествии, в котором собрана основная информация по произошедшему на дороге инциденту с участием людей, животных и транспортных средств с учетом того, что этот инцидент произошел в определенной местности и в определенное время. Такие тексты имеют определенную структуру, а также специфические морфологические, синтаксические и лексико-стилистические признаки.

Являясь особой разновидностью текста, новость часто определяют как оперативное сообщение информационного характера. Как правило, причиной появления такой информации является какое-либо событие. Американские ученые К. Х. Джемисон и К. К. Кэмпбэлл, исследовавшие тексты теленовостей, определили «важные новости» как любое сообщение о событии, которое произошло или стало достоянием гласности за предшествующие 24 часа и может иметь важные последствия. По их мнению, не обязательно, чтобы событие было недавним по времени (хотя, как правило, бывает именно так), но оно должно раскрывать ранее неизвестные факты или связь с другими событиями [1, с. 231].

Новость обладает рядом репрезентативных и смыслоразличительных признаков. К. Х. Джемисон и К. К. Кэмпбэлл выделили пять основных признаков любого значимого события [Там же, с. 233–235].

1. Наличие главного героя. Читатель или зритель сопоставляет себя с ним, тем самым создавая возможность для более полного восприятия сложной и противоречивой информации. Этот прием хорошо зарекомендовал себя при создании фоторепортажей и интервью. Негативная сторона подобного подхода заключается в упрощении и даже искажении многоплановых событий, так как внимание аудитории приковано исключительно к известным людям, например, президенту страны, Папе Римскому или террористам, которые могут использовать средства массовой информации в своих интересах.

2. Драматизм события, конфликт и даже насилие. Репортаж о разгоне демонстрантов полицией имеет больше шансов быть опубликованным, чем репортаж о дебатах в парламенте. На события, не содержащие элементов насилия, средства массовой информации могут вовсе не обратить внимания, а о важных проблемах, где нет конфликтующих сторон, и отсутствует яркая личность, будут упоминать лишь вскользь.

3. Активность действия, нечто, приковывающее внимание читателя или зрителя. Эту характерную черту очень часто используют как своеобразный «крючок», на который подвешивают информацию более абстрактного содержания. Например, увеличение инфляции можно представить в виде серии репортажей из магазинов, где конкретные покупатели выражают свое отношение к росту цен на товары. Если событие характеризуется тремя указанными выше основными признаками, то оно становится для средств массовой информации, например, для теленовостей, благодатным материалом, так как может быть представлено на экране в виде небольших сцен. Сюжеты программ новостей, как правило, занимают небольшой временной промежуток.

4. Новизна события, степень его отклонения от общепринятых норм. В противоположность экстренным сообщениям, большинство новостей не являются особенно неожиданными. События, не укладывающиеся в рамки предсказуемых новостей, имеют большой шанс привлечь внимание журналистов. Эти шансы будут расти по мере того, как событие приобретает все более необычные и даже зловещие черты.

5. Актуальность темы, то есть возможность привязки события к темам, которые в данный момент уже активно разрабатываются средствами массовой информации. Некоторые из этих тем относятся к категории «вечных», по крайней мере, для данного конкретного общества. Кроме подобных, существуют темы, на которые пресса и телевидение обращают внимание через строго определенные промежутки времени. Это так называемые циклические темы.

Не каждое событие, ставшее впоследствии важной новостью, обладает всеми пятью признаками одновременно, но два или три основных признака обязательно образуют каркас любого новостного сообщения в печатном издании или сюжете теленовостей. Чем большим числом основных признаков характеризуется событие, тем более вероятен интерес к нему со стороны средств массовой информации. Помимо этих пяти базовых характеристик события существуют некоторые другие, более специфичные прагматичные характеристики [1, с. 236–237]. Так, событие не должно никого оскорблять или ранить чьи-то чувства, по крайней мере напрямую. Репортаж о серьезном событии должен быть правдоподобным. Автору новостного сообщения необходима способность краткого изложения сути события (будь то короткая заметка в газете или 45-секундный показ в теленовостях). Выразительность и острота репортажей способствует лучшему запоминанию. Также важна степень влияния новостного события на читателей и зрителей. Создателям новостей следует ориентироваться на конкретную целевую аудиторию.

Разновидностью новостного сообщения является текст новостной сводки о дорожно-транспортном происшествии, под которым будем понимать такое новостное сообщение, где собрана основная информация по произошедшему на дороге инциденту с участием людей, животных и транспортных средств, причем этот инцидент произошел в определенной местности и в определенное время. Основной целью любого новостного текста, в том числе и о дорожно-транспортном происшествии, является передача читателю важной информации, которая помещается в начале текста (действует принцип «перевернутой пирамиды»). В новостных сводках о дорожных происшествиях автор никогда не выражает своего личного отношения или мнения по поводу инцидента, поэтому данные тексты, как правило, шаблонны, неэмоциональны, в них отсутствует имплицитная информация. Еще одна отличительная особенность таких текстов – краткость и строгое предъявление фактов, которые являются неоспоримыми.

Текст англоязычного новостного сообщения о дорожно-транспортном происшествии содержит следующую информацию:

1) заголовок, указывающий на тему сводки, чаще всего состоящий из одного односоставного или двусоставного предложения;

2) описание дорожно-транспортного происшествия;

3) краткие сведения о виновниках и пострадавших, их физическом состоянии, а также некоторая дополнительная информация, касающаяся характеристик транспортных средств;

4) сведения о месте дорожно-транспортного происшествия;

5) подробная информация о состоянии здоровья пострадавших, а также сведения о жертвах;

6) показания свидетелей; часто в содержание новостного сообщения включаются показания нескольких очевидцев аварии;

7) дополнительная информация (если водитель, по вине которого произошла авария, скрывается с места преступления, его объявляют в розыск, поэтому в конце новостной сводки обязательно присутствует дополнительная информация, например, контактный номер телефона, по которому можно связаться с полицией, если у кого-то есть сведения, способные помочь расследованию преступления);

8) иногда в новостной сводке присутствуют иллюстрации, например, фото машины, которую разыскивают, или фоторобот водителя, скрывшегося с места аварии.

Англоязычная новостная сводка о дорожно-транспортных происшествиях обладает следующими морфологическими особенностями:

1) использование местоимений 1 и 2-го лица (местоимение 1-го лица встречается в тексте тогда, когда автор приводит прямую речь очевидцев, рассказывающих о произошедшем);

2) употребление большинства глагольных форм в прошедшем времени, страдательном залоге, поскольку новость об аварии сообщается после того, как она произошла, а страдательный залог помогает избежать эмоциональности и личной вовлеченности в описание происшествия;

3) применение слов, образованных посредством сложения, например, *chain-reaction crash*;

4) использование развернутых глагольных форм объясняется официальным стилем изложения фактов (*did not know, would not blame*);

5) употребление отыменных предлогов, например, *in the course of, according to*;

6) применение неличных форм глагола (инфинитивов, причастий, герундиальных конструкций, например, *clinging to life, stopped to pick up, expected to survive*).

Синтаксические особенности текста англоязычного новостного сообщения о дорожно-транспортных происшествиях сводятся к следующему:

1) для текста сводки характерен прямой порядок слов и стереотипное следование друг за другом определенных синтаксических структур. Газетные традиции в сочетании с жесткостью правил построения предложения в английском языке оказали существенное влияние на порядок слов в новостных сообщениях вообще и в текстах сводок о дорожных происшествиях, в частности. Журналистская практика создала то, что называется *five-w-and-h-pattern rule* (*who – what – why – how – where – when*), поэтому в новостных сообщениях о дорожных авариях прослеживается соблюдение этого правила;

2) преобладание союзной связи;

3) частое употребление прямой и косвенной речи. Так как автор текста не имеет права выразить свое личное отношение к происшествию, он может использовать высказывания других людей, чтобы выразить солидарность, сочувствие семьям погибших. Например, *“It hurts me that’s she’s gone,” Robbins wrote. “It hurts me seeing my brother like this. Daisia Sulton, please, watch over him. He loved you more than you’ll ever know”*.

Среди лексических особенностей англоязычной новостной сводки о дорожно-транспортном происшествии можно выделить использование:

1) тематических слов-маркеров, например, *car accident, police, vehicle, injuries* и т.п.;

2) имен собственных (именованных сущностей), среди которых следует отметить антропонимы, например, *Daisia Sulton, Mikayla Mosley*; названия учреждений, например, *Bellevue Hospital, The Press of Atlantic City*; торговые марки автомобилей, например, *Audi A1, Honda Accord, BMW*; топонимы, например, *Queens, New Jersey* и т.п.;

3) многочисленных числительных; слов, относящихся к лексико-грамматическому полю множественности; дат. Например, точная дата и время происшествия (*4:30 p.m., at about 3:45 a.m.*), возраст пострадавших (*a 39-year-old woman, Daisia Sulton, 17*), числительные в названиях улиц (*West 62nd Street, State Highway 49*), номера телефонов для контакта с полицией (*1-800-577*) и т.п.;

4) аббревиатур как эффективного средства экономии речевых ресурсов, например, *NYPD, UWS, DCPI, TIPS* и т.п.;

5) фазовых глаголов, например, *run down, plowed through, peeled away* и т.п.;

6) словесных клише, например, *incident, scene* и т.п.

В англоязычных новостных сводках о дорожно-транспортных происшествиях не используются эмоционально окрашенные слова и выражения, просторечия, жаргонизмы, восклицательные и вопросительные конструкции, т.е. средства выражения эмоциональности и оценочности. Другой характерной особенностью является включение в новостное сообщение высказываний очевидцев происшествия, представителей органов власти или комментарию медработников. Это делается как с целью уточнения и детализации фактов аварии, так и для отражения эмоций автора текста, его сочувствия пострадавшим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харрис, Р. Дж. Психология массовых коммуникаций / Р. Дж. Харрис ; под ред. Д. Гиппиус. – 4-е междунар. изд. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 448 с.

The article deals with specific linguistic features of the news about road accidents. Morphological, syntactical, lexical and structural characteristics of such texts are under consideration.

А. В. Скрябина

Минск, МГЛУ

ПОИСКОВЫЙ ОБРАЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ

Рассматривается создание поискового образа англоязычных публицистических текстов на основе выделения ключевых или опорных слов.

В области анализа публицистических текстов ведутся разносторонние исследования, так как в текстах данной предметной области затрагиваются вопросы весьма широкой тематики – любые актуальные вопросы современности, представляющие интерес для общества: политические, экономические, моральные, философские, вопросы культуры, воспитания, повседневного быта.

На данный момент существует огромное количество публицистических текстов информационных и аналитических жанров, чтобы ознакомиться с их содержанием и смыслом, человеку требуется немало времени и усилий. В связи с этим появилась необходимость автоматической обработки и анализа данных текстов. Системы анализа текста решают сегодня целый ряд задач, такие как формирование информационного портрета текста в терминах ключевых понятий, выявление смысловых связей между понятиями, автоматическое реферирование. Таким образом, создание систем, автоматизирующих обработку текста с целью выявления его основного содержания и структуры, является актуальной проблемой в наши дни.

В данной работе материалом исследования послужили англоязычные новостные публицистические тексты по теме «культура», взятые из интернет-ресурсов www.bbc.com и www.theguardian.com. Для определения основного содержания каждого из текстов мы использовали статистический метод. В основе этого метода лежит критерий выделения ключевых или опорных слов, которые пронизывают текст и влияют на его понимание. Затем полученные списки потенциальных опорных слов были дополнены словами схожей тематики. Последним этапом составления словаря опорных слов по тематикам стало указание словоформ для слов, входящих в базу данных.

Таким образом, в созданной базе данных поисковый образ, например, для тематики «Film» выглядит следующим образом (табл.):

Поисковый образ для тематики «Film»

act	acts	acting	acted
actor	actors		
contractor	contractors		
director	directors		
drama			
film	films		
finance	financial	financed	
movie	movies		
play	plays	playing	played
star	stars	starring	starred
take	takes	took	taken

На основании разработанных поисковых образов по каждой тематике был составлен алгоритм автоматической идентификации тематики англоязычных публицистических текстов.

The article analyses the procedure of creating a search image for English publicist texts, which is based on the algorithm of identifying key or prop words.

А. О. Третьяк
Минск, МГЛУ

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ В ЕДИНЫЙ СЮЖЕТ

Формальная процедура автоматического объединения текстов новостей в единый сюжет базируется на решении двух взаимосвязанных задач: определении тематики текстов новостных сообщений на основе дескрипторного метода и автоматическом построении их информационных портретов с опорой на статистический метод. Считается, что несколько новостных сообщений относятся к определенному сюжету при условии сходства их информационных портретов. Последние формируются на основе главных опорных слов каждого текста и формальных синтаксических групп (субъекта, предиката, объекта, места действия, времени действия), выделенных из ключевых предложений новостных сообщений.

Для решения целого ряда аналитических задач возникает потребность оценить содержание текста, получить его информационный портрет, то есть статистически значимую совокупность информационных характеристик. В большинстве существующих систем такой портрет состоит из статистически значимых слов и выражений, сопровождающих упоминание конкретного объекта. Построение информационных портретов позволяет автоматически группировать тексты по сюжетам. В общем плане под сюжетом понимается последовательное

пространственно-временное изложение событий, имеющих определенную тематическую направленность. Под новостным сюжетом понимается совокупность сведений о некоторых сущностях и явлениях: людях, предметах, отношениях, процессах, явлениях, событиях и т.д. Можно предположить, что группа схожих по содержанию (информационным портретам) и близких по времени новостных сообщений будет соответствовать одному новостному сюжету.

В работе рассматривается проблема автоматического объединения франкоязычных новостных сообщений в единый сюжет. Материалом исследования послужили 33 текста франкоязычных новостных сообщений, взятых из новостных сайтов сети Интернет. 18 текстов относятся к теме *Terrorisme en France* (сюжеты *Explosions, Mesures contre terrorisme, Suspects, Victimes*) и 15 текстов – к теме *Robots* (сюжеты *Robot cuisinier, Robot nettoyeur, Robot vendeur, Robot Nao*).

С целью автоматического определения темы каждого текста была создана первая часть лингвистической базы данных, содержащая словарь дескрипторов, относящих текст к конкретной тематической рубрике. Все дескрипторы были взяты из материала исследования. В табл. 1 приводится фрагмент этой части базы данных.

Т а б л и ц а 1

Фрагмент первой части лингвистической базы данных

Тип дескриптора	Слово и словосочетание тематической рубрики	
	Terrorisme en France	Robots
Безусловный	<i>attaque terroriste/attaques terroristes attentat terroriste/attentats terroristes acte terroriste/actes terroristes ceinture explosive/ceintures explosives menace terroriste/menaces terroristes ...</i>	<i>gadget/gadgets humanoïde/humanoïdes pepper robotics robotisation ...</i>
Условный квазиоднозначный	<i>anti-criminalité assaillant/assaillants assassinat/assassinats assaut/assauts attaque/attaques ...</i>	<i>équipement/équipements high-tech invention/inventions innovation/innovations machine/machines ...</i>

Для автоматической сегментации ключевых предложений франкоязычных новостных сообщений с целью выделения из них формальных групп и формирования на их основе информационного портрета текста была создана вторая часть лингвистической базы данных. Она включает словарь, единицам

которого приписаны определенные лексико-грамматические теги, указывающие на такие грамматические категории, как часть речи, число, род, время, степень сравнения и т.д. В табл. 2 приводится фрагмент этой части базы данных.

Т а б л и ц а 2

Фрагмент второй части лингвистической базы данных

№ п/п	Словоформа	Комментарий
1	ACTIONS__N22	N – имя существительное, 2 – женский род, 2 – множественное число.
2	AINSI__D	D – наречие.
3	CETTE__A21	A – имя прилагательное, 2 – женский род, 1 – единственное число.
4	DANS__G	G – предлог.
5	ENCORE__D	D – наречие.
6	ENVOYEZ__V322	V – глагол, 3 – не вспомогательный глагол, 2 – 2-е лицо, 2 – множественное число.
7	ESPRIT__N11	N – имя существительное, 1 – мужской род, 1 – единственное число.
...	...	...

Рассмотрим основные особенности процесса решения задачи, связанной с определением тематики текстов новостных сообщений. В память компьютера вводится очередной текст, по которому компьютер составляет список всех слов. Далее компьютер сравнивает каждое слово текста с безусловными дескрипторами лингвистической базы данных по тематике *Terrorisme en France*. Если они найдены, то компьютер ищет далее условные квазиоднозначные дескрипторы тематики *Robots*. В случае, когда условные квазиоднозначные дескрипторы найдены, компьютер делает вывод, что новостной текст политематичен. Если квазиоднозначные дескрипторы тематики *Robots* отсутствуют, то компьютер делает вывод, что новостное сообщение относится к тематике *Terrorisme en France*. Аналогичные действия осуществляются компьютером относительно тематики *Robots*.

Вторая часть формальной модели связана с построением информационных портретов отобранных для исследования текстов франкоязычных новостных сообщений и объединением текстов на основе совпадения их основного содержания в единые сюжеты. Рассмотрим основные особенности данного алгоритма. В памяти компьютера находится текст франкоязычного новостного сообщения, тематическая рубрика которого определена в результате работы описанной выше первой части формальной модели. Как говорилось ранее, для адекватного формализованного представления основного содержания текста необходимо оперировать определенным набором ключевых словосочетаний, которые формируют его информационный

портрет. Процедура выделения ключевых единиц текста базируется на следующих формальных критериях: наибольшей частоте употребления слова в тексте (включая все контекстуальные синонимы и местоименные замены) и максимальном числе абзацев, в которых оно встретилось. Такие слова являются своеобразным центром, вокруг которого формируются другие менее значимые лексические единицы, описывающие определенные микроситуации.

Главные опорные слова каждого текста являются основой для создания его информационного портрета. Построение содержательного портрета текста связано с автоматической сегментацией его предложений и выделением в них формальных групп подлежащего (субъекта), сказуемого (предиката), дополнения (объекта), обстоятельства места (места действия) и обстоятельства времени (времени действия). Эта процедура состоит из двух этапов. На первом этапе проводится тегирование слов текста, то есть приписывание им определенных лексико-грамматических тегов (признаков) с опорой на словарь, содержащийся во второй части лингвистической базы данных. Затем выполняется разрешение анафористичности слов текста. При этом анафористические местоимения (местоимения, которые ссылаются на эксплицитно выраженные именные группы) на основе словарей (абстрактных понятий, географических названий, фамилий, мужских и женских имен и т.д.) заменяются их антецедентами (или референтами). Далее с учетом прямого порядка слов во французском языке и лексико-грамматических тегов осуществляется предварительная сегментация каждого предложения текста. На следующем этапе компьютер проводит анализ полученных сегментов с целью выделения среди них формальных групп подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства места и обстоятельства времени. Основная трудность на этом этапе заключается в выделении формальных групп дополнения, обстоятельства места и обстоятельства времени. В результате лингвистического анализа левой и правой контактной дистрибуции имен существительных всех отобранных для исследования текстов франкоязычных новостей были получены списки маркеров левой и правой границ именной группы. К ним относятся единичные словоформы, общие для левой и правой границы (смешанные границы); бинарные сочетания, общие для левой и правой границы (смешанные границы); единичные словоформы, характерные только для левой (или правой) границы; бинарные сочетания, характерные только для левой (или правой) границы.

На заключительном этапе создания информационного портрета компьютер проверяет выделенные ранее формальные группы подлежащего, сказуемого и дополнения на наличие в них главных опорных слов текста. В случае присутствия хотя бы одного главного опорного слова в каждом из трех вышеуказанных сегментов группа подлежащего заносится в поле «субъект», группа сказуемого – в поле «предикат», группа дополнения – в поле «объект», группа обстоятельства места – в поле «место действия», группа

обстоятельства времени – в поле «время действия» информационного портрета текста. После построения информационного портрета текста франкоязычного новостного сообщения последний сравнивается с информационными портретами проанализированных ранее текстов новостей. Сравнение осуществляется по лексическим единицам, входящим в поля «субъект» (подлежащее), «предикат» (сказуемое) и «объект» (дополнение), являющимися ключевыми формальными группами предложения. Если в указанных полях информационных портретов двух текстов есть хотя бы одно совпадение, тексты будут относиться к одному сюжету. Таким образом, по результатам сравнения компьютер определяет, к какому сюжету относится каждое новостное сообщение.

На основе полной формальной модели системы автоматического объединения франкоязычных новостных текстов в единый сюжет на языке программирования C# было создано веб-приложение. Компьютерное приложение работает следующим образом. Пользователь указывает путь к папке с файлами в формате *xml*, в которых содержатся разделенные по темам тексты для дальнейшего анализа. Содержание текстового документа выводится на экран. В результате сложной обработки каждого текста компьютер относит его к определенному сюжету. По окончании работы компьютерного приложения на экране демонстрируется итоговое сообщение о результатах обработки всего массива франкоязычных новостных сообщений.

Компьютерный эксперимент по автоматическому объединению 33 текстов франкоязычных новостных сообщений в единые сюжеты показал, что во всех случаях компьютер правильно определил тематику текста и в подавляющем большинстве случаев (93 %) верно объединил тексты в разные сюжеты. Анализ результатов работы компьютерного приложения позволил выявить следующие проблемы:

1. Компьютер проводит безошибочную обработку простых предложений текстов новостей. Однако при синтаксической сегментации ряда предложений возможны ошибки в таких случаях:

а) когда подлежащее слишком отдалено от сказуемого, например, подлежащее уточняется с помощью приложения или в случаях типа *la mise en oeuvre de ce dispositif coutera*;

б) когда сказуемое состоит из нескольких слов, например, *ont été pris en charge*;

в) при обратном порядке слов в вопросительном предложении, например, *Y aura-t-il bientôt un robot dans toutes les gares?*;

г) при обратном порядке слов в косвенной речи, например, *“Les robots Pepper pourront conseiller les clients sur les différents articles proposés en fonction de leurs besoins et goûts”, prédit Kohzoh Takaoka, PDG de Nestlé Japon.*

2. Для более совершенной работы программы необходимо составить список устойчивых словосочетаний, которые бы автоматически заносились в определенное поле информационного портрета текста.

3. Добавление к процедуре синтаксического анализа предложений текста новостного сообщения процедуры анализа их семантической структуры повысит точность распределения лексических единиц в полях информационного портрета текста.

Возможность применения полученных результатов видится в том, что представленная в работе формальная модель может стать основой для создания промышленной системы автоматического объединения текстов новостных сообщений в единый сюжет, которую можно использовать в информационных агентствах, а также на радио и телевидении для формирования выпуска новостей.

The article deals with the automatic procedure of French news messages unified in a common plot. This procedure is based on common features of information portraits of such texts: main key words and formal groups of subject, predicate and object extracted from key sentences.

А. Л. Холод
Минск, МГЛУ

ФЛЕЙМ КАК ДЕСТРУКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Рассматриваются общие характеристики флейма как деструктивной стратегии интернет-коммуникации. Отмечается, что виртуальная среда обладает целым рядом специфических черт, которые способствуют возникновению речевой агрессии. Для ее выражения коммуниканты часто прибегают к деструктивным стратегиям и тактикам. Одной из таких стратегий является флейм – коммуникативное явление, возникающее в ходе обмена сообщениями в местах многопользовательского сетевого общения, например, на форумах, в чатах, социальных сетях и т.д. Чаще всего флейм реализуется посредством таких коммуникативных тактик, как прямое оскорбление собеседника; оценка его коммуникативных способностей; ироничная оценка сообщений.

Многие исследователи виртуальной среды отмечают, что она является более агрессивной, чем реальный мир [1; 2; 3; 4; 5]. Это обусловлено целым рядом факторов: анонимностью электронного общения; позиционированием унифицированного пользователя Интернета как равноправного члена интернет-сообщества (без учета возрастных, гендерных, расовых, социальных и других особенностей); повышенной эмоциональностью общения; наличием ярко выраженной игровой составляющей интернет-коммуникации; отсутствием формального этикета; более легким, по сравнению с реальностью, установлением контакта; доступностью практически любых каналов общения.

Для выражения речевой агрессии по отношению к членам сетевого сообщества коммуниканты нередко прибегают к деструктивным стратегиям и тактикам, направленным на сознательное и преднамеренное нанесение своему собеседнику морального вреда, испытывая при этом чувство

удовлетворения от его страданий и осознание собственной правоты. Каждый активный участник интернет-общения неоднократно сталкивался с такой деструктивной стратегией, как флейм. Под флеймом (от англ. *flame* – ‘огонь, пламя’) понимается обмен сообщениями в местах многопользовательского сетевого общения (например, на форумах, в чатах, социальных сетях и др.), представляющий собой словесную войну, нередко уже не имеющую отношения к первоначальной причине спора [4; 5]. По мнению Ф. О. Смирнова, «флейм – это эмоциональное обсуждение определенной темы, которое сопровождается нарушением принципов конструктивной дискуссии» [6]. Флейм представляет собой многогранное явление, характеризующееся электронным каналом общения; тематической определенностью коммуникации; наличием инициативной и реактивной составляющих; эмоциональной насыщенностью общения (активным использованием смайлов, указаний на эмоциональное состояние собеседников); нарушением правил сетевого этикета; наличием пейоративно-оценочных выражений, обценной лексики; иронией [7, с. 19]. Флейм относится к запрещенным сетевым коммуникативным стратегиям, однако особенности идентификации пользователей превращают контроль за соблюдением правил общения в довольно непростую задачу. Широкое использование данной стратегии снижает эффективность коммуникации. В то же время ее искусственное сдерживание порождает сложности, связанные с эмоциональной разрядкой участников виртуального общения.

Деструктивная стратегия флейма реализуется посредством ряда коммуникативных тактик [7, с. 15]. Наиболее частотной коммуникативной тактикой является прямое оскорбление собеседника. Ф. О. Смирнов определил, что прямые оскорбления используются русскоязычными участниками электронной коммуникации почти в 1,5 раза чаще, чем англоязычными коммуникантами. Прямое оскорбление в интернет-общении на русском языке представляет собой эмоциональную реакцию на категоричный характер предшествующего сообщения, в то время как в электронной коммуникации на английском языке оскорбления служат целенаправленной дискредитации собеседника как партнера по коммуникации. Резкие замечания в этом случае подкреплены минимальной аргументацией [7, с. 21]. Таким образом, флейм означает словесную атаку собеседника с целью оскорбления своего партнера по коммуникации посредством электронной почты, размещения поста или комментария путем открытых оскорблений, употребления обценной лексики, троллинга. Кроме того, нередко используются сарказм и различные фигуры речи. В структурной композиции флейма можно выделить два элемента: зачин и основную часть. Под зачином подразумевается фраза или реплика собеседника, которая интенционально рассчитана на инициацию гневно-эмоционального диспута (основная часть), постепенно отклоняющегося от первоначальной точки обсуждения. Зачин может быть представлен грубым ругательством или оскорблением, насмеш-

кой, неаргументированной критикой, снисходительной репликой, рядом полемических приемов (искажением первоначальной мысли, неоправданной сменой темы и т.д.).

Если соотнести данную коммуникативную стратегию с понятиями риторики, то можно обнаружить, что ближе всего к нему стоит такое понятие из области ораторской практики, как эристика. «Эристика как искусство спора предполагает выигрывание его независимо от того, какими средствами ведется спор, цель речи – утвердить свое право на поступок и оставить за собой окончательное суждение» [8, с. 112]. Некоторые авторы называют такой спор софистикой [9, с. 165]. Вне зависимости от названия общие правила ведения спора требуют:

- а) держаться одного и того же смысла терминов в процессе всего рассуждения;
- б) не изменять темы обсуждения;
- в) не пропускать фактов, относящихся к теме обсуждения, все факты должны быть рассмотрены;
- г) не допускать эмоционального давления на оппонента;
- д) не опровергать оппонента иначе как в интересах истины и терпеть неудобные суждения;
- е) не подходить к делу предвзято.

По мнению Е. В. Вавиловой во флейме эти правила последовательно нарушаются [8, с. 113]. Во-первых, используется изменение терминологии и, как следствие, самих аргументов. Трансформация базируется на употреблении синонимов, полисемии (при этом модифицируются оттенки смысловых различий). Во-вторых, изменение темы обсуждения может быть неосознанным и намеренным. В-третьих, эмоциональное давление во флейме обязательно, так как его цель часто близка коммуникативной цели ссоры (заставить признать неверность заявленной позиции). В-четвертых, неудобные суждения не принимаются, а оппонент опровергается ради торжества собственной точки зрения. В-пятых, предвзятое отношение может эксплицитоваться даже в первых письмах (вопросах, просьбах) тем, что автор сам сообщает то, что он хочет услышать. Кроме того, во флейме используются своеобразные фигуры речи, называемые риторическими уловками. Ю. В. Рождественский выделяет пять видов уловок [9, с. 178]. Самой распространенной уловкой является «переход на личность» и «уничтожение позиции оратора». «Переход на личность» может реализоваться в виде возмущения по поводу орфографии собеседника (реже – норм словоупотребления). Так как некоторые участники интернет-коммуникации не думают о соблюдении языковых норм языка в переписке, а виртуальное общение имеет письменное воплощение, то такая уловка является очень распространенной. Прием «уничтожения позиции оратора» включает следующие признаки: смену предмета обсуждения, запрет на обсуждение предмета, инсинуацию, ложное согласие со сменой предмета обсуждения, ложное возмущение сменой предмета обсуждения, затягивание речи и запугивание слушающего, переход на обвинение.

Выделяют два вида данной коммуникативной стратегии: *интенционный* и *реакционный флейм* [7, с. 15; 4]. Первый вид флейма является осознанным использованием агрессивной коммуникативной стратегии и предназначен для нарушения конструктивного хода дискуссии в своих личных интересах. Пользователь, прибегающий к данной стратегии, как правило, либо не хочет, чтобы в ходе дискуссии был принят консенсус, либо стремится самоутвердиться, либо скучает и хочет развлечься. Реакционный флейм – это не стратегия, а окказиональный поворот диалога, вызвавший бурную реакцию. Данный вид флейма возникает тогда, когда пользователь вставляет реплику без учета контекста и интенций других пользователей.

По типу сообщения выделяют *прямой, или намеренный, и непрямой* флейм, а по стилистике сообщения – *однозначный и сатирический* [4]. Остановимся подробнее на каждом из них. Прямой, или намеренный флейм, можно определить как враждебное, агрессивное обращение к коммуниканту с целью выражения несогласия с его мнением и взглядами посредством подстрекательских сообщений, содержащих обценную и табуированную лексику. Главная задача данного вида флейма – «поджечь» дискуссию, накалить атмосферу, задеть чувства оппонента и вызвать обратную реакцию. Непрямой флейм предназначен для выражения несогласия и враждебного отношения, но в данном случае агрессия носит завуалированный характер ввиду использования утонченной и вежливой формы обращения. Этот вид флейма может понять только определенная группа пользователей, которая владеет специфическими знаниями по узкой тематике, в рамках которой и осуществляется флейм. В ходе однозначного флейма пользователь прямо ссылается в своем обращении на конкретных людей, места и ситуации, не прибегая к фигурам речи и имея явное намерение флеймить на определенную тему. Однозначный флейм используется совместно с прямым и непрямым флеймом. Как правило, данный вид флейма вызывает обратную агрессивную реакцию, которая также объясняется анонимностью коммуникантов или созданием ложных учетных записей. Сатирический флейм создается путем использования остроумных фраз, иронии, поэтических приемов с целью оскорбления и принижения собеседника. Для разных жанров интернет-коммуникации характерно преобладание определенных видов флейма. Так, прямой однозначный флейм чаще используется на анонимных форумах и электронных досках объявлений. Непрямой однозначный сатирический флейм наиболее популярен в социальных сетях и блогах, где полностью или частично известна личность пользователя. Как видно, открытость личности пользователя является определяющим фактором при выборе вида флейма.

Таким образом, ключевым признаком флейма является отказ от конструктивного диалога во время спора и желание утвердить именно свою точку зрения. Нередко флейм как коммуникативная стратегия носит провокационный характер. Собеседник может намеренно прибегнуть

к такому приему, желая нарушить логический ход дискуссии. Эффективных способов борьбы с флеймом практически не существует. На большинстве форумов агрессивные сообщения удаляются, а их авторам запрещают писать новые сообщения. Дж. Сулер выдвигает гипотезу о том, что вербальная агрессия коммуникантов в Интернете объясняется желанием обрести идентичность, противопоставить себя диффузной массе, пусть и ценой негативной оценки [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Третьякова, В. С.* Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24085/1/iurp-2003-27-16.pdf>. – Дата доступа : 15.03.2016.
2. *Усачева, О. Ю.* Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов) / О. Ю. Усачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm>. – Дата доступа : 15.03.2016.
3. *Herring, S.* Slouching toward the Ordinary: Current Trends in Computer-Mediated Communication / S. Herring // *New Media and Society*. – London : Sage Publications, 2004. – P. 28–43.
4. *Nitin, A.* Classification of Flames in Computer-Mediated Communications [Electronic resource]. – Mode of access : <http://arxiv.org/abs/1202.0617>. – Date of access : 15.03.2016.
5. *Suler, J. R.* Mental Imagery in the Organization and Transformation of the Self. *Psychoanalytic Review* [Electronic resource]. – Mode of access : www.springer.com/9781461458784-c1.pdf. – Date of access : 16.02.2016.
6. *Смирнов, Ф. О.* Интернет-общение на английском и русском языках. Опыт лингвокультурного сопоставления / Ф. О. Смирнов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/archive/2005/smirnovf/smirnovf.pdf>. – Дата доступа : 14.02.2016.
7. *Смирнов, Ф. О.* Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ф. О. Смирнов ; Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2004. – 24 с.
8. *Вавилова, Е. Н.* Риторические приемы в виртуальном общении / Е. Н. Вавилова // *Вестн. ТГУ. Сер. Гуманит. науки. Филология*. – 2005. – № 3. – С. 112–115.
9. *Рождественский, Ю. В.* Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М., 1999. – 208 с.

The article deals with the main features of flame – one of the commonly used virtual destructive strategies. Its communicative tactics and linguistic characteristics are under consideration.

М. А. Шумская
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ

Рассматривается процедура функционирования экспериментальной англоязычной интеллектуальной поисковой системы, а также предлагаются возможные пути ее совершенствования. Разработанная формальная модель состоит из двух частей. Первая часть – анализатор запроса отвечает за анализ запроса пользователя, представленного в виде специального вопроса, начинающегося с вопросительного слова *When* или *Where*. Вторая часть – синтезатор ответа, опираясь на результаты поиска, синтезирует конкретный ответ на поставленный вопрос. В основу работы полной формальной модели интеллектуальной поисковой системы положена достаточно обширная лингвистическая база данных.

В настоящее время проблема организации релевантного поиска информации в сети Интернет еще до конца не решена, поэтому большое значение имеет корректное распознавание смысла запроса пользователя на естественном языке. На данный момент многие поисковые системы недостаточно хорошо работают с естественно-языковыми запросами и, как правило, используют набор специальных средств – операторов, способствующих повышению уровня релевантности выдаваемых ссылок. В связи с развитием интеллекта поисковых машин возникла проблема правильного извлечения, обработки и понимания смысла естественного языка.

В работе рассматривается один из способов создания и функционирования мини-версии англоязычной интеллектуальной поисковой системы, а также возможные пути ее совершенствования. Под интеллектуальной поисковой системой понимается вопросно-ответная система, способная обрабатывать запросы пользователей, представленные в виде вопросительных высказываний, и находить на них точные ответы, опираясь на тексты базы данных поисковой системы. Экспериментальная система разработана на основе 19 текстов научно-популярных статей, извлеченных методом сплошной выборки из сайтов таких англоязычных научно-популярных журналов, как *National Geographic*, *Discovery* и др., а также 45 специальных вопросов по содержанию данных текстов, начинающихся с вопросительных слов *Where* и *When*. Вопросы были сформулированы жителями разных стран, для которых английский язык является родным, вторым или иностранным. Все вопросы составлены грамматически правильно; в них отсутствуют опечатки. Отобранные вопросительные предложения имеют простую синтаксическую структуру и небольшой размер. В них отсутствуют специальные символы, и они не содержат никаких знаков препинания, кроме вопросительного знака в конце предложения.

На основе материала исследования была смоделирована мини-версия англоязычной интеллектуальной поисковой системы, в основу работы которой положено достаточно объемное и четко структурированное лингвистическое обеспечение. Рассмотрим подробнее ее организацию.

Лингвистическая база данных англоязычной вопросно-ответной поисковой системы включает следующие компоненты:

1. Алфавитный тегированный словарь словоформ, входящих в запросы вопросительного типа и ответы на них, составленный с опорой на демо-версию POS-тегера Иллинойского университета, США.

2. Список вопросительных слов и дополнительных семантических тегов, соотнесенных с вопросительными словами.

3. Список последовательностей тегов, которые соответствуют словам, входящим в именные группы.

4. Список слов, распределенных по категориям и формирующих модули времени и места. По правилам, использованным при анализе вопросов, идущие подряд модули с одинаковым тегом были объединены, чтобы более полно отразить смысловую составляющую предложений.

5. Словарь контекстуальных синонимов, выделенных из проанализированных текстов и вопросов по их содержанию.

6. Список форм глаголов, использованных в запросах пользователей.

7. Список синтаксических структур вопросов и соответствующих им структур ответов.

В основу моделирования процесса функционирования англоязычной вопросно-ответной поисковой системы положено решение двух взаимосвязанных задач. Первая задача связана с проведением синтаксического анализа запроса пользователя, сформулированного в виде вопросительного предложения, и формированием его поискового образа (ПОЗ). Эта задача реализована в ходе построения формальной модели анализатора запросов. При решении второй задачи на основе ПОЗ осуществляется поиск предложений-кандидатов, содержащих необходимую пользователю информацию, извлечение этой информации и непосредственный синтез ответа. Данная задача реализована при разработке формальной модели синтезатора ответов.

Для проверки адекватности работы комплексной формальной модели был взят следующий текст англоязычной научно-популярной статьи:

The Japanese have just perfected the skateboard

And it looks amazingly fun.

A Japanese engineer just invented a nifty new way to travel: A transporter called a «WalkCar» that's small, light and apparently easy to use.

The product is battery powered and is about the size of a laptop. And although it looks like it can't hold much weight and is made from aluminum, it can apparently have as much as 265 lbs on board.

VentureBeat reported that it can go up to 6.2 miles per hour for up to 7.4 miles. It needs three hours to charge.

Creator Kuniako Saito told Reuters in an interview, «What if we could just carry our transportation in our bags, wouldn't that mean we'd always have our transportation with us to ride on?» and my friend asked me to make one, since I was doing my masters in engineering specifically on electric car motor control systems.»

Per VentureBeat:

Saito says customers will be able to reserve their own WalkCars from autumn 2015 on the crowd-funding website Kickstarter. The futuristic skateboard will have a price-tag of around 100,000 Japanese Yen (approx. \$800 USD). Shipping is expected to begin by spring 2016.

Рассмотрим работу компьютера с данным текстом и несколькими специальными вопросами по его содержанию. В первой части формальной модели поступившие вопросы по содержанию текста подвергаются синтаксическому анализу. Например, это будут следующие вопросы:

1. *When will the shipping of WalkCars begin?*
2. *When can customers reserve WalkCars?*

На первом этапе анализа происходит деление предложений на токены для их последующего тегирования. Результат произведенных действий будет выглядеть следующим образом:

1. *When/WRB/TM will/MD the/DT shipping/NN of/IN WalkCars/NNPS begin/VB.*

2. *When/WRB/TM can/MD customers/NNS reserve/VB WalkCars/NNPS.*

На следующем этапе работы анализатора в системе создается два блока данных, в которых будут храниться структуры вопросов и их поисковые образы:

1.	WRB	MD	DT NN	IN	NNPS	VBP
	When	will	the shipping	of	WalkCars	begin
Блок А	WRB\TM	aux.v	Subj			MV
Блок Б	#MTM	the shipping of WalkCars will begin				

2.	WRB	MD	NNS	VB	NNPS
	When	can	customers	reserve	WalkCars
Блок А	WRB\TM	aux.v	Subj	MV	D.Obj
Блок Б	#MTM	customers	can reserve	WalkCars	

На этом работа анализатора запросов пользователей заканчивается, и данные отправляются во вторую часть формальной модели – синтезатор ответов. Данные из Блока Б помещаются в поисковую систему для поиска предложений-кандидатов. Как видно из текста, ни одного полностью совпадающего с запросом пользователя предложения нет, что приводит к необходимости изменить ПОЗ. Изменение и нормализация ПОЗ происходят следующим образом:

1. *#MTM the shipping of WalkCars will begin.*
2. *#MTM customers can reserve WalkCars.*

Сначала в поисковом образе запросов, с опорой на словарь синонимов заменяются некоторые слова. Поскольку контекстуальные синонимы есть только для второго запроса, первый запрос остается неизменным.

1. *#MTM the shipping of WalkCars will begin.*
2. *#MTM customers will be able reserve WalkCars.*

После этого поисковые образы запросов вновь направляются в поисковую машину. Поисковая машина найдет для второго запроса совпадение, потому что предложение-кандидат содержит многие слова из ПОЗ: *Saito says customers will be able to reserve their own WalkCars #MTMfrom autumn 2015#MTM on the crowd-funding website Kickstarter.* В то же время первый ПОЗ нуждается в корректировке. Поэтому следующим этапом изменения данного запроса является его упрощение, то есть удаление из него всех второстепенных по важности слов:

1. *#MTM shipping WalkCars begin.*

Поскольку прямое дополнение *WalkCar* встречается в тексте достаточно часто (что также будет отражено в поисковом образе документа), система делает вывод, что подобное слово может быть опущено:

1. *#MTM shipping begin.*

Используя такой запрос, система может найти подходящее предложение-кандидат *Shipping is expected to begin #MTMby spring 2016#MTM.* Таким образом, после некоторых изменений поисковых образов запросов система может определить корректные предложения-кандидаты на ответ. Дальнейшая работа будет проводиться непосредственно с ними. При этом система должна опираться на знание частей речи, поэтому проводится тегирование найденных предложений-кандидатов.

1. *Saito/NNP says/VBZ customers/NNS will/MD be/VB able/JJ to/TO reserve/VB their/PRPS own/JJ WalkCars/NNPS #MTMfrom/IN autumn/NN 2015/CD#MTM on/IN the/DT crowd-funding/JJ website/NN Kickstarter/NNP.*

2. *Shipping/NN is/VBZ expected/VBN to/IN begin/VB #MTMby/IN spring/NN 2016/CD#MTM.*

Поскольку все необходимые для синтеза ответа данные получены, следующим этапом работы системы будет выбор структуры ответа, соответствующей запросу:

1. WRB/TM aux.v Subj Pred → Subj aux.v Pred #MTM.
2. WRB/TM aux.v Subj Pred D.Obj O.Comp → Subj aux.v Pred D.Obj O.Comp #MTM.

Далее, используя всю имеющуюся информацию, система заполнит выбранные структуры, в основном опираясь на вопросы пользователя:

1. *The shipping of WalkCars will begin by spring 2016.*
2. *Customers can reserve WalkCars from autumn 2015.*

Заключительный этап работы системы связан с окончательным лексико-грамматическим контролем, то есть удалением одинаковых слов и проверкой

правильного согласования частей речи. Как видно из приведенных примеров, использование при синтезе ответа слов из вопроса пользователя вместо синтеза предложения ответа с нуля позволяет повысить качество результатов работы системы.

Проверка адекватности работы формальной модели позволила сделать следующие выводы:

1. Компьютерная система, не проводящая глубинный семантический анализ и опирающаяся лишь на специализированные словари и ряд синтаксических правил, способна достаточно точно определить основной смысл поступившего вопроса пользователя, сформулированного на естественном языке.

2. При пополнении лингвистической базы данных компьютер может более точно выделять необходимую для поиска информацию.

3. Для улучшения работы системы необходимо проводить предобработку поступающих в нее текстов, что значительно сократит время работы поисковой машины.

4. При совершенствовании системы путем машинного обучения можно значительно сократить объем списка модулей и контекстуальных синонимов, что, в свою очередь, не только значительно уменьшит объем используемой системой памяти, но и повысит качество результатов работы.

Возможность применения полученных в ходе выполнения исследования результатов видится в использовании разработанной формальной модели в качестве основы для создания модуля промышленной интеллектуальной поисковой системы сети Интернет, способного обрабатывать запросы пользователей, представленные в виде вопросительных высказываний (общих и специальных вопросов), и находить на них точные ответы.

The article deals with the procedure of functioning and some ways of improvement of the mini-version of English question-and-answer retrieval system. The full formal model of the intelligent system consists of two parts – the question parser and the answer composer and functions on the basis of the complex linguistic knowledge base.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

М. Р. Арпентьева

Калуга, КГУ им. К. Э. Циолковского

УСЛОВНО-ДОСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОД: «ЖЕЛТЫЕ ЛЕНТОЧКИ» ЧУЖДОСТИ И БЛИЗОСТИ

Работа посвящена проблемам перевода как процесса и результата понимания, диалога с текстом и его автором в процессе перевода. Особое внимание уделяется ксенологической перспективе диалога. Рассматриваются возможности и ограничения понимания переводимого текста, смыслов, заложенных автором в его структуру: «внутри» и «между» строк.

Современная практика предъявляет весьма высокие требования к качеству перевода: наряду с простейшим, «машинным» переводом, существуют многообразные варианты авторского условно-дословного перевода, при котором переводчик не только стремится воспроизвести переводимый текст как совокупность понятий и конструкций, но и выступает как соавтор текста, дополняющий текст, который будет звучать в новой культуре необходимыми для его понимания «обертонами». Такое дополнение и трансформация всегда рискованны, особенно если переводятся тексты художественные, многоуровневые и многозначные, тексты, наполненные специфическим для народа-носителя языка, определенным культурно-историческим содержанием, а также конкретным для автора переводимого текста психологическим «подтекстом», составляющим основную «магию» произведения. Аллологический или ксенологический подход к изучению проблем перевода и, шире, изучения само-бытия человека и текста предполагает изучение перевода как встречи и превращения Своего текста в Чужой, а Чужого – в Свой [1; 2]. Освоение Другого в контексте практик «условно-дословного» перевода и теоретическое осмысление роли Другого как фактора расширения смыслового горизонта переводчика и, позднее, читателя, связано, в первую очередь, с попытками осмысления человеческой жизни и его текстов как полилогов. Бытие человека имеет смысл, создаваемый в процессе со-творчества с другими людьми [3; 4, с. 30]. Б. Ванденфельс [5] отмечает, что человеческое существо «...мыслит другое как другое, как именно это, определенное, иное существо, чтобы соединиться с ним в сфере, простирающейся за пределы их собственных сфер – Между». Другой, своим существованием, своим отличием, вольно или невольно устанавливает пределы «Своего», раскрывая для «Своего» то, чем Свое обладает [6, с. 30–31, 144–145]. Другой – не только строго обозначенный предел, ограничивший Собственное. Другой есть способ присутствия человека в мире, структура поля понимания, без которой поле не могло функционировать [7, с. 85]. Собственное, не осознав себя и свои границы, оставалось бы

непроявленным, «покоящимся» в самодостаточности: так, как это описано в самых разных мифологиях Абсолюта. Именно это – возвращение в «покой самобытия» и происходит тогда, когда та или иная часть Своего оказывается вне контакта с внешним или внутренним Другим, или, когда она приводит себя – туда – с той или иной целью, проходя через цепочку «воплощение – превращение – осуществление», от ино-бытия к со-бытию и само-бытию. Перевод дает тексту новую жизнь, извлекая его из молчания, из само-бытия через со-бытие прочтения в ино-бытие. «Я» развивает свое бытие, его границы, благодаря Другому, за счет Другого, и, таким образом, развивает в этом «за счет» бытие самого Другого. Опыт Чужого существует как опыт почти или полностью непреодолимого отсутствия [3; 4]. Чужое – всегда непостижимое, которое, будучи обретенным и познанным Своим (освоенным), исчезает в Своем [5]: перевод уничтожает то, что не может понять, что недоступно пониманию, поскольку отсутствует способ, концепт или форма, позволяющая выразить Другость – даже «между строк». Вместе с тем попытка понять Чужое как Иное, Чуждое, может столкнуться и с тем, что Чуждого нет. Иллюзия Чуждости также распространена, как и иллюзия его непреодолимости: в диалоге, в процессе взаимопонимания, по мере формирования и развития «со-бытия», многочисленных превращений и возвратов в свое. Понимая Чужой текст – в исторической или диахронической перспективах, – переводчик рассматривает опыт Чужого лишь как более или менее понятный вариант опыта Себя [6]. Понимание Чужого всегда есть истолкование его на своем, понятном человеку языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки (способы понимания) совместимы [4, с. 16–17, 62–63]. Через признание самодостаточности и потенциального субъектного статуса Чужого возможна попытка войти с ним в диалог, в «диалогическое проникновение в познаваемый смысл» [8] и достичь двустороннего развития. Аллопластичность (alloplastic), осуществление развития за счет взаимодействия с Другими/Чужими, существует в противоположность автопластичности (autoplastic), ищущей развития в собственных границах и ресурсах [9]. Однако у «жизненного горизонта» переводчика как соавтора и у «жизненного горизонта» автора и принадлежащего ему текста, несмотря на всю его изменчивость и «упругость», есть лимит трансформации, превышение которого оказывается фатально для текста [10, с. 236, 242]. Игра Чужого и Своего – лишь способ понять что-то о лежащей вне них, величественной в своей смысловой бесконечности, абсолютной реальности. Что-то – что позволяет, заявив о ее величии, понять «ничто»-жность того, что называется «Своим» и «Чужим», осмыслить «нигде»-шность «Своего» и «Чужого» в Абсолютном, не имеющем начала и конца мире. «Экстенсивное» («пространство» культуры) обменивается или подменяется на «интенсивное» («новый» элемент культуры) [1; 2; 11]. Отношения между субъектами как авторами и переводчиками, между производимыми ими текстами оформляются в том числе и за счет выделения различных по степени эксплицитности

границ в типы межсубъектных барьеров (латентных, дискурсивных, договорных, конфликтных и др.) и типы дискурсов – языковых правил и логик, а также нарративов – историй взаимодействия субъектов, включая данные барьеры и логики [12, с. 88, 91; 13; 14]. Способ осмысления соотнесен с ценностями и целями – интенциями понимающего [15, с. 9, 217; 16, с. 73–145, 17, с. 80; 18, с. 125; др.]. Понимание есть, вместе с тем, «попытка прорыва сквозь данность»: понимание есть попытка думать о чем-то, не «теряя с ним контакт» [19; 20]. Границы инобытия и самобытия в событии встречи исчезают, чтобы возникнуть в новом времени-пространстве (ситуации) – как преображенные. К. Солер [21] выделяет три способа «практического разрешения выхода»: (1) субъект удовлетворяется полученным знанием, которое он рассматривает как разгадку своей позиции и уловок, ориентировавших до этого его отношения с другими, находя некоторую формулу истины, которая составляет основу его личности (*fin mot* или *mot de la fin*, «разгадка» становится «словом конца»); (2) более остро ощущая тот факт, что истина может быть лишь полусказана, субъект отказывается от анализа, не стараясь более придать основание упорству и выходу из него. «Баста» определяет выход «как бы взятый на измор», выход через признанное бессилие: отсутствие *mot* (последнего слова) ведет к *motus* (ни слова); (3) субъект полагает решение найденным, проходя через «испытание бессилием», перед невозможным: совершает поворот от бессилия к невозможному, осознавая и принимая выбор в ситуации невозможности выбора, необходимость понимания в ситуации его невозможности и т.д. Эти выходы через веру в истину, неполноту и невозможное неравноценны в смысле «исчерпания ресурсов символического» (способов формирования субъектом смысла происходящего в его внутреннем и внешнем мирах, в переводимом тексте):

1) первый выход предполагает оправдание «наивных надежд» на простое и фрагментарное понимание переводимого, пренебрежение и игнорирование тупиков и рассогласований, отказ от собственного усилия к пониманию, удовлетворенность поверхностным и частичным «знанием», сведение перевода к дословному и поверхностному, лишенному обертонов, пониманию;

2) второй выход – надежды точно и полно понять переводимое не оправдываются, но субъект дорожит ими из-за бессилия (своего или другого), не умея иного, удовлетворяется наличным, констатируя невозможность полноты и точности. Он вылавливает из множества смыслов доступные и интересные ему в данный момент, останавливаясь там, где иные варианты неинтересны и не могут быть внутренне освоены и развиты, игнорируя и исключая из текста перевода «загадки», образуемые смысловыми лакунами и неточностями;

3) третий выход предполагает заключение невозможности полного и точного понимания переводимого. Он имеет эффект «выходящего за предел» отказа от изменения. Или приводит к попыткам осуществления невозможного как невозможного («пусть невозможно, но я попытаюсь»).

В качестве примера приведем перевод стихотворения «Tie a yellow ribbon» / «Повяжи желтую ленту» Ир. Ливайна и Л. Р. Брауна. В США подвязывание таких ленточек – знак солидарности с заключенными или заложниками. С. Смирнов сохранил достоинства авторского текста, его прочтение – и перевод, и оригинал, в котором видны переживания автора и героя по поводу непонимания – себя и мира, а также – дан, хотя и скупое, скрытно, как «желтая ленточка», как намек на культурно-исторический контекст. Двигаясь от фразы «И все, что стало ныне не моим» до фразы «И вот теперь – последний поворот, Автобус аплодирует и радостно ревет!», автор раскрывает не просто переживания и представления героя и события, случившиеся с ним как индивидом, но, хотя и небольшой, фрагмент истории целого народа. За этими фразами прячется история «поворотов» в отношении к военнопленным и узникам. За ними спрятан и намек на историю войны и отношение к тюрьмам в целом. Истории, это отношение остаются за текстом стихотворения, но намекают на существование историй непринятия, забвения, игнорирования обществом своих членов, переживших и переживающих опыт заключения: «...останусь я в автобусе один».

Повяжи желтой лентой

Дорогой старую вернусь домой,
Но как мне знать, что ныне ты со
мною?
Прочитаны ли письма, что
выстраданы мною?
И если да, то знаешь как
Подать мне солнца знак?
Тот солнца яркий знак!
На дубе ленту желтую лишь повяжи!
Что нужен я тебе – ты этим мне
скажи!
Прошло три года,
Все может быть другим...
Тогда останусь я в автобусе один,
Поеду дальше, если не увижу ленты
дым,
Забуду все о нас...,
И все, что стало ныне не моим.
Водитель, слышишь? Веришь ли ты
снам?
Боюсь того, что вдруг увижу там...

И чувствую, что я еще в плену,
А ключ у той, которую люблю!
Лишь лента желтая – все, что нужно
мне,
Та лента желтая, что видел я во сне!
Ты ленту лишь на старом дубе
повяжи!
Что ждешь и помнишь – знаком
подскажи!
Три года минуло,
Могло все стать другим...
Тогда в автобусе останусь я один,
Поеду дальше я путем чужим.
Сам буду виноват,
Что не увидел лент тех желтый дым.
И вот теперь – последний поворот,
Автобус аплодирует и радостно ревет!
Глазам не верю, быть не может, нет...
На старом дубе сотня желтых лент,
На старом древнем дубе
Сотня желтых лент!

Перевод есть освобождение текста из «плена» потенциальности «смыслового универсума». Он предполагает осмысление наиболее доступных переводчику смыслов текста, а также – их повторное сокрытие, насыщение

текста подтекстами и интертекстами, позволяющими читателю отличной и исходной культуры понимать текст во всей его полноте: переводчик лишь «повязывает желтую ленточку» там, где он обнаружил «зерно истины» или сокрытую от наивных глаз «машинного перевода» тайну, усмотрел обращение к смысловому пласту, далекому от непосредственно описываемой ситуации. Современная «интертекстология» и «нарративология» обращают особое внимание на те аспекты смысла, которые прячутся «между строк», «на полях», в «между-текстах» и в «историях» текстов: грамотный переводчик учитывает именно эти, неявные смыслы как опорные. Опираясь на них, он реконструирует внешний каркас текста, оставляя в нем знаки – «желтые ленточки», маркирующие глубинные смыслы, послужившие первоосновой текста, по-прежнему ждущие своего «освобождения» в процессе прочтения перевода заинтересованным читателем – третьим «соавтором» текста. Смыслы как пленники – ждут своего освобождения и принятия: полного или частичного, но обязательно – любовного, ждущего их. Умение переводить и умение читать предполагает, таким образом, любовное отношение к смыслам, стремление «распаковывать» смысловой континуум текста и считывать варианты «распаковки», предлагаемые автором и переводчиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арпентьева, М. Р.* Ксенопсихотерапия: космические путешествия и трансформации в научно-фантастических произведениях / М. Р. Арпентьева // *Философия и космология.* – 2015. – №1 (V. 15). – С. 163–181.
2. *Арпентьева, М. Р.* Ксенология в исследованиях мультикультурного диалога / М. Р. Арпентьева // *Слово, высказывание, текст : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф., 25 сентября 2015 г. / отв. ред. Т. В. Плесканюк.* – Нижний Новгород : ИП Краснова Н. А., 2015. – С. 25–31.
3. *Гуссерль, Э.* Идеи к чистой феноменологии / Э. Гуссерль. – М. : Лабиринт, 1994. – 110 с.
4. *Гуссерль, Э.* Начало геометрии / Э. Гуссерль. – М., 1996. – С. 16–17, 62–63.
5. *Ванденфельс, Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вандерфельс // *Логос.* – 1994. – № 6. – С. 77–90.
6. *Подорога, В.* Феноменология тела / В. Подорога. – М. : Admarginem, 1995. – 380 с.
7. *Делез, Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делез // *Комментарии.* – 1996. – № 10. – С. 85.
8. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
9. *Magdalino, P.* The History of the Future and its Uses / P. Magdalino // *The Making of Byzantine History / eds. by R. Vcaton and Ch. Roueche.* – L., 1993. – P. 3–34.
10. О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // *От Я к Другому / под ред. А. А. Михайлова.* – Минск : Навука, 1997. – 340 с.

11. *Асмус, В. Ф.* Историко-философские этюды / В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1984. – 120 с.
12. *Блакар, Р. М.* Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–91.
13. *Дейк, ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 420 с.
14. *Коротеева, В. В.* Этнические символы и символическая природа этничности / В. В. Коротеева // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М. : Прогресс, 1994. – С. 39–50.
15. *Батищев, Г. С.* Деятельная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. – М. : Наука, 1969. – С. 73–145.
16. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Культура, 1995. – 460 с.
17. *Гадамер, Г.-Г.* Истина и метод / Г.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 340 с.
18. *Кун, Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
19. *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М. : Иностранная литература, 1958. – 134 с.
20. *Мамардашвили, М. К.* Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 45–56.
21. *Солер, К.* Клинические уроки перехода / К. Солер // Логос. – 1992. – № 3. – С. 178–189.

The article is devoted to the problems of translation as a process and result of understanding, dialogue with the text and its author in the translation process. Special attention is paid to understanding in the xenological term. Possibilities and limitations of text comprehension of meanings are created by the author in its structure: «within» and «between the lines».

А. Ю. Атрашкевич
Минск, БГУ

САТИРИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ В РОМАНЕ ДЖ. ХЕЛЛЕРА «УЛОВКА–22»

Работа посвящена исследованию путей и приемов создания сатирического эффекта, использованных Дж. Хеллером в романе «Уловка–22». На основании проведенного анализа автор делает вывод о том, что среди всех приемов реализации сатирического эффекта основными в романе являются ирония, пародия и гипербола. В статье также приводятся наиболее яркие примеры использования данных приемов. Кроме того, рассматриваются понятия-символы, отраженные в романе, раскрываются задача и идея романа.

Одной из главных задач романа «Уловка–22» («Catch–22» J. Heller, 1961) является высмеивание бесчеловечного военного механизма на фоне инстинкта самосохранения, заложенного в каждом человеке. Представляя ситуации военного времени в смешном виде и приводя необоснованные аргументы, автор произ-

ведения отражает конфликт, возникающий, когда течение войны обусловлено факторами, чуждыми для людей, участвующих в ней. Данный роман обнажает войну и бюрократию и их влияние на людей посредством героев и событий. Сила бюрократии отражается уже в первых главах, когда полковник Кэткорт увеличивает количество боевых вылетов или когда доктор Дейника объясняет смысл «Уловки-22», – Йоссариан вынужден осознать, что закон, от которого зависит его жизнь, является парадоксом.

Ключевым приемом создания сатиры в романе выступает ирония. Последняя заключается в бессмысленности и бесполезности войны, по крайней мере в ведении ее такими способами, которыми пользуются герои, окружающие Йоссариана. Единственное, что важно для командования – получить повышение; единственное, что важно для солдат – остаться живым до отправки домой. Никого не волнуют политические и этические стороны ведения войны. Эта ирония реализуется множеством путей и поступков Йоссариана и его окружения.

Другим примером иронии в романе может служить то, что чтение «Уловки-22» является незаконным, но ее нужно прочитать для того, чтобы знать закон. Весь роман буквально пронизан иронией. Например, часто иронии подвергаются врачи, и доктор Дейника в частности: *«Спасение жизней – не мое дело, – хмуро возразил доктор Дейника»* [1, с. 295]. Или в ситуации, когда Йоссариан попадает в госпиталь: *«Не нужна ему операция, – проворчал другой. – Ранение несерьезное. Все, что от нас требуется, – остановить кровотечение, промыть рану и наложить несколько швов. – Но мне ужасно хочется резать, я никогда не пробовал. Которая из этих железок скальпель? Вот этот, что ли?»* [1, с. 498]. Ирония здесь заключается в том, что медицинский персонал должен быть хорошо обучен и бороться за жизни людей, их выживание, а не практиковаться на них. Кроме того, доктор Дейника больше озабочен своими болезнями, и, вместо того чтобы лечить летчиков, он часто сам им жалуется. Дж. Хеллер использует иронию с целью искажения всех явлений и вещей до противоположных им, создавая абсурдные концепции и принципы.

Также в романе применяется пародия. Прежде всего стоит отметить, что сам роман «Уловка-22» можно рассматривать как пародию на военную литературу периода 1920-х годов. Например, на такие произведения как «Прощай, оружие» (Э. Хэмингуэй) и «Три солдата» (Дж. Д. Пассос). В этих произведениях описываются ужасы войны, ее устрашающие последствия. В отличие от традиционных военных романов, «Уловка-22» является ироничной в своем представлении войны как чего-то парадоксально положительного, «выхода» из сложной жизненной ситуации. Ярким примером этого может служить взгляд на войну доктора Дейники: *«К счастью, когда дело приняло совсем мрачный оборот, разразилась война»* [1, с. 67] или описание капитанов Пилтчарда и Рена: *«Война была самым лучшим событием в их жизни, и они боялись, что ничего подобного с ними больше не повторится»* [1, с. 208]. Также личность Йоссариана можно рассматривать как пародию на героя войны, поскольку он не герой войны, а герой общества того времени. Йоссариан не обладает достаточно сильным характером для того, чтобы противостоять войне, с самого начала романа он пытается избежать полетов,

притворяясь больным. Йоссариан не самоуверен и, более того, запутался в своей личности. Не удивительно, что он считает, что война предоставила ему маски, главный герой играет с различными именами, будучи в госпитале, выступая в качестве цензора писем, подписывая их «Вашингтон Ирвинг» или «Ирвинг Вашингтон». В дополнение он отождествляет себя с мифическими или вымышленными персонажами: *«Тарзан и фараон Рамзес Второй. Он – Билли Шекспир. Он – Каин, Улисс, Летучий Голландец, он – печальная Дейрдре <...>. Я – подлинный, громopodobный, чистейший душой многорукий Вишну. Я – верх человека»* [1, с. 32]. Кульминация потери личности происходит в момент, когда Йоссариан получает ранение в ногу, и кошмар полной потери личности, как случилось с солдатом в белом, становится реальностью: *« – Так нога-то моя. – Не только ваша, – возразила сестра Крэмер. – Эта нога принадлежит правительству Соединенных Штатов. Все равно как какой-нибудь тягач или ночной горшок. Военное министерство вложило в вас массу денег, чтобы сделать из вас пилота, и вы не имеете права не слушаться врачей»* [1, с. 446].

Еще одним проявлением пародии в романе является пародия на американскую мечту и капитализм в лице Милоу Миндербиндера. Синдикат, созданный Милоу, можно рассматривать как пародию Дж. Хеллера на экономическую деятельность при капитализме. Невероятный процесс, при котором Милоу покупает яйца по 7 центов за штуку, а продает их по 5 центов за штуку, вместе с тем извлекая из этого выгоду, представляет особый интерес. Милоу заявляет, что на самом деле он продает и покупает яйца внутри своего синдиката, тем самым сохраняя деньги для покупки яиц. Но в случае, если он покупает яйца пользуясь теми же ресурсами, которые он получает после продажи яиц, то все, чем он занимается, это просто перевод денег с одного счета на другой. Очевидным становится тот факт, что схема Милоу по добыче денег не работает и не может работать по определению. Однако, несмотря на то, что эта схема совершенно нелогична и неправдоподобна, как и многие идеи романа, синдикат Милоу приносит прибыль. Одновременно синдикат представляет собой пародию на коммунизм, номинально все в нем участвуют и «имеют долю», но на самом деле он управляется лишь одним Милоу.

Еще одним приемом, которым пользуется Дж. Хеллер для создания сатирического эффекта в романе, является гипербола. Гипербола чаще всего является инструментом иронии, поскольку преувеличение лишь подчеркивает черты и события, которые автор стремится высмеять. Доктор Дейника постоянно преувеличивает свои «проблемы» со здоровьем, ежедневно измеряя температуру, хотя градусник неизменно показывает тридцать шесть и шесть. Он стремится драматизировать любое событие, заботясь о сохранении своего здоровья: *«Дейника вообще никогда не купался. В воде человеку может стать плохо, и он может утонуть, даже если воды по щиколотку. В воде у человека может произойти закупорка коронарных сосудов, и его придется вытаскивать на берег волоком. Кроме того, плаванье приводит к перенапряжению и охлаждению организма, а от этого можно заболеть полиомиелитом или менингитом»* [1, с. 321].

Роман содержит множество символов. Так, например, госпиталь в романе можно рассматривать как символ защищенности и безопасности. Йоссарриан и другие используют госпиталь в качестве укрытия, таким образом не подвергая риску собственные жизни. Однако даже в стенах госпиталя невозможно укрыться от бессмысленности и абсурдности. Солдат в белом, письма, которые Йоссариану приходится цензурировать – все это раскрывает абсурдность, которая все еще существует в стенах госпиталя. Майор Майор является символом одиночества и отчуждения. Не по собственной вине над ним постоянно подтрунивают, его постоянно избегают из-за его странного имени, высокой нравственности и пугающей искренности. Хотя Майор Майор и упорно старается с кем-нибудь подружиться, все его сторонятся.

Все эти и другие приемы, использованные Дж. Хеллером, создают яркий сатирический эффект. Произведение «Уловка–22» входит в список ста самых читаемых в мире романов, периодически публикуемый по результатам опроса читательского мнения британскими и американскими литературными журналами. Сегодняшняя популярность романа, написанного более четырех десятков лет назад, свидетельствует о злободневности поднимаемых в нем проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хеллер, Дж. Уловка–22: роман / Дж. Хеллер; пер с англ. В. Мачулис. – Киев : Трамвай, 1995. – 548 с.

The article is devoted to the ways of creation of satiric effect in J. Heller's novel "Catch-22". It also provides vivid examples of satiric effect realization in the novel.

В. И. Божкова

Минск, БГУ

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. АЛМОНДА

Настоящее исследование посвящено проблеме преломления жанра магического реализма в британской литературе на примере произведения писателя в области детской литературы Д. Алмонда «Скеллиг». На основе сравнительно-сопоставительного анализа данного произведения с «классическим» примером магического реализма – повестью Г. Г. Маркеса «Очень старый человек с огромными крыльями» были выявлены особенности функционирования жанра магического реализма в рамках детской британской литературы.

Магический реализм как литературное течение возник и оформился лишь в середине прошлого века, но за это время приобрел популярность среди читателей и оказал существенное влияние на мировую литературу.

Магический реализм – это также отражение межкультурного взаимодействия и конфликта, что обуславливает актуальность данной темы в связи с набирающей обороты глобализацией в современном мире. Развитие магического реализма

достигло своего апогея в произведениях авторов Латинской Америки, и само его понятие, как правило, неразрывно связано именно с этим регионом, однако интерес к данному феномену постепенно возрастает и среди писателей других стран.

В 1968 году Г. Г. Маркесом была написана повесть «Очень старый человек с огромными крыльями», а тридцать лет спустя, в 1998 году, вышел в свет роман «Скеллиг» британского писателя Д. Алмонда, прославившегося своими произведениями в области детской литературы. Примечательным является тот факт, что в основу романа «Скеллиг» легла повесть Г. Г. Маркеса. Д. Алмонд сохранил часть сюжета повести, но преобразовал произведение в целом, подогнав его под каноны детской литературы.

Часть сюжета, общая для обоих произведений, заключается в появлении необычного человека с крыльями, вероятно, обладающего и иными «чудесными» качествами, одно из которых – дар исцеления. Так, в заключительной части повести и романа этот «человек» или «ангел» исцеляет больного ребенка. Появление ангела никак не выбивается из привычной нам реальности, оно до банального просто и обыденно как в повести, так и в романе: его находят среди грязи и мусора в постройках возле дома, у Г. Г. Маркеса – в патио (данная реалья подчеркивает своеобразие обстановки в латиноамериканском произведении), а у Д. Алмонда – в гараже. Д. Алмонд описывает его появление следующим образом: *«Он лежал в темноте, за нагромождением шкафов и буфетов, в мусоре и пыли <...>. Я говорю, что нашел его в гараже, потому что агент по недвижимости мистер Стоун назвал эту постройку гаражом. По мне, так это была хибара, или мусорная свалка, или что-то наподобие полуразрушенных складов, которые сейчас сносят у причала»* [1, с. 16].

Подобное сочетание обыденного с фантастическим, где необычное воспринимается как обычное, и есть главный характерный признак магического реализма.

Несмотря на схожесть сюжетов, произведения кардинально различаются по своей сути. Различия между ними можно объяснить культурными особенностями, эпохами, когда они были написаны, аудиторией, на которую произведения нацелены: хотя одно время Г. Г. Маркес пробовал писать сказки для детей, его произведения скорее ориентированы на взрослого реципиента.

Одной из отличительных черт между романом и повестью выступает понимание сущности необыкновенного: Г. Г. Маркес в самом начале произведения безапелляционно утверждает, что старый человек в его патио – это ангел, которого прислали за умирающим ребенком, и данное заявление оспаривается в произведении лишь однажды.

Д. Алмонд же, напротив, не дает четкого определения фантастическому существу Скеллигу. О наличии крыльев у Скеллига писатель утаивает до середины романа, делая лишь намеки на их существование. Он предоставляет читателю право самому разобраться, кто – или что – перед ним, снабжая значительным количеством версий, включающих даже эволюцию. Имя «Скеллиг», полученное персонажем в честь ирландского острова Скеллиг-Майкл (именем

«Майкл» Д. Алмонд назвал главного героя произведения), известного расположенным на нем древним христианским монастырем, также дает лишь смутную подсказку. По мнению автора, Скеллиг – или ничто («*Никто. Мистер Никто. Мистер Кости и мистер Устал. И мистер Артур Ит*») [1, с. 72], или всё сразу («*Некто. Похож на всех сразу: вас, людей, на зверя, на птицу, на ангела. Такое вот существо*») [1, с. 202].

Не предоставив четкого и однозначного ответа, Д. Алмонд, вероятно, ориентировался на тот факт, что за фантастическое люди часто принимают необъяснимое.

Образ «ангела», очень схоже описанный в обоих произведениях, вызывает у остальных героев различный отклик и в повести, и в романе. Таким образом мы можем наблюдать различную реакцию на магическое. У Г. Г. Маркеса оно становится причиной проявления у персонажей присущей людям корыстности, раздражительности и других качеств, подпитывающих правдоподобность повествования.

Персонажи Д. Алмонда, напротив, воплощают собой традиционную европейскую приверженность принципам гуманности в литературе, стремление положительных героев заботиться о ближнем, оказывать поддержку и помощь тем, кто в этом нуждается. Герои «Скеллига» выхаживают больного ангела, подкармливают его и находят ему жилье лучшее, нежели ветхий гараж. Такой подход, вероятно, может быть также связан с нацеленностью романа на детскую аудиторию, что побуждает автора к созданию таких персонажей, которые должны стать примером для подражания подрастающему поколению.

Способ придания обыденности «ангелам» слабо различается в произведениях Г. Г. Маркеса и Д. Алмонда. Оба писателя стремятся «очеловечить» нереальное, причем практически всегда привнося в него нелюбимые черты. Так, например, Скеллиг – «ангел» Д. Алмонда – грубо выражается, болен артритом, пьет пиво и просит аспирин. А ангел в повести Г. Г. Маркеса был крайне привередлив в пище и ел только баклажанную икру, бродил взад-вперед как обессилевший лунатик, путался под ногами и бредил.

Различие реципиента подтолкнуло Д. Алмонда к разграничению мира «взрослых» и мира «детей». Он сопоставляет их с мирами «реального» и «фантастического» соответственно. И взаимодействие этих миров наглядно отражает суть течения магического реализма: данные миры накладываются и не взаимоисключают друг друга. И хотя логика происходящих событий и причинно-следственные связи в них разнятся, эти миры сосуществуют в гармонии, один не противоречит другому. Мало того, один мир невозможен без другого: «*Вообразить ничего не хотелось. Девочка умерла. Скеллиг исчез. Оставшийся без них мир был уродлив. Веяло холодом и ужасом*» [1, с. 187].

В отличие от Д. Алмонда, Г. Г. Маркес подает фантастические элементы как нечто подчас довольно обременительное. Так, героиня «Очень старого человека с огромными крыльями» устала от пребывания ангела в ее доме и не жалеет, когда ангел улетает.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что в зависимости от реципиента, на которого нацелено произведение, писатель выбирает ту или иную манеру подачи информации, что в значительной степени отражается на способе повествования.

Таким образом, основные черты магического реализма в произведении Д. Алмонда «Скеллиг» сохраняются, но принимают несколько иную форму и рассмотрены с альтернативной точки зрения. Различия также могут объясняться моральными установками самого автора или предпочтением идеализации персонажей, что, в свою очередь, является данью традициям европейской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмонд, Д. Скеллиг : роман / Д. Алмонд; пер. с англ. О. Варшавер. – М. : Иностранка, 2004. – 221 с.
2. Маркес, Г. Г. Сто лет одиночества. Повести и рассказы / Г. Г. Маркес; пер. с исп. А. Ещенко. – М. : Прогресс, 1979. – 592 с.

This work is dedicated to the research of breaking traditions of magic realism within a novel written by the British author D. Almond. By ascertaining features of the considered genre and defining its specific characteristics the ability of referring to magic realism works of non-Latin American origin can be proved.

А. В. Древницкая
Минск, БГУ

ЧЕРТЫ ГОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В РОМАНЕ Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»

Цель данной работы – рассмотреть черты готической прозы в романе Э. Бронте «Грозовой перевал». Задача – дать определение понятию «готический роман», выявить его характерные особенности, выделить отличительные черты готического романа и проследить их воплощение в данном произведении.

«Готический роман» (*The Gothic novel*) – роман «ужасов и тайн» – появился в западноевропейской и американской литературах второй половины XVIII и первой половины XIX веков [1]. Одними из характерных черт готического романа являются философичность и воплощение темы «мирового зла», а также проявление мрачного, загадочного, сверхъестественного. В большинстве случаев сюжеты сводятся к загадочным преступлениям, герои отмечены печатью рока и демонизма [Там же].

Согласно классификации Е. В. Григорьевой, отличительные черты готического романа следующие:

1. Сюжет построен вокруг тайны, например, исчезновение кого-либо, неопределенное происхождение героя, лишение наследства [2].

Писатель Э. Бронте в романе «Грозовой перевал» (*Wuthering Heights*, 1847) предоставляет вести повествование служанке Нелли Дин и мистеру Локвуду, то есть автор прячется, и читатели не могут до конца понять ее отношение к созданным персонажам. «Грозовой перевал» является своего рода дневником мистера Локвуда, который приехал из большого города на дикие вересковые поля. Идея создания дневника пришла ему после посещения старого, полузаброшенного поместья, которое называется «Грозовой перевал», где его встретили очень холодно, и где ему все показалось окутанным тайной. Центральной тайной романа является происхождение главного героя Хитклифа, ибо никому неизвестно, откуда он родом, и это так и остается неразгаданной тайной. Скрытые от читателя обстоятельства рождения героя и его раннее детство в сочетании с темным характером и темой сверхъестественного, имеющей место в романе, способствуют предположению, что Хитклиф может быть адским духом или демоном. Также загадкой окутано и исчезновение Хитклифа. Когда Хитклифф возвращается после трехлетнего отсутствия, Нелли замечает, что он стал «высоким, статным атлетом» [3, с. 92], а его «выправка наводила на мысль, что он служил в армии» [Там же]. Сам Хитклиф скрывает, где он был и как разбогател.

2. Повествование характеризуется непрерывными угрозами чести, безопасности и покою героя [2]. После смерти старшего Эрншо, Хиндли возвращается на Грозовой Перевал и устанавливает здесь свои порядки, при этом он жестоко отыгрывается на Хитклифе, любимце его отца, за унижения, которые он когда-то переносил от него: Хитклиф теперь жил на условиях едва ли не простого работника. После того, как у Хиндли родился сын, он начал пить и постоянным буйством наводил ужас на жителей дома и не давал им покоя. «Он вошел, извергая такую ругань, что слушать страшно; и поймал меня на месте, когда я запихивала его сына в кухонный шкаф. Гэртон испытывал спасительный ужас перед проявлениями его животной любви или бешеной ярости, потому что, сталкиваясь с первой, мальчик подвергался опасности, что его затискают и зацелуют до смерти, а со второй – что ему размозжат голову о стену или швырнут его в огонь; и бедный крошка всегда сидел тихонько, куда бы я его ни запрятала» [3, с. 71].

3. В большинстве случаев местом действия готических романов является древний, обветшалый, заброшенный замок с запахом тлена, черными коридорами и спящими слугами. Описания места действия включают безлюдные пустоши, дремучие леса, открытые могилы и др.

Следует отметить, что практически все действие романа происходит на фоне плохой погоды, настроение которой как бы отражает неуютную и зловещую атмосферу жилища. Практически все сюжетные ситуации в тексте сопровождаются ветром, грозой, дождем и другими атмосферными явлениями. Абсолютно очевидно, что и завязка действия романа, и кульминация, и его развязка, а также различные важные переломные моменты сюжета происходят в жуткую непогоду, что опять же нагнетает атмосферу ужаса и создает ожидание чего-то непредсказуемого. Страшные раскаты грома слышны в то время, когда исчезает Хитклиф. А в дни смерти Кэтрин, а затем и Хитклифа, природа как будто

оплакивает их. Когда умерла Кэтрин, вместе с ней словно умерло все прекрасное. Ясная, солнечная погода внезапно сменилась снегом и дождями, все вокруг стало безликим и серым, природа, казалось, вместе с ней перестала существовать. Когда же умер Хитклиф, лило всю ночь до рассвета, и через распахнутое окно дождь хлестал прямо в комнату. Он лежал не двигаясь в постели и его шея и лицо омывались дождем. Дождь здесь можно рассмотреть как символ отпущения грехов; сама природа смывала все его злодеяния. Безусловно, этот факт таинственен и мистичен, впрочем, как и смерти обоих героев.

После смерти Кэтрин Хитклиф постоянно думает о ней и решает раскопать ее могилу, затем рассказывает об этом Нелли Дин: «Я попросил могильщика, копающего могилу Линтону, счистить землю с крышки ее гроба и открыл ее. Я думал сперва, что не сойду уже с места, когда увидел вновь ее лицо – это все еще было ее лицо!» [3, с. 272]. Данная сцена кажется невообразимой, и традиция готического романа отражается в ней в полной мере. Раскопанная могила, неизменившийся вид покойной Кэтрин, ее потревоженный покой – все это создает общую атмосферу ужаса и страха.

4. В ранних готических романах главная героиня мила, красива, скромна, добра, в финале она вознаграждается богатством, положением в обществе и супружеским счастьем [2].

Главной героиней романа является Кэтрин Эрншо (Линтон). Она представлена как свободолюбивая капризная девушка; несмотря на то, что добра по своей природе, зачастую ненароком причиняет боль другим. Героиня часто бывает груба и бестактна, она немного избалована и эгоистична. Нравственность Кэтрин Эрншо не вызывает сомнений. Она до того правильная, что умирает, не отрываясь от того, кого любила будучи ребенком. Несмотря на то, что в Хитклифе скрывается Зло, она любит его так сильно, что произносит важнейшую фразу: «Я и есть Хитклиф» [3, с. 80].

Еще одной героиней является Кэти Линтон. Она милая и отзывчивая девушка, дочь Кэтрин и Эдгара. Кэти унаследовала от матери только глаза и форму носа, а от отца ей достались светлые волосы и утонченная внешность. Кэти горделива и упряма, как мать, но миссис Дин считает, что она гораздо больше способна на любовь и внимание, чем Кэтрин Эрншо. Кэти в детстве – очень живая, милая, чуткая ко всему прекрасному, ей знакомы и сильные чувства, и в отличие от ее матери, у нее более мягкий характер. Несмотря на все попытки мести со стороны Хитклифа, она выходит замуж за свою настоящую любовь Гэртона Эрншо, восстанавливая тем самым гармонию в трех семьях.

5. Активным элементом готического романа является злодей [2].

В романе злодеем является Хитклиф. Этот молодой человек – «бунтарь, поднимающийся против установленных порядков, против лицемерной морали, против бога и религии, против зла и несправедливости» [4, с. 246]. Герой – «дьявол во плоти», «лживый дьявол, чудовище, не человек», как называют его практически все герои романа. Он является очень сильной личностью, способен получать радость от разрушений и мучений, которые доставляет людям.

«Ярость Хитклиффа даже на мгновение не могут сдержать ни закон, ни сила, ни приличия, ни жалость, ни даже смерть, ибо Хитклифф, самозабвенно, не испытывая никаких угрызений совести, становится причиной болезни и смерти Кэтрин, полагая, что он умирает вместе с ней», – справедливо указывает Ж. Батай [5, с. 20].

Автор постоянно замечает в его образе демонические черты. Он «черен, точно родился от дьявола», его «брови угрюмо насуплены» и т.д. Герой очень одинок, враждует со всем миром; никто никогда не сказал о нем доброго слова, напротив – «жесткий, как мельничный жернов, и зубастый, как пила», говорят о нем окружающие. Даже любящая его Кэтрин считает, что это «лютый, безжалостный человек, человек волчьего нрава» [3, с. 99].

Хитклиффом постоянно управляет чувство мести. Он умеет манипулировать людьми, потакать их страстям и, наоборот, воздействовать на благородные стороны натуры. Он обманом заманивает к себе в дом Кэти Линтон, всячески подталкивая ее к женитьбе с его сыном, с целью отобрать у Э. Линтона усадьбу Мызу Скворцов и завладеть наследством Кэтрин (тайна лишения наследства является также чертой готического романа, по классификации Е. В. Григорьевой).

Таким образом, в романе «Грозовой перевал» присутствуют характерные черты готической прозы, а именно: сюжет окутан тайной; постоянные угрозы чести, безопасности и покою персонажей; зловещая и жуткая сцена действия; милая, красивая, добрая главная героиня, которая в финале вознаграждается богатством и супружеским счастьем; активный элемент готического романа – злодей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приданникова, Т. Готический роман что это такое? [Электронный ресурс] / Т. Приданникова. – Магнитогорск, 1991. – Режим доступа : http://www.fandom.ru/about_fan/pridannikova_01.htm. – Дата доступа : 01.04.2016.
2. Григорьева, Е. В. Готический роман и своеобразие фантастического в прозе английского романтизма: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Е. В. Григорьева. – Ростов-на-Дону, 1988. – 163 л.
3. Бронте, Э. Грозовой перевал: роман / Э. Бронте; пер. с англ. Н. Вольпин. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. – 318 с.
4. Михальская, Н. П. История английской литературы: учебник для студентов филол. и лингв. ф-тов высш. пед. учеб. заведений / Н. П. Михальская. – 2-е изд., стереотип. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 480 с.
5. Батай, Ж. Литература и Зло / Ж. Батай; пер. с фр. и коммент. Н. В. Бутман и Е. Г. Домогацкой, предисл. Н. В. Бутман. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 166 с.

This article describes the features of the Gothic novel in Emily Brontë's "Wuthering Heights". The task is to give the definition to the notion "Gothic novel" and single out its characteristics, the distinctive features of the Gothic novel, analyze them and identify their expression in this novel.

Е. В. Ершова
Минск, МГЛУ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРЕЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Урбанистические исследования стали популярными среди западных ученых. Важная проблема мегаполисов – влияние городской среды на социум, что отражается в городской литературе. В мультикультурной Америке актуальны исследования влияния города не только на социум в целом, но и на различные этнические группы. В работе предпринимается попытка проследить эволюцию американского урбанистического пространства в творчестве еврейско-американских авторов начала и конца XX века. На материале произведений выдающихся писателей и культурных деятелей А. Кагана и В. Аллена показана эволюция городского пространства в еврейско-американской литературе и смещение перспектив репрезентации городской жизни с описательной на психологическую. Автор приходит к выводу, что из пространства, которое нужно завоевывать, современные американские города трансформировались в полностью благоприятную среду для бывших мигрантов, в которой они больше не испытывают лишения и унижения.

Еврейские писатели играют центральную роль во введении этнических тем, проблем в американскую литературу. Ассимиляция евреев проходила медленно и болезненно. Несмотря на то, что американские евреи были в конце концов приняты на передовые позиции в культуре, тем не менее, на дороге к успеху они прошли путь через сопротивление, недоверие и неприятие их личностей и творчества.

Из-за массовой миграции в Америку в городах формировались различные гетто. Как отмечают исследователи урбанисты, *“There is one important difference between the ghettos of the Old World and the those of the New. The former are on the whole homogeneous bodies concentrated in a single section of the city, with a common city-wide, if not regional, cultural life. The American ghetto, on the other hand, is, as a rule, split up into various sections, containing various national groups of Jews and reflecting the influences of heterogeneous waves of immigration, as well as of successive generations of the same group”* [1, p. 13]. Мультикультурная жизнь нью-йоркских гетто не радушно принимала новых обитателей. Такая историческая обстановка жизни еврейских мигрантов отражается в творчестве Аврома Кагана, уроженца Вильнюса, который в 22 года мигрировал в США. Американские критики определяют его как выдающегося писателя-натуралиста начала XIX века, который демонстрировал в своих произведениях влияние социально-экономических сил на еврейских мигрантов, давление и конфликты, с которыми они сталкивались на пути к ассимиляции. Таким образом, основная проблематика его произведений связана с попытками еврея-иммигранта вписаться в американское общество и культуру.

В своем первом литературном произведении – рассказе «Предопределенный брак» (“A providential Match”) А. Каган демонстрирует трансформацию социальной позиции еврейского мигранта. Будучи слугой богатого винокура, Ровке переезжает в Америку с целью скрыться от воинской повинности. Начиная с уличного торговца мелкими товарами, он постепенно становится на ноги и задумывается о приобретении собственной лавки. Его восходящая позиция противопоставляется нисходящей судьбе его бывшего хозяина на родине: он

разорен, а его дочь до сих пор не выдана замуж. При помощи свахи Ровке планирует жениться на дочери бывшего винокура, что вызовет уважение к его персоне на новой и старой родине. Но по дороге в Америку дочь винокура влюбляется в другого и отвергает Ровке [2]. В данном рассказе демонстрируется открытость новых возможностей в Новом Свете для всех мигрантов. Несмотря на тяжелый труд, в конечном счете каждый может достигнуть достойного уровня жизни и быть оцененным лучше, чем на родине.

В рассказе «Свадьба в гетто» (“Ghetto Wedding”) два главных персонажа Натан и Голди планируют свадьбу, но из-за тяжелого финансового положения данное торжество постоянно откладывается на неопределенный срок. Будучи мигрантами из России, они пытаются влиться в жизнь Нью-Йорка, но их сбережения не накапливаются, а таят на глазах из-за отсутствия рабочих мест. Натан начинает заниматься унизительной торговлей – разносит китайские товары, а Голди мечтает о достойной и запоминающейся свадьбе. У невесты возникает план организовать шикарную свадьбу и пригласить много гостей, за счет подарков которых торжество окупится. Но тяжелое финансовое положение преследует не только эту пару, немногочисленно пришедшие гости отделяются грошовыми подарками, и торжество терпит крах. На дороге домой у молодоженов нет денег, и они идут пешком через темные кварталы Нью-Йорка, где им вслед выкрикивают задевающие антисемитские ругательства, а одна пьяная компания даже кидает в невесту картошкой [2]. На данном пути Голди осознает, что главное – это не пышность свадьбы, а то, что теперь она связана с любимым человеком. Автор подробно описывает все свадебные традиции и обряды, передавая специфику и самобытность еврейской культуры, подчеркивает социально-экономические трудности, с которыми сталкиваются мигранты.

В рассказе «Обстоятельства» (“Circumstances”) Каган вновь сопоставляет жизни на старой и новой родине, где адвокат Борис не мог найти себе работу из-за своей национальности, тем не менее, несмотря на изматывающий труд в Новом Свете, который рушит его личную жизнь он не хочет возвращаться на родину. Такой же изматывающий труд и унижения описаны в рассказе “Sweatshop Romance” [2].

Позиция автора по поводу ассимиляции евреев в Америке выражена в его следующем изречении: *«На старой родине я всегда кланялся и прогибал спину. Здесь я высоко держу голову, и моя спина всегда выпрямлена. Именно с таким ощущением растут здесь наши дети. Они не знают преследований и чувствуют себя равными с неевреями. Даже теперь, когда антисемитизм проявляется в различных формах, преобладает все же чувство равенства»* [3]. Таким образом, несмотря на все преграды, связанные с непростыми условиями, тяжелой работой, тоске по родине, урбанистическое пространство американского города представляется более благоприятным и менее расистским по отношению к евреям, нежели пространство Российской империи.

Тема города является одной из основных в творчестве известного современного американского режиссера, писателя, продюсера и актера Вуди Аллена, который опубликовал четыре сборника рассказов (“Getting even” (1975), “Side Effects” (1980), “Without Feathers” (1983), “Mere Anarchy” (2007)), положительно

отмеченные критиками. Являясь выходцем из семьи евреев-ашкеназов, он стал воплощением американской мечты, достигнув признания в самых различных сферах искусства.

Главные действующие лица его произведений – современные ассимилированные евреи, а место действия – сегодняшний Нью-Йорк. В данном мегаполисе остались районы и кварталы, которые считаются еврейскими, но это уже не скромные гетто, а красивые улочки с красивыми домами, владельцы которых имеют приличную работу и заработок и являются средними американцами. Практически полностью американизированная нация проявляет свою самобытность только в своих именах, использовании жаргонизмов и в остаточных проявлениях традиций.

Так, в рассказе «Смерть открывает карты» (Death Knocks) к типичному среднему американцу еврейского происхождения Нату приходит смерть, а он занят чтением журнала «Групповая оргия с участием девушек, изучающих «Новую Американскую Библию»». Он не измотан тяжелым трудом и обладает успешным бизнесом, а удача настолько сопутствует ему, что даже смерть проигрывает ему в азартной игре, и он выигрывает еще сутки [4]. Нат – типичный американец, втянутый в быстрый темп городской жизни, за которым он не успевает осознать, как проходит его жизнь.

Противопоставление Старого и Нового Света показано в рассказе «Обделенный судьбой» (“By Destiny Denied”), где арестованный за кражу корочки хлеба Энтсвил роет туннель, чтобы сбежать из тюрьмы, и выбирается в Новый Свет, где его жизнь становится успешной [4].

Но, несмотря на удачное социальное положение, все персонажи-евреи в произведениях В. Аллена показаны через образы чужаковатых маленьких одиноких людей, вписанных в цивилизацию, но не знающих, как правильно применить ее достижения. Его главные персонажи попадают в смешные и нелепые ситуации, так как не могут соответствовать темпу городской жизни, которая полна нелогичностей и абсурда. Герои пытаются сбежать от давления города, одиночества и тоски, но это им не удается, так как эти явления стали частью их личностей. Они сами являются воплощением типичной американской городской жизни. Городское пространство в произведениях автора представляется через психологию данных жителей.

Таким образом, Вуди Аллен воссоздает пространство американского города, которое не враждебно к ассимилировавшимся мигрантам, в нем они не испытывают прежних лишений и унижений, но тем не менее оно давит на них, затягивает в гущу событий, из-за которой они не успевают осознать жизнь, теряют свою этническую самобытность.

В начале века еврейско-американская репрезентация городского пространства тяготела к изображению локализованных этнических поселений гетто, представляющих собой «город внутри города», который выделяется однородным этническим составом, традициями, религией, языком. Современная урбанистическая репрезентация далека от миграционной истории и самобытной культуры, она является в большей степени психологическим изучением феномена современного еврея-американца, совмещающего в себе культуру предков и современной Америки.

В произведениях А. Кагана показано американское пространство, которое нужно завоевывать еврейским мигрантам для достижения достойной жизни, которое покоряется только усердным и правильным людям. Несмотря на все трудности, в данном пространстве мигранты ощущают себя менее дискомфортно, нежели в странах, из которых они уехали. Современные произведения В. Аллена отражают психологическую сторону жизни еврейских мигрантов, которые полностью интегрировались в жизнь современной Америки, как и сам автор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kent, A. A. African, Native, and Jewish American Literature and the Reshaping of Modernism* / A. A. Kent. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 230 p.
2. *Cahan, A. The Imported bridegroom and Other Stories* / A. Cahan – Boston : Houghton, Mifflin and Company, 1898. – 256 p.
3. *Зальцберг, Э. Воспоминания Абрахама Кагана* / Э. Зальцберг // Альманах «Еврейская Старина» [Электронный ресурс]. – 2015. – № 4(87). – Режим доступа : <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer4/Zalcbberg1.php>. – Дата доступа : 21.05.2015.
4. *Allen, W. Side Effects* / W. Allen. – N.Y. : Random house, 1980. – 224 p.

Urban studies is an urgent problem in western science. This topic is especially interesting for American scholars and writers. The purpose of the article is to identify the specificity of functioning of the city image in the literary works of the Jewish-American writers Abraham Cahan and Woody Allen.

Я. Е. Зенькевич

Минск, БГУ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА С. КИНГА

Настоящее исследование посвящено проблеме социокультурной направленности творчества американского писателя С. Кинга. На основе характеристики массовой литературы были установлены отличительные черты творчества данного писателя, проявляющиеся в значительной степени через социокультурную направленность. Вследствие этого были выявлены области жизнедеятельности американского общества, на которые направлена социальная проблематика творчества писателя.

Нельзя отрицать интерес общества к литературе, которая издается миллионными тиражами и уже давно стала неотъемлемой частью жизни, а именно – массовой.

Когда речь идет о массовой литературе, то, как правило, считают, что это – «третьесортное чтение», направленное лишь на коммерческий рынок. «Массовая литература (паралитература, сублитература) – крупнотиражная развлекательная и дидактическая беллетристика XIX–XX вв.; она является составной частью “индустрии культуры”» [1].

Исходя из значения определения «массовый», можно установить, что речь идет о чем-то серийном, направленном на широкое потребление, поэтому если

вести речь о литературе, то важную роль здесь будут играть средства массовой информации. По мнению советского ученого и литературоведа Ю. М. Лотмана, понятие массовой литературы касается «не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру», а также «понятие это в первую очередь определяет отношение того или иного коллектива к определенной группе текстов» [2]. В связи с этим «массовая» культура, популярная и тривиальная, предполагает в первую очередь максимально широкий отклик аудитории, и если говорить об ее отличии от литературы серьезной, то она основывается на показателях количества, а не качества.

Главная классификационная единица массовой литературы – жанрово-тематические каноны, являющие собой формально-содержательные модели прозаических произведений:

- определенная сюжетная схема;
- редкое различие тематики;
- стандартные главные герои;
- наличие клишированных элементов художественной формы (стандартные идеи, эмоции героев, общее настроение, идеологические стереотипы и заимствованные из высокой литературы художественные приемы);
- канонические приемы.

Использование канонических приемов лежит в основе всех жанрово-тематических разновидностей массовой литературы, включающих различные виды жанра романа – детектив или шпионский роман, фэнтези, триллеры, романы ужасов или любовные романы.

Несмотря на то, что американский писатель С. Кинг (Stephen King, 1947) сам позиционирует себя прежде всего как писателя массового и жанрового, при анализе большинства его значимых произведений можно сделать вывод, что он является в наиболее точном смысле этого слова посредником между литературой серьезной и массовой.

Исходя из предложенной российским литературоведом Н. Г. Мельниковым классификационной единицы массовой литературы [3] сложно сказать, что творчество С. Кинга соответствует ей. Главными соответствиями являются внушительная производительность, популярность среди всех слоев общества и объем продаж. Произведениям писателя присуща идейная концептуальность; иногда он демонстративно релятивен – и в плане идей, и в художественном отношении. Российский литературный критик, специалист по американской литературе XX века А. М. Зверев отмечает, что «та же “Мертвая зона” может быть прочитана и как захватывающий детектив, и как повествование о тайнах парапсихологии, и как рассказ о стоическом мужестве человека, вернувшегося к полноценной жизни, хотя его положение выглядело безнадежным» [4]. Множественность смысловых кодов, заложенных автором в свой текст, создает иллюзию многозначности. В отличие от большинства произведений массовой литературы (например, произведения Стефани Майер (Stephanie Meyer, 1973), каждая работа С. Кинга исходно включает в себе различные варианты трактовки, рассчитанные на разные уровни восприятия и предпочтения читателей.

Также следует отметить, что С. Кинг очень часто придерживается одного жанра, однако в его реализации он не использует стандартные ситуации и клишированные элементы. Большинство его произведений повествуют о событиях и явлениях, находящихся на грани возможного и вымышленного, фантастического, сочетающих с собой жизнь современной американской реальности, так легко узнаваемой через социальный и политический быт. С. Кинг стабильно сохраняет их в рамках действительности различных периодов жизни Америки с 60-х годов по наше время. Для этого применяются разнообразные аллюзии и даже прямые цитаты из различных, книг, газет, политических событий или фильмов. Данное умение передачи ощущения реалистичности происходящего, которое не покидает читателя вплоть до последних страниц произведения, обусловлено способностью грамотно компоновать материал и как раз использовать различные источники информации.

Можно выделить несколько моментов, определяющих творчество С. Кинга:

1. Идея создания многих романов возникает чаще всего в силу особого случая в жизни писателя или непредвиденных обстоятельств, оказавших на него заметное влияние: так, идея создания романа «Кладбище домашних животных» пришла только после того, как любимого кота дочери задавила машина, а созданию романа «Сияние» способствовали переезд в новый дом после смерти матери и отдых в отеле, который стал прототипом знаменитого «Оверлук».

2. Реальный мир и окружение, в котором он сам живет (местоположение, города, люди родного штата) определяют пространственное и, соответственно, человеческое измерение художественного универсума его произведений – наиболее основательно исследователями творчества писателя изучены края родного для него штата Мэн.

3. Тексты изобилуют различными реалиями американской действительности, аллюзиями и отсылками (в том числе к своим произведениям).

Важнейшим отличием С. Кинга от других массовых писателей является социальная проблематика творчества. При его тщательном изучении можно заметить, что в большинстве опубликованных материалов она ограничивается общим взглядом на проблемы провинциального уклада жизни рядового американца, а также то, что социальное измерение обладает художественными приемами и средствами глубокого реалистического изображения мира, примером тому могут послужить романы «11/22/63», «Кэрри», «Сияние», «Зеленая миля», «Оно» и другие.

В творчестве С. Кинга процесс осмысления социокультурных реалий носит неравнозначный по степени художественной ценности и идейно-тематической содержательности характер и распространяется на следующие области жизнедеятельности американского общества [5]:

1) популярная культура и средства массовой информации: примером может послужить роман «Мертвая зона», в котором негативно представлены репортеры и журнал «Инсайд вью», а также создатели альтернативных миров – телевизор («Регуляторы») и мобильный телефон («Мобильник»);

2) внутренняя политика (правительственная и внутриштатная): политика Джона Кеннеди и ситуация в стране 1950–60-х годах в романе «11/22/63»;

3) внешняя политика (вьетнамская война, угроза ядерной войны): напряженная ситуация в стране, боязнь советской власти 1960-х на страницах романа «11/22/63» и воспоминания о вьетнамской войне Уилли Ширмена из сборника повестей «Сердца в Атлантиде»;

4) религия (фанатизм или сектантство): прочность истинной веры и своей внутренней убежденности в торжестве добра Джона Коффи из романа «Зеленая миля» или же пример из романа «Мертвая зона», где на религии зарабатывают деньги путем продажи спекулятивной литературы;

5) провинциально-городской уклад жизни: согласно писательским представлениям, именно в малых городах жизнь бьет ключом, движется людьми, их повседневными заботами и, самое главное, носит сугубо национальный характер.

Таким образом, массовая литература – социокультурное явление, а также налаженная индустрия, сосредоточенная на серийном выпуске стандартизированной развлекательной литературы; она представляет собой литературное явление, связанное со специфической поэтикой: разнообразием популярных жанрово-тематических канонов, основывающихся на стилевых клише, стандартных сюжетных линиях, определенной (чаще одной) тематике и одинаковом количестве героев.

Рассмотрев несколько произведений С. Кинга, заключим следующее: несмотря на то, что С. Кинг имеет статус самого востребованного американского писателя, творчество его находится на грани литературы массовой и серьезной. Этому способствуют в большей степени социальная направленность творчества и умение грамотно преподнести информацию, достоверно передать перипетии жизни обычного американца и критически, с учетом культурных реалий того или иного времени, осмыслить и изобразить действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая литературная энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1978. – Т. 9. – С. 517–519.
2. *Лотман, Ю. М.* О содержании и структуре понятия «художественная литература» / Ю. М. Лотман // Проблемы поэтики истории литературы : сб. ст. – Саранск, 1973. – С. 30.
3. *Мельников, Н. Г.* Массовая литература / Н. Г. Мельников // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк., 1999. – С. 177–190.
4. *Зверев, А. М.* Лики массовой литературы США / А. М. Зверев. – М. : Наука, 1991. – 316 с.
5. *Артамонов, Г. А.* Творчество Стивена Кинга и массовая литература США : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Г. А. Артамонов. – Минск, 2010. – 24 с.

This work is dedicated to the research of socio-cultural orientation of the works of the American author S. King. By defining the specific characteristics of mass literature and analyzing all arising problems and issues of the American society in his works it is possible to state that he can be considered as the author of serious reading.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Е. А. Романовская
Минск, МГЛУ

РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ ТВОРЧЕСКОГО ПИСЬМА В ЖАНРЕ ЭССЕ НА СТАРШЕЙ СТУПЕНИ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Процесс обучения творческому эссе на старших курсах лингвистического профиля непростой и трудоемкий. Жанр творческого эссе предполагает сложную аналитико-синтетическую деятельность при передаче индивидуального, авторского, видения окружающего мира. Кроме того, в силу своей свободной композиции, подчиненной внутренней логике, творческое эссе не имеет жестких рамок и правил написания. Поэтому представляется интересным использование в процессе обучения ряда приемов литературного стиля: образ читателя, трехактная структура, захватывающее вступление, развернутые метафоры и др.

На современном этапе развития высшего образования в Республике Беларусь все больше внимания уделяется активизации творческого мышления студентов. Чтобы соответствовать требованиям социального заказа, необходимо быть квалифицированным специалистом, обладающим высоким творческим потенциалом, способным применять нестандартные подходы в решении поставленных задач, владеющим высоким уровнем иноязычной устной и письменной речи. Обучение написанию творческого сочинения (эссе) на иностранном языке на старших курсах учреждений высшего образования лингвистического профиля предполагает развитие творческого мышления учащихся и совершенствование умений иноязычной письменной речи.

Эссе определяется как краткий письменный текст, в котором обсуждается, описывается или анализируется определенная тема, проблема, вопрос, причем мысли могут выражаться прямо или косвенно, серьезно или с юмором. Эссе может представлять собой личный взгляд на проблему или носить информативный характер. В зависимости от цели и характера изложения материала выделяют различные *типы эссе*. Самыми распространенными из них являются следующие: эссе-описание (descriptive), эссе-определение (definition), эссе-сравнение (compare/contrast), эссе-причина/следствие (cause/effect), эссе-повествование (narrative), эссе-описание процесса (process), эссе-критический обзор (critical), эссе-убеждение (argumentative).

Творческое эссе (creative essay) отличается от большинства типов академического письма, которые преследуют конкретную цель (сообщить, убедить, описать и т.д.). Оно представляет особый жанр не клишированного эссе и является результатом сложной аналитико-синтетической деятельности.

Его цель – заинтересовать читателя, выразить авторское отношение и произвести впечатление. Творческое эссе содержит в себе семантическую и эстетическую информацию, отражающую индивидуально-образное восприятие мира автором. Носителем эстетической информации при этом являются специальные изобразительно-выразительные средства и формальные элементы языка. Как продукт креативной письменной деятельности творческое эссе сочетает в себе *лингвистические* и *творческие* характеристики.

К лингвистическим характеристикам относятся содержательная, композиционно-смысловая корректность, связность, цельность, языковая правильность. В силу своей нестандартности и оригинальности творческое эссе не может быть подчинено каким-либо жестким рамкам. Его структуру в большей степени определяет сам предмет повествования. Свободная композиция подчинена внутренней логике.

Творческие характеристики включают в себя выразительность и оригинальность. Возможно, наиболее важной составляющей творческого эссе является язык. Сочинение должно отличаться образностью, синтаксическим разнообразием, наличием средств художественной выразительности (метафор, символов, сравнений и т.п.). Оригинальность обеспечивается благодаря индивидуальному авторскому стилю.

Успех осуществления креативной письменной деятельности зависит от уровня сформированности у студентов речевых навыков и умений и от уровня развития их творческих способностей. Программой по практике языка на пятом курсе переводческого факультета предусмотрено совершенствование навыков письменной речи различных жанров. Однако количество часов не рассчитано на глубокое и детальное изучение данного аспекта, так как ожидается, что данные навыки и умения к пятому курсу уже должны быть сформированы. Вопрос особенно актуален, учитывая, что студенты пятого курса пишут экзаменационное сочинение в жанре творческого эссе.

В этом отношении представляется интересным использование в обучении творческому эссе следующих *приемов литературного стиля*.

1. Необходимо, чтобы студенты ясно представляли себе **образ читателя**. В случае экзаменационного сочинения это проверяющий преподаватель, который, возможно, к моменту прочтения конкретной работы будет испытывать усталость, он может быть ограничен во времени и, несмотря на это, должен будет оценить работу. В связи с этим необходимо, чтобы сочинение было написано строго по теме, ясным и понятным языком, с элементами неожиданности и оригинальности.

2. Сочинение должно иметь **трехактную структуру**, по аналогии с классическим киносценарием или драматургическим произведением. Однако границы между актами не такие четкие, как в пьесе. Переход от одной части к другой плавный, почти незаметный. Структура классического сценария литературного произведения выглядит примерно следующим образом:

Акт 1. Экспозиция, завязка: обозначение сторон, зарождение конфликта.

Акт 2. Развитие конфликта, доведение его до катастрофы.

Акт 3. Кульминация, развязка.

Аналогия, которую можно провести между классическим сценарием и творческим эссе, представлена в табл.

Т а б л и ц а

Соотношение сценария литературного произведения
и творческого эссе

Классический сценарий	Творческое эссе
Главный герой произведения	Главная мысль сочинения
Завязка и развязка	Вступление и заключение
Развитие конфликта	Развитие основной мысли

Следование данной структуре позволяет постоянно придерживаться основной темы сочинения и последовательно развивать главную идею.

3. Сочинение должно иметь **захватывающее вступление**, заинтересовать читателя с первых строк. Одним из способов достижения данного эффекта является прием ретроспекции, когда хронологическое повествование прерывается серией кадров, относящихся к более ранним событиям.

4. Творческому эссе следует включать в себя **развернутые метафоры** (метафорический образ распространяется на несколько фраз или на все произведение в целом). Вместо того чтобы пытаться напрямую объяснить какое-либо сложное понятие, раскрыть значение может быть проще через аналогию с более понятным и доступным читателю образом.

5. В сочинении должны присутствовать **интересные детали** касательно экспозиции, которые «оживляют» повествование.

6. После того как готов черновик, сочинение необходимо перечитать и **отредактировать**, затем прочесть еще раз и проверить на наличие ошибок.

Процесс обучения написанию творческих эссе на старшей ступени языкового вуза достаточно сложный и энергозатратный, как со стороны преподавателя, так и студента. Применение литературных приемов в процессе написания сочинения может способствовать решению одновременно нескольких задач: развитию необходимых умений письменной речи у студентов и стимулированию их творческой активности.

Teaching students to write a creative essay involves development not only of their writing skills but, first and foremost, of their creative thinking. There are certain techniques to be borrowed from creative writing that will make students' essays more interesting and original.

Н. В. Барашко

Минск, ГУО «Средняя школа № 215 г. Минска»

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ ПЕРЕВОДУ НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В данной работе анализируется перевод английских стихотворений на русский язык. В современной жизни встречается много англоязычных названий, произведений (песен, фильмов) на английском языке и их переводов. Всегда ли перевод точно соответствует оригиналу? Часто возникает вопрос: как перевести произведение, чтобы сохранился первоначальный смысл, интересные словообороты, целостность оригинального текста, и оно стало достоянием другой языковой культуры. В работе рассматриваются лимерики и другие английские детские стихи, а также переводы английских детских стихов русского поэта С. Я. Маршака. Считается что, стихотворные переводы С. Я. Маршака отличаются от оригинальных текстов.

Однажды учащимся 7 класса в учебнике английского языка встретилось стихотворение под названием «Humpty-Dumpty», в переводе С. Я. Маршака – «Шалтай-Болтай». В словаре дается следующий перевод названия на русский – «толстячок-коротышка». Ученики заинтересовались, сохранился ли в связи с этим смысл стихотворения при переводе.

Многие из нас с детства знают героев знаменитых английских песен и стихов — Шалтая-Болтая, Робина-Бобина, Котятток, потерявших перчатки, Джека, который построил дом и других персонажей британской культуры. Но не все понимают, что эти стихи взяты из одной книги, которая называется «Рифмы Матушки Гусыни», или «Стихи Матушки Гусыни» («Mother Goose Rhymes»). Это знаменитая и читаемая книга в англоговорящих странах.

Одной из форм английского комического стиха является лимерик, использовавшийся первоначально в песенном творчестве. Хотя происхождение его точно не известно, считается, что название «лимерик» произошло от рефрена песен, исполняемых ирландскими солдатами-ополченцами, каждый куплет в которых завершался повтором — *Will you come up to Limerick?* (или *Won't you come up to Limerick?*) («Вернешься ли ты в Лимерик?»). Английское слово «лимерик» произносится с ударением на первый слог – так же, как название города в Ирландии, давшее название этой поэтической форме. Очевидную популярность лимерик как стихотворная форма приобрел после 1846 г. Тогда вышел в свет первый том стихотворений Эдварда Лира «A Book of Nonsense», стихотворений, написанных для детей в форме лимерика и, как потом оказалось, многих взрослых. В Великобритании даже проводились конкурсы на лучший лимерик.

Писатель С. Я. Маршак – известный русский переводчик детских стихов, которые называются «лимерики». Это небольшие стишки, состоящие из 5 строк и рассказывающие о каком-нибудь чуде.

Почти все лимерики начинаются со слов: «Однажды жил-был .....» Лимерики всегда состоят ровно из пяти строк. Первая строка представляет героя или героиню и заканчивается названием города или местечка, откуда тот, та родом.

Следующие строки рассказывают о каком-нибудь их странном поступке. А последняя строчка повествует о реакции окружающих на этот поступок.

1, 2 и 5 строки имеют от 7 до 10 слогов и рифмуются между собой.

3 и 4 строки имеют от 5 до 7 слогов и тоже рифмуются между собой.

Лимерики рифмуются таким образом: А-А-В-В-А.

Лимерики привлекали многих поэтов, переводчиков и любителей поэзии. Часто существует несколько переводов одного и того же лимерика.

В зависимости от того вида информации, который переводчик желает с максимальной точностью воспроизвести, возможны три принципиально разных метода перевода одного и того же поэтического подлинника:

1. *Собственно-поэтический перевод* – переводчик должен создать новый поэтический текст, равный оригиналу по его смысловой и эстетической информации, но использующий по необходимости совсем иные языковые, а порой и стиховые формы.

2. *Стихотворный перевод* – метод перевода поэзии, при котором информация оригинала передается на языке перевода не поэтической, а лишь стихотворной речью. Этот вид перевода очень близок к оригиналу в отношении слов и стилистики.

3. *Филологический перевод* поэтического текста выполняется прозой и нацелен на максимально полную (почти дословную) передачу информации подлинника.

Каждый из перечисленных видов перевода как бы высвечивает оригинал под определенным ракурсом и дает о нем определенное представление.

Поэту нельзя оставаться бесстрастным читателем текста подлинника, считал С. Я. Маршак, первый обязан задействовать и собственные эмоции, опираться на свой опыт. «Секрет» поэтических переводов Маршака, словно обретающих новую жизнь на другом языке, объясняется тем, что из сокровищницы мировой поэзии Маршак брал то, что ему самому близко и дорого как художнику, что непосредственно перекликалось с его собственными стихотворениями. Работа С. Я. Маршака над переводами детских стихов была очень разнообразна. В одних случаях – это перевод обычного типа, в других случаях – Маршак изменяет отдельные части стихотворения, заменяет другими отдельные образы.

Учащиеся 7 классов под руководством автора выполнили филологический перевод лимериков С. Я. Маршака, а также сделали собственный поэтический перевод лимериков. Приведем несколько лучших примеров.

Оригинальный текст	Перевод С. Я. Маршака
<p>Humpty dumpty sat on a wall, Humpty Dumpty had a great fall. All the king's horses, And all the king's men, Couldn't put Humpty together again.</p>	<p>Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне. Вся королевская конница, Вся королевская рать Не может Шалтая, Не может Болтая, Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать.</p>
Собственный филологический перевод	Собственно-поэтический перевод
<p>Низенький человечек сидел на стене, Низенький человечек великолепно упал. Все королевские кони И все королевские мужчины Не могут поставить коротышку назад.</p>	<p>Коротышка-култышка на стене восседал, Но вскоре уснул, головой вниз упал. И в землю воткнулся, лишь ноги торчат, Не выдернет весь королевский отряд.</p>

Переводы английской детской поэзии стали неотъемлемой частью переводческой деятельности Маршака и считаются достоянием классической детской литературы. Нами было установлено, что всякий поэтический текст необходимо рассматривать в трех аспектах: смысловом, стилистическом и прагматическом. Эти три стороны подлинника подлежат воспроизведению при переводе, но не должны передаваться со стопроцентной точностью. В зависимости от вида информации возможны три метода перевода: собственно-поэтический перевод, стихотворный перевод и филологический перевод.

This article considers methods of translating English poems into the Russian language. It is stated that in the process of translation three aspects of the poetic text should be taken into account: semantic, stylistic and pragmatic.

О. В. Морозова, А. В. Титова
Минск, МГЛУ

ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Рассматривается использование облачных технологий в организации самостоятельной работы студентов.

Данный вид работы является одним из важнейших этапов профессиональной подготовки будущего специалиста, для организации которого в последнее время все более активно используются облачные технологии (удаленное использование средств обработки и хранения данных). Одной из наиболее распространенных форм данного сервиса можно назвать ресурсы облачного хранения, при помощи которых можно создавать банки заданий как для индивидуальной, так и коллективной самостоятельной работы студентов. Технические параметры такого облачного ресурса позволяют четко структурировать материал для самостоятельного изучения и проработки, а значит и повысить эффективность самостоятельной работы студентов.

Идея непрерывного образования, без которой немыслима подготовка специалистов и профессиональный рост, подразумевает постоянное совершенствование знаний. В настоящее время под эффективным обучением понимается не столько работа педагога по преподаванию учебной дисциплины, сколько формирование у студента знаний, умений и навыков, позволяющих ему рационально организовывать, успешно осуществлять и контролировать самостоятельное изучение наук как в период обучения в учебном заведении, так и по его завершении: репродуктивная парадигма освоения новых знаний давно уже уступила место активной парадигме. Главный акцент делается не на преподавание, а на учение как самостоятельную деятельность студентов. В условиях реформирования системы высшего образования меньше времени отводится на аудиторную работу, сокращается объем «пассивных» лекций с увеличением нагрузки на самостоятельную работу студентов [1].

В целом, самостоятельная работа студентов под управлением преподавателя является педагогическим обеспечением развития целевой готовности к профессиональному самообразованию и представляет собой дидактическое средство образовательного процесса, искусственную педагогическую конструкцию организации и управления деятельностью обучающихся [2].

Самостоятельная работа развивает также такую черту характера, как самостоятельность, играющую существенную роль в структуре личности современного специалиста высшей квалификации. К тому же выполнение студентами различных видов самостоятельных работ способствует не только накоплению знаний, но и формированию профессионального мышления; студенты разбирают не только искусственные ситуации, но и реальные практические задачи; учатся не только у преподавателя, но и друг у друга [3].

Обучать, помогать учиться, формировать потребность в постоянном самообразовании – тезис, не представляющий собой ничего существенно нового в методике преподавания различных учебных дисциплин.

Отличие заключается в том, что в современных условиях организация самостоятельной работы студентов должна быть принципиально иной, учитывающей все особенности информационного общества. Все активнее в образовательный процесс внедряются новые и совершенствуются традиционные педагогические технологии, расширяется единое информационно-

образовательное пространство. Источники получения знаний уже не ограничиваются физически осязаемыми учебными пособиями, все активнее в учебном процессе – виртуальные библиотеки, консультационные службы, электронные учебные пособия, банки заданий и т.д. [1].

Самостоятельная работа обучающихся осуществляется в сроки, определяемые календарно-тематическим планом и расписанием занятий. В период самостоятельной работы студент может консультироваться с преподавателем с помощью электронной почты и других возможных средств связи [3].

Совместная деятельность студента и преподавателя выстраивается по следующей схеме: студент получает непосредственные указания и рекомендации преподавателя по организации самостоятельной работы, а преподаватель выполняет функцию управления через учет, контроль и коррекцию ошибочных действий.

На современном этапе благодаря активному развитию ИКТ продуктивность самостоятельной работы студентов можно повысить посредством использования облачных технологий, сервиса, который подразумевает удаленное использование средств обработки и хранения данных. С помощью облачных сервисов можно получить доступ к информационным ресурсам любого уровня и любой мощности, с разделением прав различных групп пользователей по отношению к ресурсам, используя только подключение к Интернету и веб-браузер [4].

Облачные технологии в организации самостоятельной работы студентов находят применение в создании единого редактируемого банка заданий, в составлении которого принимают участие как преподаватели, так и сами студенты (разработка заданий – один из видов самостоятельной работы студентов). Наличие постоянного доступа ко всем заданиям, материалам, учебным пособиям, банку ссылок и др. способствует последовательности и непрерывности самостоятельной работы, учит студентов распределять время и рассчитывать усилия.

Одним из наиболее удобных форматов для самостоятельной работы по дисциплинам устного и письменного перевода является сервис Google Disc. При помощи этого ресурса можно создать комплекс для организации самостоятельной работы по разным дисциплинам, содержащий все необходимые материалы: графики самостоятельной работы, учебные пособия, практические задания и т.д. Структура комплекса может быть выстроена в соответствии с календарно-тематическим графиком прохождения дисциплин в виде папок с соответствующими документами. Например, такая папка может содержать теоретические материалы, видеолекции, глоссарии, аудио- и видеофайлы для устного перевода (или ссылки на соответствующие материалы онлайн) и тексты для письменного перевода по определенной теме или на определенный календарный период. Отдельная папка может быть создана для загрузки выполненных студентами заданий.

Приведем пример того, как может выглядеть такая папка с заданиями. В рамках прохождения дисциплины «Устный перевод» задания для самостоятельной работы могут быть рассортированы по папкам, озаглавленным по названиям месяцев. Например, в сентябре в рамках самостоятельной работы студентам нужно освоить основы переводческой скорописи. Следовательно, в папке «Сентябрь» будут находиться учебные пособия, где можно прочитать соответствующую теоретическую информацию, видеолекция по основам скорописи, перечень контрольных вопросов по теоретическому материалу и несколько заданий для отработки навыка ведения скорописи (одно задание на неделю). Практические задания могут быть представлены и в виде текста, который нужно переписать скорописью и устно перевести, а также в виде аудиофайлов (или ссылок на них).

Помимо индивидуальных заданий самостоятельная работа может быть организована в виде коллективной работы над проектом, участие в котором, благодаря облачным технологиям, может проводиться удаленно без потери эффективности, т.к. виртуальная медиатека позволяет каждому участнику проекта в удобное время и наиболее располагающей к работе обстановке выполнить свою часть задания, ознакомиться с результатами работы других участников, получить консультацию преподавателя и скорректировать свои действия, если это необходимо.

Так, например, в рамках самостоятельной работы по письменному переводу можно выполнять коллективный перевод текстов, статей и вести блог, читать и редактировать который смогут все участники проекта. В комментариях к блогу можно будет обсуждать ошибки, предлагать свои варианты и корректировать текст перевода.

Современные условия предъявляют новые требования к личностному и профессиональному росту специалиста, к способности непрерывно пополнять и углублять знания, к умению правильно организовывать рабочее время и распределять усилия. Самостоятельная работа как нельзя лучше способствует формированию таких навыков в рамках учебного процесса и должна соответствовать условиям, в которых осуществляется подготовка специалиста. Облачные технологии представляются наиболее удобным и наименее затратным способом организации качественной и полноценной самостоятельной работы студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евдокимова, Е. Л.* Самостоятельная работа студентов в вузе: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / Е. Л. Евдокимова. – Режим доступа : <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/5583/1.pdf>. – Дата доступа : 04.04.2016.
2. Управление самостоятельной работой студентов [Электронный ресурс] / Центр проблем развития образования БГУ. – Режим доступа : <http://charko.narod.ru/tekst/an4/3.html>. – Дата доступа : 04.04.2016.

3. *Скринаус, С. С.* Контролируемая самостоятельная работа студентов – современная форма обучения в высших учебных заведениях [Электронный ресурс] / С. С. Скринаус. – Режим доступа : <http://vsmu.by/science/98-materialy-konferentsij/materialy-internet-konferentsii-2015-g/2217-kontroliruemaya-samostoyatel'naya-rabota-studentov-sovremennaya-forma-obucheniya-v-vysshih-uchebnykh-zavedeniyakh.html>. – Дата доступа : 04.04.2016.
4. *Артюхин, О. И.* Облачные технологии как средство организации самостоятельной деятельности студентов направления «Педагогическое образование» / О. И. Артюхин. – Режим доступа : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21261>. – Дата доступа : 04.04.2016.

Individual learning is an integral part of professional training of a future specialist. The modern state of art allows making it more efficient owing to cloud technology that help to create resource packs, databanks and media libraries for students' individual and project activities.

И. Г. Осмоловская
Минск, МГЛУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РИФМОВОК ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКЕ ВЗРОСЛОЙ АУДИТОРИИ

В докладе речь идет о способах работы над немецкой грамматикой, в частности, о применении рифмовок и ритма при подаче материала, что способствует более легкому запоминанию исключений и особых случаев, быстрейшему овладению иностранным языком. Периодическое повторение таких рифмовок или ритмично расположенных слов обеспечивает устойчивое усвоение учебного материала.

Следует отметить, что в последнее десятилетие взрослая аудитория все с большим интересом и мотивированностью изучает иностранные языки. Причины этому могут быть разными, начиная от хобби и желания знать ограниченное количество обиходных выражений до серьезного намерения овладеть иностранным языком на хорошем уровне как гарант успешного карьерного роста. Однако изучение языка требует нелегкой систематической работы.

Наиболее сложным в овладении немецким языком является изучение грамматики. Система падежных артиклей немецких существительных, изменение падежных окончаний прилагательных в зависимости от сопроводительного слова, система грамматических времен глаголов и другие грамматические явления отличаются от родного языка, а иногда и не имеют аналогов в нем. Исходя из коммуникативного метода, грамматику иногда считают неинтересной, скучной. Стоит ли уделять ей столь пристальное внимание? Ведь общаться на языке можно и не владея грамматикой, т.е. с ошибками. Главное – донести коммуникативную интенцию. Но, с другой стороны, звучащая неверно речь, например, дипломата оставит весьма

неблагоприятное впечатление. Поэтому грамматику учить необходимо! Чтобы сделать этот процесс более занимательным и эффективным, можно использовать различные материалы и упражнения. Например, рифмовки. Рифмовки обладают такими признаками, как ритмичность, звуковая повторяемость. Благодаря рифме легко активизируются в устной речи лексико-грамматические структуры. Рифмовки бывают *фонетическими*, *тематическими* и *грамматическими*. Фонетические рифмовки предназначены для отработки правильного произношения определенных звуков. Тематические рифмовки определяют своей целью расширение и закрепление словарного запаса, так как каждая из них включает некоторое количество лексических единиц. Грамматические рифмовки являются очень хорошим подспорьем в процессе обучения, так как помогают пусть и в стихотворной форме запомнить различные грамматические особенности немецкого языка.

При работе с рифмовками решаются важные методические задачи:

1. Перевод и толкование грамматических явлений в рифмовке обеспечивают закрепление и обобщение изученного на предыдущем этапе материала – достаточно лишь напомнить учащимся связанную с ним рифмовку.

2. Самостоятельный вывод правила на основе полученной информации.

3. Ввод нового лексического материала. Предъявленный в рифмованной форме он запоминается быстрее.

4. При постоянном применении рифмовок для проведения фонетической зарядки в начале урока преподаватель имеет возможность повторить ранее изученный языковой материал, представляющий трудность для учащихся [1].

Слушатели легко усваивают эти рифмовки и с удовольствием вспоминают их каждый раз, когда нужна подсказка. Особенно эффективным считается многократное прослушивание и воспроизведение рифмовок с заданным ритмом или под ритмичную музыку с отбиванием ритма.

Так, изучая тему «Степени сравнения прилагательных», для скорейшего запоминания односложных прилагательных-исключений, которые образуют степени без умляута, их можно расположить в следующей последовательности:

<i>froh</i> 'радостный'	<i>bunt</i> 'пестрый'	<i>rasch</i> 'быстрый'	<i>satt</i> 'сытый'
<i>roh</i> 'сырой'	<i>blond</i> 'белокурый'	<i>falsch</i> 'неверный'	<i>zart</i> 'нежный'
<i>rot</i> 'красный'			

<i>klar</i> 'ясный'	<i>schwarz</i> 'черный'	<i>brav</i> 'бравый'	<i>schlank</i> 'стройный'
<i>wahr</i> 'правдивый'	<i>stolz</i> 'гордый'	<i>voll</i> 'полный'	<i>rund</i> 'круглый'

Последние четыре прилагательные между собой не рифмуются, но их расположение подчинено ритму всего «стихотворения», что позволяет их легко запомнить.

Подобным образом при изучении темы «Склонение прилагательных» можно вводить и слова с семантикой неточного количества, которые вызывают сильный тип склонения.

<i>vielen</i> 'многие'	<i>einige</i> 'некоторые'	<i>manche</i> 'некоторые'	<i>verschiedene</i> 'различные'	<i>Zahlreiche</i> 'многочисленные'
<i>wenige</i> 'немногие'	<i>etliche</i> 'несколько'	<i>mehrere</i> 'несколько'	<i>folgende</i> 'следующие'	<i>Zahllose</i> 'бесчисленные'
			<i>andere</i> 'другие'	

Посредством рифмовок/ритмовок легко вводятся все предлоги, требующие определенного падежа. Так, для предлогов с дательным падежом можно предложить следующую последовательность:

<i>mit</i> 'с'	<i>aus</i> 'из'	<i>von</i> 'от'	<i>außer</i> 'кроме'	<i>gegenüber</i> 'напротив'
<i>nach</i> 'после'	<i>zu</i> 'к'	<i>bei</i> 'при'	<i>seit</i> 'с' (временное значение)	<i>entgegen</i> 'навстречу'

Предлоги с винительным падежом:

<i>durch</i> 'через'	<i>ohne</i> 'без'	<i>gegen</i> 'против'	<i>entlang</i> 'вдоль'
<i>für</i> 'для', 'за'	<i>um</i> 'вокруг'	<i>bis</i> 'до'	<i>wider</i> 'против'

Предлоги с родительным падежом:

<i>während</i> 'во время'	<i>statt/anstatt</i> 'вместо'	<i>trotz</i> 'несмотря на'	<i>ungeachtet</i> 'не принимая во внимание'
<i>wegen</i> 'из-за'	<i>unweit</i> 'не далеко от'	<i>infolge</i> 'вследствие'	<i>angesichts</i> 'ввиду'

<i>innerhalb</i> 'внутри'	<i>mangels</i> 'по причине нехватки'	<i>anlässlich</i> 'по поводу'	<i>bezüglich</i> 'касательно'
<i>außerhalb</i> 'за пределами'	<i>auf Kosten</i> 'за счет'	<i>beiderseits</i> 'с обеих сторон от'	<i>betreffs</i> 'касательно'

<i>hinsichtlich</i> 'касательно'	<i>gemäß</i> 'в соответствии с'	<i>auf Grund</i> 'на основе'	<i>zu Gunsten</i> 'в пользу'
<i>laut</i> 'согласно'	<i>anhand</i> 'на основе'	<i>in puncto</i> 'касательно'	<i>zwecks</i> 'с целью'

Подобный прием применяется и при заучивании исключений-существительных. Так, для слов переходной группы можно предложить следующую последовательность:

<i>der Name</i> 'имя'	<i>der Buchstabe</i> 'буква'	<i>der Funke</i> 'искра'	<i>der Fels</i> 'скала'	<i>der Galube</i> 'вера'
<i>der Same</i> 'семя'	<i>der Gedanke</i> 'мысль'	<i>der Friede</i> 'мир'	<i>der Schade</i> 'ущерб'	<i>der Wille</i> 'воля'

Ритмизованное и рифмованное представление материала подходит для любого этапа обучения. Учащийся любого возраста обязательно подберет себе что-то свое, что без проблем останется в его памяти надолго.

От умения преподавателя правильно организовать урок и грамотно выбрать ту или иную форму проведения занятия зависит во многом эффективность учебного процесса. Использование рифмовок/ритмовок на уроке – один из важных резервов в повышении мотивации у учащихся, активизации их памяти. Также интересно то, что приемы работы с ритмизованным материалом очень легко сочетаются с другими приемами и делают занятие интересным, легким и запоминающимся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Использование стихотворений и рифмовок для усвоения языкового материала / кол. авт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=466559>. – Дата доступа : 17.05.2016.

This article tells about the ways of working on German grammar, in particular, about the use of rhymes and rhythm when delivering material, which helps memorize exclusions and particular cases easier, and contributes to faster learning process. Periodical repetition of such rhymes and rhythmically placed words provides steady mastering of teaching material.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Артемова О. А.</i> Первичные и вторичные прагматические функции личных местоимений как актуализаторов персонального дейксиса в английском языке ...3	
<i>Глазко П. П.</i> Языковые признаки эссеизации в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе	10
<i>Кузин А. Н.</i> Десять тезисов о феноменологии языкового сознания	18
<i>Ломовая А. В.</i> Валентность деноминативных глаголов: от формы к содержанию	22

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Сысоева Т. А.</i> Апелляция к личному опыту как признак субъективности малоформатного медиатекста	26
<i>Авдей Ю.С.</i> Основные стилистические фигуры в парламентских выступлениях Ангелы Меркель и их передача на русский язык	30
<i>Кабецкая О. В.</i> Суперструктура законодательных актов на английском и русском языках	34
<i>Калюта Е. А.</i> Публичная речь в контексте классической и современной риторики (на материале конференций TED TALK)	38
<i>Palubinski P. S.</i> Peculiarities of Puns in American and British Advertisements ...	41
<i>Хомич В. В.</i> Ассоциативно-смысловые поля ключевых слов в структуре текста	43
<i>Юрьев Е. Й.</i> Особенности проспективного метатекста в правительственных постановлениях: контрастивный аспект	46

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

<i>Бекреева Ю. В.</i> Модели семного представления субъекта в структуре значения английских динамических глаголов	51
<i>Богатова Д. Д.</i> Особенности формирования терминосистемы предметной области «Политика» и ее транскодирование	55
<i>Волковинская Н. А.</i> Выделение тематической группы «Bakery Items» в английском языке и ее место в гастрономической картине мира	59
<i>Гончарова И. В.</i> К вопросу о трудностях раскрытия семантики незнакомого слова в тексте	62
<i>Графутко О. О.</i> Языковая реализация частнооценочных значений в современном художественном дискурсе	65
<i>Красник А. В.</i> Психолингвистические особенности изучения языкового сознания носителя языка	69
<i>Лепеш И. Д.</i> Факторы, способствующие пониманию незнакомого слова в англоязычном тексте	73
<i>Салими Абдолмалеки Косар.</i> Прагматические свойства русских фразем с обозначениями времени	76
<i>Соляник Е. Л.</i> Языковой образ женщины в песнях военных лет	81

<i>Терещенко В. А.</i> Парцелляция как средство усиления выразительности в современном автомобильном слогане.....	82
<i>Филиппева В. И.</i> Тема «Город» в современном художественном дискурсе (на материале английского и белорусского языков)	85
<i>Чалагаева В. В.</i> Универсальные тональности англо- и русскоязычной газетной хроники.....	87
<i>Щепачёва Т. Ю.</i> Лингвокоммуникативные особенности реализации речевой агрессии в кинодискурсе на английском и русском языках.....	92

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

<i>Барановский Р. С.</i> Особенности синтаксической и семантической структуры предложений с сигнификативными глаголами в английском языке	96
<i>Войтищенюк Е. В.</i> Синтаксические средства реализации стратегии запроса информации в жанре интерактивной телебеседы в медийном дискурсе (на материале англоязычных телепрограмм).....	99
<i>Гергиев О. А.</i> Прагматический потенциал местоимений в публичной речи на английском и белорусском языках	104
<i>Качалова Л. Е.</i> Грамматические средства воздействия в ситуации «учитель → ученик» в художественном дискурсе.....	107
<i>Ключенович Т. П.</i> Структурно-семантические и прагматические характеристики тематического способа передачи чужого высказывания....	114
<i>Мерчи А. П.</i> Факторы, определяющие пропорции прямой и свернутой речи персонажей в языковой ткани произведения (на материале рассказов русских и американских писателей)	117
<i>Середа В. В.</i> Интенсификация высказывания в политическом дискурсе	122

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

<i>Anisimovich A. K.</i> Collective Memory: Alternative Ways of Remembering in Bulgaria	124
<i>Барановская Т. В.</i> Коммуникативные особенности публичных выступлений	126
<i>Batishcheva N. V.</i> Moral Standards and Speech Etiquette in Modern Print Media Discourse.....	129
<i>Жданова Н. Ю.</i> Неожиданная развязка как способ создания комического эффекта	133
<i>Солянка Ю. И.</i> Языковые способы реализации имиджа учреждения высшего образования	137

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

<i>Voskobovich K. A.</i> The German Factor in the Emergence of American English	141
<i>Габрусенок М. С.</i> Жанрово-стилистические особенности мультипликационного сценария в ракурсе его перевода на иностранный язык	144
<i>Kaplunou P. Y.</i> Bilateral Sociolinguistic Correlations between the Indigenous Maori and the European Newcomers.....	146

<i>Корень Ю. О.</i> Мыслительные операции в решении переводческой задачи	150
<i>Савина Н. В.</i> Влияние языка и культуры аборигенов на австралийский вариант английского языка	157
<i>Хименкова Д. В.</i> Просодико-синтаксический аспект перевода текстового сценария документального фильма с английского языка на русский.....	161
<i>Шпаковская Е. А.</i> Применение технологии распознавания речи в письменном переводе.....	163

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

<i>Березюк Д. В.</i> Текст отзыва как результат отражения репутации рекламного агентства	166
<i>Маракулина П. А.</i> Автоматическая экспертиза англоязычного художественного текста с выражением конфликтной ситуации	170
<i>Молоткова А. В.</i> Лингвистическая специфика текста новостного сообщения о дорожном происшествии	174
<i>Скрябина А. В.</i> Поисковый образ англоязычных новостных текстов	179
<i>Третьяк А. О.</i> Автоматическое объединение франкоязычных новостных сообщений в единый сюжет	180
<i>Холод А. Л.</i> Флейм как деструктивная стратегия виртуального общения	185
<i>Шумская М. А.</i> Функционирование и пути совершенствования англоязычной вопросно-ответной поисковой системы	190

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

<i>Арпентьева М. Р.</i> Условно-дословный перевод: «желтые ленточки» чуждости и близости	195
<i>Атрашкевич А. Ю.</i> Сатирический эффект в романе Дж. Хеллера «Уловка-22».....	200
<i>Божкова В. И.</i> Преломление традиций магического реализма в творчестве Д. Алмонда	203
<i>Древницкая А. В.</i> Черты готической прозы в романе Э. Бронте «Грозовой перевал».....	206
<i>Ершова Е. В.</i> Трансформация городского пространства в еврейско-американской литературе XX века	210
<i>Зенькевич Я. Е.</i> Социокультурная направленность творчества С. Кинга	213

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

<i>Романовская Е. А.</i> Развитие умений творческого письма в жанре эссе на старшей ступени учреждений высшего образования лингвистического профиля.....	217
<i>Барашко Н. В.</i> Методика обучения одаренных учащихся переводу на русский язык английской поэзии	220
<i>Морозова О. В., Титова А. В.</i> Облачные технологии в организации самостоятельной работы студентов	222
<i>Осмоловская И. Г.</i> Использование рифмовок при обучении немецкой грамматике взрослой аудитории	226

CONTENTS

PLENARY SESSION

<i>Artsiomava V. A.</i> Primary and Secondary Pragmatic Functions of Personal Pronouns as Person Deixis Actualizers in the English Language	3
<i>Glazko P. P.</i> Linguistic Characteristics of Essay Influence in English and Belarusian Media Discourse	10
<i>Kuzin A. N.</i> Ten Theses on the Phenomenology of Language-Shaped Mind.....	18
<i>Lomovaya A. V.</i> Valency of Denominal Verbs: A Form-to-Meaning Approach	22

LINGUISTICS OF TEXT AND DISCOURSE

<i>Sysoyeva T. A.</i> Appeal to Personal Experience as a Manifestation of Subjectivity in Small-Sized Media Texts	26
<i>Avdej J. S.</i> Basic Stylistic Figures in Parliamentary Speech of Angela Merkel and their Translation into Russian.....	30
<i>Kabetskaya O. V.</i> The Superstructure of Legislative Acts in the English and Russian Languages	34
<i>Kalyuta E. A.</i> Public Speaking in the Context of Classical and Modern Rhetoric (Based on TED TALK Conferences)	38
<i>Palubinski P. S.</i> Peculiarities of Puns in American and British Advertisements	41
<i>Khomich V. V.</i> Associative Semantic Fields of Key Words in Text Structure.....	43
<i>Yuriev Y. Y.</i> The Features of Prospective Metatext in Executive Orders: Contrastive Aspect	46

A WORD IN THE LEXICAL SYSTEM AND DISCOURSE

<i>Bekreyeva Y. V.</i> Models of Seme Representation of a Subject in the Structure of Meaning of English Dynamic Verbs	52
<i>Bogatova D. D.</i> The Peculiarities of Forming and Transcoding the Terminological System Describing Political Subjects	55
<i>Volkovinskaya N. A.</i> Determination of the Thematic Group «Bakery Items» in the English Language and its Place in the Gastronomic Picture of the World....	59
<i>Goncharova I. V.</i> The Question of Difficulties in Identifying the Meaning of Unknown Words in Context.....	62
<i>Grafutko O. O.</i> Linguistic Realization of the Lexis of Specified Evaluation in Modern Fictional Discourse	65
<i>Krasnik A. V.</i> Psycholinguistic Characteristics of Studying the English Linguistic Consciousness	69
<i>Lepesh I. D.</i> The Factors that Promote Understanding of Unfamiliar Words in English Texts.....	73
<i>Kosar Salimi Abdolmaleki.</i> Pragmatic Characteristics of Russian Phrasemes with Words Denoting Time	76
<i>Salianik E. L.</i> Linguistic Portrait of a Woman in Wartime Songs	81

<i>Tereschenko V. A.</i> The Use of Parcelling to Enhance Expressiveness in Modern Automobile Slogan.....	82
<i>Filipyeva V. I.</i> The Theme of “City” in Modern Belle-Lettres Discourse (on the Basis of the English and Belarusian Languages)	85
<i>Chalagaeva V. V.</i> Universal Sentiment Features of Newspaper News-in-brief in the English and Russian Languages.....	87
<i>Shchepacheva T. Y.</i> Language and Communicative Realisation Features of Verbal Aggression in English and Russian Cinematographic Discourse	92

RELATIONS OF LANGUAGE SIGNS IN THE SENTENCE AND DISCOURSE

<i>Baranovskiy R. S.</i> The Peculiarities of the Syntactic and Semantic Structure of Sentences with Significant Verbs in English	96
<i>Vaitsishaniuk E. V.</i> The Syntactic Means of Realization of the Strategy of Information Request in the Genre of Interactive TV-Discussion in Media Discourse (on the Material of English TV-Programmes).....	99
<i>Gergiev O. A.</i> Pragmatic Functions of Pronouns in British and Belarusian Public Speeches.....	104
<i>Kachalava L.</i> Grammatical Means of Speech in the Communicative Situation «Teacher → Pupil» Based on Fiction	107
<i>Klyuchenovich T. P.</i> The Structural-Semantic and Pragmatic Characteristics of the Thematic Way of Rendering Someone’s Words.....	114
<i>Merchi A. P.</i> The Factors Determining the Proportions of the Direct and Compressed Speech of the Characters in Literary Texts (Based on the Material of American and Russian Short Stories)	117
<i>Sereda V. V.</i> Intensification of the Utterance in Political Discourse	122

MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

<i>Anisimovich A. K.</i> Collective Memory: Alternative Ways of Remembering in Bulgaria	124
<i>Baranovskaya T. V.</i> Communicative Characteristics of Public Speeches.....	126
<i>Batishcheva N. V.</i> Moral Standards and Speech Etiquette in Modern Print Media Discourse.....	129
<i>Zhdanova N. Y.</i> The Unexpected Conclusion as a Method of Creating the Comical Effect	133
<i>Solyanka Y. I.</i> Linguistic Means of Creating a Positive Image of a Higher Educational Establishment.....	137

CONTRASTIVE LINGUISTICS AND ISSUES OF TRANSLATION

<i>Voskobovich K. A.</i> The German Factor in the Emergence of American English.....	141
<i>Gabrusyonak M. S.</i> Genre and Stylistic Peculiarities of a Cartoon Script in the Scope of its Translation into a Foreign Language.....	144
<i>Kaplunou P. Y.</i> Bilateral Sociolinguistic Correlations between the Indigenous Maori and the European Newcomers.....	146

<i>Koren J. O.</i> Basic Cogitative Operations in Solving Translation Task.....	150
<i>Savina N. V.</i> The Contribution of Aboriginal Culture and Languages to Australian English.....	157
<i>Himenkova D. V.</i> Prosody-Syntactic Aspects of a Documentary Script English-Russian Translation	161
<i>Shpakouskaya E. A.</i> Voice Recognition Technology Applications in Translation	163

PROBLEMS OF AUTOMATIC TEXT PROCESSING

<i>Berezuk D. V.</i> Texts of Internet User Comments as a Result of Advertising Agency Reputation Reflection	166
<i>Marakulina P. A.</i> Automatic Appraisal of the Fiction Text Describing a Conflict Situation.....	170
<i>Molotkova A. V.</i> Specific Linguistic Features of the News about Road Accidents	174
<i>Skrabina H. V.</i> Search Image for English Publicist Texts	179
<i>Tretyak A. O.</i> Automatic Procedure of Unifying French News Messages in a Common Plot	180
<i>Holod A. L.</i> Flame as a Destructive Strategy of Virtual Communication Plot.....	185
<i>Shumskaya M. A.</i> Functioning and Ways of Development of the English Question-and-Answer Retrieval System.....	190

MODERN LITERATURE AND TRANSLATION

<i>Arpentieva M. R.</i> Conditional-Literal Translation: “The Yellow Ribbons” of Alienation and Cohesion.....	195
<i>Atrashkevich A. Y.</i> Satiric effect in J. Heller’s novel “Catch-22”	200
<i>Bozhkova V. I.</i> Breaking Traditions of Magic Realism in the Novel Skellig by David Almond.....	203
<i>Drevnitskaya A. V.</i> The Gothic Features in Emily Brontë’s “Wuthering Heights”	206
<i>Ershova E. V.</i> Transformation of the Urban Space in the Jewish-American Literature of the XX century	210
<i>Zenkevich Y. E.</i> Socio-Cultural Orientation of the Works of S. King.....	213

NEW TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

<i>Romanovskaya E. A.</i> Developing creative essay skills of senior students at linguistic universities	217
<i>Barashko N. V.</i> Teaching Gifted Children How to Translate English Poetry into Russian.....	220
<i>Marozava O. V., Titova A. V.</i> Cloud technology in Students’ Independent Learning.....	222
<i>Osmolouskaya I. G.</i> The Use of Rhymes in Teaching German Grammar to Adult Audience.....	226

Научное издание

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ**

Материалы
V Международной научной конференции

Минск, 24–25 мая 2016 г.

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Ответственный за выпуск *Т. П. Картилович*

Подписано в печать 19.09.2017. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 15,48. Тираж 100 экз. Заказ 61.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.